

- [Владимир Сорокин](#)
 - [2 января.](#)
 - [4 января.](#)
 - [5 января.](#)
 - [6 января.](#)
 - [7 января.](#)
 - [9 января.](#)
 - [12 января.](#)
 -
 - [Достоевский-2](#)
 -
 - [14 января.](#)
 -
 - [Ахматова-2](#)
 -
 - [15 января.](#)
 -
 - [Платонов-3](#)
 -
 - [16 января.](#)
 -
 - [Чехов-3](#)
 -
 - [17 января.](#)
 -
 - [Набоков-7](#)
 -
 - [18 января.](#)
 -
 - [Пастернак-1](#)
 -
 - [20 января.](#)
 -
 - [Толстой-4](#)
 -
 - [8 апреля.](#)
 -
 - [Заглыб](#)

-
- [Синяя Таблетка](#)
-
- [К. Симонов](#)
-
- [notes](#)
 - - [Китайские слова и выражения, употребляемые в тексте](#)
 - [Другие слова и выражения](#)

roman

Владимир Сорокин

Голубое сало

[Китайские слова и выражения, употребляемые в тексте](#)

[Другие слова и выражения](#)

– Взгляните! – воскликнул Пантагрюэль. – Вот вам несколько штук, еще не оттаявших.

И он бросил на палубу целую пригоршню замерзших слов, похожих на драже, переливающихся разными цветами. Здесь были красные, зеленые, лазуревые и золотые. В наших руках они согревались и таяли как снег, и тогда мы их действительно слышали, но не понимали, так как это был какой-то варварский язык...

...Мне захотелось сохранить несколько неприличных слов в масле или переложив соломой, как сохраняют снег и лед.

Франсуа Рабле

«Гаргантюа и Пантагрюэль»

В мире больше идолов, чем реальных вещей; это мой «злой взгляд» на мир, мое «злое ухо»...

Фридрих Ницше

«Сумерки идолов, или как философствуют молотом»

2 января.

Привет, mon petit.

Тяжелый мальчик мой, нежная сволочь, божественный и мерзкий топ-директ. Вспоминать тебя – адское дело, рипс лаовой, это *тяжело* в прямом смысле слова.

И опасно: для снов, для L-гармонии, для протоплазмы, для скандхи, для моего V 2.

Еще в Сиднее, когда садился в траффик, начал *вспоминать* . Твои ребра, светящиеся сквозь кожу, твоё родимое пятно «монах», твоё безвкусное tatoo-pro, твои серые волосы, твои *тайные* цзинцзи, твой грязный шепот; поцелуй меня в ЗВЕЗДЫ.

Но нет.

Это не воспоминание. Это мой временный, творожистый brain-юэши, плюс твой гнойный минус-позит.

Это старая кровь, которая плещет во мне. Моя мутная Хэй Лун Цзян, на илестом берегу которой ты гадишь и мочишься.

Да. Несмотря на врожденный Stolz 6, твоему ДРУГУ тяжело без тебя. Без локтей, гаовань, колец. Без финального крика и заячьего писка:

во ай ни!

Рипс, я высушу тебя. Когда-нибудь? ОК. Топ-директ.

Писать письма в наше время – страшное занятие. Но ты знаком с условиями. Здесь запрещены все средства связи, кроме голубиной почты. Мелькают пакеты в зеленой W-бумаге. Их запечатывают *сургучом* . Хорошее слово, рипс нимада?

АЭРОСАНИ – тоже неплохое, На них меня жевали шесть часов от Ачинска. Этот дизель ревел как твой клон-файтер. Мы неслись по *очень белому снегу* .

«Восток-Сибирь большая», – как говорит Фань Мо.

И здесь все по-прежнему, как в V или XX веке. Восточные сибиряки говорят на старом русском с примесью китайского, но больше любят молчать или смеяться. Много якутов. Из Ачинска выехали на рассвете. Аэросани вел молчаливый «белый жетон», зато штурман-якут в форме мичмана хохотал всю дорогу, как наш фокусник Лао. Типичный

представитель своего бодрого, L-гармоничного народа. Якуты здесь предпочитают мягкие зубы, одеваются в живородящую ткань китайского производства и активно пробируют мультисекс: 3 плюс Каролина, STAROSEX и ESSENSEX.

Рипс-рипс, *путе*–шественник!

За шесть часов от этого куайхожэнь я узнал, что:

1. Любимое блюдо якутов – оленина в вороньем соку (из живой вороны среднего размера выжимается сок, в который кладут оленью вырезку, немного морской соли, ягеля, и все тушится в котле до плюс-директа. Пробируем через 7 месяцев?).

2. Любимая секс-поза якутов – на четырех точках опоры.

3. Любимый сенсор-фильм – «Сон в красном тереме» (с Фэй Та, помнишь ее фиолетовый халат и *запах*, когда она входит с улиткой на руке и ворохом мокрых кувшинок?).

4. Любимый анекдот (старый, как вечная мерзлота): обустройство туалета в Якутии. Две палки – одна замерзшее „, от ануса отковыривать, другая – от волков отбиваться. Топ-директный юмор. А?

Хотя, когда я после шести часов вылезал из сиденья, мне было не до смеха.

ПРОСТАТА. Фиолетовый контур в глазах. Минус-позит. Бад-кан сер-по. Творожистое настроение.

Только ты поймешь меня, гадкий лянмяньпай.

Место моего семимесячного пребывания весьма странное. GENLABI-18 спрятана между двух громадных сопков, напоминающих ягодицы.

Во всем намек, рипс нимада та бень.

Сопки покрыты редколесьем: лиственницы, елки. Меня встретил полковник – квадратный, L-невменяемый мачо с мутным взглядом и директ-вопросом: КАК ДОЕХАЛИ? Ответил честно: минус-робо. Этот пень тань ша гуа был разочарован. Когда спустились в бункер, я совсем потерял чувство времени: GENLABI-18 размещена в бывшем КП ПВО. Глубокое заложение. Армированный бетон эпохи совкома. Полвека назад здесь днем нажимали на кнопки, а ночами мастурбировали советские ракетчики.

Счастливые: у них хотя бы были объекты мастурбации – TV и CD.

Здесь же нет даже сенсор-радио. Verbotten: весь медиальный плюс-геймйн. Вся аппаратура на сверхпроводниках третьего поколения. Которые? Да. Не оставляют S-трэшей в магнитных полях.

Соответственно – не фиксируемы ничем,

Ну и: температура в аппаратной –28°C. Не плохо, рипс лаовай? Там

работают в *костюматорах* .

Счастье, что я не оператор и не генетик. Плюс-плюс-счастье, что доехал мой чемодан с «Чжуд-ши», а значит – с моей L-гармонией.

Надеюсь, все будет лин жэнь маньи-ди, и я за эти семь месяцев не превращусь в крота-альбиноса с *розовой простатой*.

And so, нежная сволочь моя, пошел обратный отсчет времени. 7 месяцев в компании. 32 «белых жетона», 1 полковник, 3 лейтенанта-оператора, 4 генетика, 2 медика, 1 термодинамик. Плюс нежноизвестный тебе логостимулятор. И это в с е на 600 верст.

Таков наш дахуй, как говорят за Великой Китайской Стеной.

Погода: –12°C, ветер с левой сопки. Какие-то белые птицы на лиственнице. Рябчики? Бывают белые рябчики, поросенок? А ргорос, ты совсем равнодушен к Природе. Что в принципе не правильно. И минус-активно.

Пожелай мне не створожиться здесь от тоски, обо-гобо и мороза.

Сегодня на ночь – прижигание *по-старому* , плюс жир ящерицы да-бйид. Масло ба-сам доехало, слава Космосу. «Пять хороших» тоже целы. Вспомнил; «Жажда, совокупление, бессонница, хождение, сидение, переживания – все, что может вызвать волнение мочи, запрещается». Жаль, ночью некому будет подержать кувшин.

Посмотрим, что здесь едят. Bear's hug, мой узкобедрый ханкун мудень. Целую тебя в ЗВЕЗДЫ.

Boris.

4 января.

Нинь хао, сухой мотылек.

Гнилые сутки форберайтена миновали. Устал просить и командовать. Несмотря на то, что почти все «белые жетоны» – сверхсрочники, у них вместо мозга протеиновая пульпа для инкубаций.

Вчера на рассвете приползла гора аппаратуры. Слава Космосу, моя часть встала не в аппаратной, а в В-гидропоник. Не надо будет переодеваться и потеть. В общем – все начинается, рипс нимада. Твой теплый Boris неплохо устроился в этой бетонной чжи-чан. Моя *каюта* во втором конце. Так что стон биотеплиц не доносится. Это минус-директный звук, всегда раздражавший меня во всех *командировках*.

Познакомился со всеми. Генетики: Бочвар – краснощекий словообильный русак с дюжиной мармолоновых пластин вокруг губ, Витте – серый немец, Карпенкофф Марта – корпулентная дама с прошлым ТЕО-амазонки, любит: клон-лошадей, old-gero-techno, аэрослалом и разговоры о М-балансе. Фань Фэй – бодрый шанхаец твоего возраста. Блестяще говорит на старом и новом русском. Видно, что большой чжуаньмыньцзя в генинже хорошо ходит (коэффициент L-гармонии походки более 60 единиц по шкале Шнайдера). С ним говорили о засилии китайских блокбастеров. Ему плевать на тудин, конечно.

Медики: Андрей Романович, Наталья Бок. Белые клон-крысы из вонючего GENMEO. Общаться с ними – тяжелый *фарш*. Зато термодинамик Агвидор Харитон – симпатичный, плюс-директный шаонянь. Он потомок академика Харитона, который делал для Сталина H-bomb. В наш бетонный анус его занесла не жажда денег (как твоего *мягкого* друга), а SEX-БЭНХУЙ: он, solidный мультисексер со стажем, расстался с двумя своими нежными поршнями и с горя напросился в *командировку*.

Кто в этой дыре *зарядит* его дуплетом? Не сверхсрочники же, рипс лаовай. Сам любит: полуспортивные флаеры пятого поколения, Гималаи, пожилых мужчин-математиков, вишневые сигары и шахматы. Сыграем вечером.

Все военные, включая операторов, – тотально неинтересны. Жилистые амплифаеры. Они пользуют старый русмат, который я не перевариваю даже под северным соусом.

И!

О г. Полковнике – инф. по умолчан. – как шутил мой пок. папаша.

Это весь шаншуйхуа – спросишь ты? И я кивну, рипс нимада.

Вот мы и дождались с тобой, *козленок* в шоколаде. Ты все пугал меня: «Mit meinem BOVO muss ich scheiden».

Тебе, как *нежной* сволочи, будет легче пережить это. Достаточно любой хорошо вымытой руке коснуться твоих плавников, – топ-директ, хуайдань, плюс-позит, сяотоу! Рука дающего вана не оскудеет, а твоя перламутровая сперма протея не загустеет.

К сожалению, я устроен по-другому и моя LM не расположена к протеизму.

Я целокупен.

И горжусь этим, рипс.

Поэтому, как и тогда в Барселоне, я сохраню тебе чжун-ши посредством смещения М-баланса и сохранения моей божественной L-гармонии. Уверен, «Чжуд-ши» поможет by Kosmos blessing.

Молись за меня по-русски. А propos – передо мной лежит «Чжуд-ши», раскрытая на твоей *нелюбимой* главе 18.

НИРУХА, КОТОРАЯ ОТНОСИТСЯ К ЧИСЛУ ПЯТИ НАЗНАЧЕНИЙ:

«Когда в нижней части тела застрял обломок оружия, сохнет кал, гланг-тхабс, жар низа тела, задержка мочи, вздутие живота, глисты, скран свежий и застарелый римс».

Обломок твоего *сочного* оружия, подонок, застрял у меня в чакре Сердца. А об этой болезни нет ничего даже в «Чжуд-ши». И не смейся, чуньжэнь, над «Узнаванием болезней по зеркалу мочи». Я старше и умнее тебя, и повторяю тебе 77 раз: твое любимое кровопускание – не панацея от всех болезней.

Вспомни великого Вернадского: L-гармония не связана с чистотой крови. Твои квазимедитации с Иваном и последующее совместное кровопускание – полное хушо-бадао.

Минус-директ этого *дикаря* – два плюс-наших-плюс-директа. Я не боюсь твоего тибетского ножа для кровопускания в форме хвоста ласточки, но мне жалко твою юную кровь, беспричинно утекающую в землю. Лучше мои губы будут отсасывать ее.

И вообще – хватит о телесном. Это наша разница в возрасте скрипит в моих биофилологических суставах.

Ты счастлив – у тебя в запасе есть целых 12 лет. Как это много, рипс нимада!

Пишу без зависти.

За три года нашей *аферы* ты успел заметить, что, несмотря на *гнойный* характер, я сохранил детскую способность искренне радоваться за близких

мне людей.

А ближе тебя, ша гуа, у меня только мое бледное тело с перманентно пылающей простатой.

Но хватит о бэйцаньди. Пора о приятном: фудпровайдинг здесь топ-директ. То есть просто – ни ха та бень. И очень *лаконичный* повар, не гарнизонный, хоть и в форме сержанта.

Оцени, пиявочка моя, МЕНЮ на сегодня:

Fruhstuck

Кленовый сок
Поридж-ламинария
Овечье масло
Овсяный хлеб
Кофе N
Кофе TW
Зеленый чай

Lunch

Ржаные гренки с козлиным мозгом
Салат из луговых трав
Куриный пресс-бульон
Филе нутрии с молодым бамбуком
Фрукты
Ежевичный blub

Трапеза

Кумыс
Ван тан суп
Ватрушка со пашеном

Повечерие

Березовая пульпа с мамалыгой
Сбитень имбирный
Родниковая вода

Коэффициент L-гармонии такого меню – 52-58 единиц по шкале Геращенко. Not bad, правда? А вчера на lunch подали клон-индейку под

красными муравьями, что вызвало у меня приступ *фиолетовой* ностальгии.

Помнишь банкет в ASIA-центре по случаю split-фальжирования макросом ХЭТАО весеннего плюс-ин-кома?

Ты был тогда в минус-директе из-за этого лао бай син Злотникофф, поэтому наверняка ничего не помнишь, кроме его платиновых волос и жирных ручищ, которыми он тискал тебя возле обелиска.

А я в тот *гнилой* вечер целиком отдался гастрономии,

Общеизвестно, что повара в ХЭТАО – не бумажные тигры и не девушки, рисующие цветы цзы-динсянхуа рогом буйвола на поверхности озера Чжан.

После вербальной интродукции и раздачи шкатулок, когда на полуторатонной голубой клон-черепахе выехала несравненная Мяо Ма и запела «Седую девушку», я присох и створожился: опять китайщина, рипс лаовой, никуда от нее теперь не денешься.

Представил: сейчас 38 юношей растворят сандаловые врата, стукнет серебряным посохом церемониймейстер и на нас обрушится тоталитарная мощь китайской кухни.

Но вместо этого – зеленая сенсор-wave, Булонский лес, le triomphe de la cuisine francaise: гипер-устрицы, семга с паразитами, сиамские телята с трюфелями, землеройки смаком, белужья икра в розетках из лунного льда, буйволиные почки в сгущенной мадере, седло носорога под синим лазером и – любимая моя, простая как улыбка репликанта, сочная как жизнь, – клон-индейка под красными муравьями.

У ХЭТАО она была громадной, здесь же поскромнее – кг на семьдесят.

В тот вечер я рвал белое мясо и *бодро* хрустел муравьями, заливая свою М-ревность «Мытищенским 2222» (500 новых юаней бутылка).

Ты знаешь, из белых вин я предпочитаю старые подмосковные, а красные, – тут уж глотка не сделаешь без албанских. Но тогда я не пил красного из L-принципа.

Когда ты уехал с Злотникофф на лифте, чтобы сделать ему в барокамере малый тип-тирип, подали десерт. Это был громадный круглый торт – подробная модель Луны, на которую у ХЭТАО большие виды (они уже перекупили у бразильцев здание разрушенного Хилтона в море Покоя). Торт парил над вибропластиной, музыка которой подействовала на меня возбуждающе.

Одним из первых я вонзил нож в торт, вырезал огромный кусок, взял двойной «Albogast», потом водки «Катя Бобринская», потом слоеный ликер «Семь цветов радуги», затем опять «Albogast», «Napoleon O.X.», Myer's Planters Punch, «Дядя Ваня», Cusam samroju, и все кончилось, помнишь

чем.

Рипс!

Я не извинюсь ни перед тобой, ни перед Злотникофф даже на смертном одре. Это *принципиально*, бровеносец мой гибкий.

А свиноматка Злотникофф будет вечно помнить мой тепель-тапель.

Я зануда?

Пора прервать Т-вибрации и выбросить мороженого ежа из своей узкой постели.

Клон-голубиная почта – потрясающее изобретение наших военных, доложу я тебе. Клон-голубятней заведует ефрейтор Неделин. Она запирается на стальную дверь. И в этом есть резон, рипс. Существа, которых выращивает кривоногий Неделин, вовсе не напоминают невинную голубку Пикассо, голограмма которой парит перед входом. Они размером с орла, их желтые глаззззззззз светятся в темноте. Роговой клюв может спокойно проломить череп ефр. Неделину Твари растут как грибы, Неделин кормит их пресс-крысами и XL-протеином. Они морозостойки, неприхотливы и дальн**о**бойны .

И никогда не спят.

Если такой ублюдок столкнется в воздухе с настоящим голубем, он разорвет его налету, проглотит и полетит дальше.

В сутки Неделин выпускает до 6 клон-голубей:

military плюс privat почта.

Секретности никакой – мои письма настигнут тебя, когда проект будет завершен, а бункер ликвидирован. Может я обниму тебя раньше, чем ты получишь их, стройный ван? И мы сплетемся как белые осьминоги, обгоняя клон-голубей?

А потом, когда они долетят, ты будешь распечатывать и читать эти письма, а я, лежа за твоей татуированной спиной, буду бросать в нее шелуху от фисташек и по твоему сопливому хрюканью угадывать какое место ты читаешь.

Хорошо бы так и было, рипс.

После lunch гулял между сопками и курил. -14°C. Серое небо, мутное солнце.

Вышли: ефр. Неделин (пускать голубков) и Марта Карпенкофф (посмотреть, как они летят).

Твари неохотно покидают стальные клетки. Неделин вытаскивает их щипцами и метает в небо. Они раскрывают жилистые крылья и несутся в Абакан.

Карпенкофф провожает их прицельным взглядом ex-амазонки.

Неделин гремит пустыми клетками, сморкается в снег.

Послезавтра привезут *объекты* .

У меня готово все, кроме *провокаций* .

Придется поторчать в реактивной. Биофилология – модная, но кропотливая наука. Правда, дельфин? Жму тебя.

Boris.

5 января.

И все-таки ты хуайдань, нимада.

Пытаюсь забыть твоё *липкое* свинство с Киром и Дэйзи, и не могу. Даже здесь, в этой мерзлой **О**.

Теперь я понимаю *почему* ты так долго просил прощения, молил не наказывать тебя через BORO-IN-OUT.

Не потому, что ты *rapid* по рождению, *полтинник* по L-гармонии и *сахарная свинья* по карме.

Своими слезами, поклонами и целованием стола ты пластилинил более тяжкий грех. Более *потную* связь.

Кир – простой ша гуа, без намека на L-гармонию, воткнувший свой тонкий цзуанькунцы в модное GERO-KUNST. Дэйзи – дао бай син, попавшая из Пскова в питерскую ART-мей чуань. Она не в состоянии поддержать элементарный таньхуа и, как Ребесса из твоего любимого сериала, способна лишь повторять конец фразы собеседника, прикрывая гебефреническим хохотом свою глупость.

Кир держит ее за то, что она дает ему между *мышцами*, это знает даже Попофф.

Ты стал *сопливить* отношения с этой мизальянской и минус-позитной парой из-за своих ложных W-амбиций, а я, наивный благородный ван, не догадался *зачем*.

Тебе понадобились жалкие Кир и Дэйзи, как бумажная ширма, за которой ты отдавался свинцовому *натуралу* с Наташей.

С этой гнусной минус-активной сколопендрой. Она оплетала тебя своими бледно-венозными ногами, шепча: *во ай ни*, а ты вспарывал ее *подзасохшее* своим пестом. Вы делали ЭТО *натурально*, как деды и отцы.

И ты гордился своей М-смелостью, узкий подонок: «Я пробирую *natural!*»

Фальшивая мерзость, достойная скуннеров и диггеров.

Бэйбиди сяотоу, кэйчиди лянмяньпай, чоуди сяочжу, кэбиди хуайдань, рипс нимада та бень!

И это все, что я прорычу
в Твое позолоченное ухо,
липкий подонок.

Boris.

6 января.

Нинь хао, прелесть моя.

Сегодня чудесная погода и много событий.

Первое: моя простата на *время* успокоилась. После? 16 прижигании, нирухи и втирания жира ящерицы да-бйид.

Второе: нашему полковнику никто не пишет. Шутка.

Здесь никому не пишут. TS 332. Письма летят только в одну сторону.

И!

Третье: привезли объекты.

Это достойно подробного описания. Я сидел в реактивной, сканировал вчерашний посев. Вошел громкий Бочвар: ВЕЗУТ!

Оделись, вылезли наверх. Там уже торчал весь наш бело-жетонный гарнизон .

Огибая левую сопку, допотопный снегоход тащил белый living-сяочэ, которые использовались китайцами во время Трехдневной войны в Монголии.

Подъехали.

Из снегохода вылез капитан чего-то (кажется, СПВ), доложил полковнику. Открыли living-сяочэ, стали выводить объекты. Ты знаешь, я *хладнокровная* ящерица, но РК видел впервые.

Поэтому?

Был неадекватно *любопытен*.

Объектов семь: Толстой-4, Чехов-3, Набоков-7, Пастернак-1, Достоевский-2, Ахматова-2 и Платонов-3.

Несмотря на жару внутри living-сяочэ, все РК были в скафандрах с ошейниками и с tub-сапогом на правой ноге. Спустили трап, стали принимать их. Шли спокойно. Разместили их профессионально. Семь камер, обитых натуральным войлоком: 3х3х3.

Подробнее: Толстой-4.

Четвертый reconstruct Льва Николаевича Толстого. Инкубирован в Красноярском GWJ. Первые три не совсем удались: не более 42% соответствия. Толстой-4 – 73%. Это мужчина, ростом 112 см, при весе 62 кг. Его голова и кисти рук непропорционально большие и составляют половину веса тела. Кисти рук массивные, как у орангутанга, белые, складчатые; ноготь мизинца размером с монету в пять юаней. Крупное яблоко исчезает в кулаке Толстого-4 бесследно. Его голова в три раза

больше моей; нос в пол-лица, неровный, бугристый; брови, поросшие густыми толстыми волосами, маленькие слезящиеся глаза, огромные уши и тяжелая белая борода до колен, волосы которой напоминают амазонских водяных червей.

Объект спокоен, нем, как и остальные шесть. Любит шумно втягивать воздух ноздрями и тяжело выдыхать. Иногда подносит оба кулака к лицу, медленно раскрывает их и долго смотрит на свои ладони. На вид ему лет 60. Его вырастили за 3 года и 8 месяцев. В камере у него прозрачный стол в стиле позднего конструктивизма (Гамбург, 1929), бамбуковое кресло (Камбоджа, 1996), кровать с гелиевым наполнителем (Лондон, 2026). Освещение – три керосиновые лампы (Самара, 1940). Erregen-объект – чучело пантеры-альбиноса. Вот так, рипс лаовой.

Дальше: Ахматова-2.

Второй RK Анны Андреевны Ахматовой.

Инкубирована в ГЕНРОСМОБе. Первая попытка – 51% соответствия, вторая – 88%. Объект внешне полностью соответствует оригиналу возраста 23 года. Выращен за 1 год 11 месяцев. Сильная патология внутренних органов: практически все смещены и недоразвиты. Сердце искусственное, печень свиная. М-баланс 28. Поведение беспокойное, автоматизм, PSY-GRO, яндяньфын. Издает частые гортанные звуки, нюхает правое плечо и предметы. В камере: лежанка эбонитовая (Южная Африка, 1900), светящийся шар свободного парения. Erregen-объект – кости неандертальца мужского пола, залитые жидким стеклом.

Я не слишком сухо излагаю, мой золотоухий ханкун мудень? Читай. Ты же GERO-KUNSTLER, рипс чоуди сяочжу!

Набоков-7.

С ним наши ген-мошуща провозились 8 лет. Первый RK появился в подземной MUBE, еще когда я жил с сиамскими близнецами и не знал твоих прелестей. Судя по записи академика Макаревича, отторжение доходило до 80%, объект был аморфным и содержался в барокамере. Набокова-5 инкубировали (sic!) в день подписания Мюнхенской конвенции о запрещении RK и клонирования F-типа. Проект был заморожен, объект умерщвлен. Но уже через полгода Набокова-6 инкубировали (тайно от IGKC) в воронежском ВИНГЕНИЖе. Было много проблем. Но вот – Набоков-7. 89% соответствия. Фантастик, рипс та бень! Самый высокий уровень из всех семи. Хотя внешне это не заметно: объект похож на полную женщину с кудрявыми рыжими волосами. Все мышцы его мелко вибрируют, что создает вокруг тела объекта еле заметный контур. Пот струится по телу и хлопает в переполненных ботинках. Мебель: стол

кухонный (СССР, 1972), стул круглый на винтовой штанге (Бухарест, 1920), кровать солдатская походная (us army, 1945). Освещение: четыре источника зеленого света произвольного размещения. Erregen-объект – женская норковая шуба, покрытая пчелиным медом и подвешенная под потолком на золотом крюке.

Пастернак-1.

«Первый РК-блин – и не комом!» – прямолинейно пошутил наш немец. Пастернак-1 инкубировал Вездесущий и Бессмертный Алоиз Ванеев. Соответствие – 79%. Самое зооморфное создание из всех семи. Сходство с лемуром поразительное: маленькая голова, покрытая белым пухом, крошечное сморщенное лицо с огромными розовыми глазами, длинные, до колен, руки, маленькие ноги. Он раскачивается и издает носом трубные звуки. В соответствии с LOGO-корреляцией, мебель в его боксе отсутствует. Зато 64 интенсивных источника света и живой erregen-объект: шестидесятикилограммовый персидский клон-кот. Умирающий? От ожирения, *mon petit*.

Достоевский-2.

Особь неопределенного пола, среднего роста, с патологией грудной клетки (выпирает вперед килем) и лица (височная кость срослась с носовой в форме ручки пилы). Его войлочная *кубатура* освещена софитом. Erregen-объект – шкатулка из яшмы, наполненная алмазным песком.

Платонов-3.

Настоящее произведение ген-искусства из Санкт-Петербурга. Помнишь, сладкий *поршень* мой, йога, описанного Гурджиевым, который двадцать лет простоял на кончиках пальцев рук и ног во дворе буддийского монастыря и которого монахи раз в месяц выносили на реку и обмывали, как скамью или стол? Платонов-3 – тот самый стол из человеческой плоти. Его тяжелые кости обтянуты желтой кожей, плоское лицо неотрывно смотрит вниз, огромный белый член болтается между ног. Для Платонова-3 – буковый кабинет (Париж, 1880), хрустальная люстра (Брно, 1914), erregen-объект – лед в деревянном ящике, обитом ватой.

И.

Наконец – Чехов-3,

Очень похож. Даже – гаофэнь, рипс нимада. Хотя соответствие – всего 76%. Один дефект – отсутствие желудка. Ну, да это – сяоши, как говорит дядюшка Мо.

Все объекты – на биосе, так что с едой и дефекацией проблем нет. В общем – все пока чантайди.

Хотя зачем я это пишу тебе, потной гниде, с таким плюс-директом

предающей близких?

Способен ли ты *понять* простой и dis-активный баофа тела моего? Понимаешь ли ты, как мыслящая монада, что ближе ТЕБЯ у моего тела нет НИКОГО?

Boris.

7 января.

Вчера ночью начался *буран* .

Это сильный ветер со снегом, Спутал нам все фа: TFG не подвезли. И все встало.

Так всегда у военных – главное оставляют на десерт. Русский *авось* плюс буфуцэ сяньсян. Ждем погоды и пьем с утра.

Ты спросишь: «Рипс нимада, а как же два наших договора, подписанные коньяком и спермой?»

Ангел мой гнилосердый, свой договор ты нарушил первым (со Злотникофф), когда твоя сперма еще не просохла на рисовой бумаге. Уверен на 99%, что в мое отсутствие помимо мультисекса ты продолжаешь пробировать *natural* с персонами, гнусная и L-дисгармоничная плоть которых не годится даже на пресс-food для клон-голубей ефрейтора Неделина.

Поэтому.

Войдя сегодня утром в *solarium*, я с чистой совестью принял первую дозу моей любимой водки «Катя Бобринская». (Коньяка здесь нет.)

Наш *solarium*, или – *сочилово* – на жаргоне «белых жетонов», большая по масштабам бункера комната, оклеенная живородящей текстурой и гиперактивно подсвеченная сверху. Посередине – стойка бара (весьма пиньфади по содержанию), водяные тумбы, шахматный стол (заказанный мною) и два сенсор-кресла, естественно, со снятым оборудованием.

В нормальном *месте* подобного рода после 50 мл «Катеньки» меня потянуло бы в сенсор-кресло.

Для начала я бы *вклеил* что-нибудь веселое.

Например, микс-римейк «Огни большого города – Терминатор». (Помнишь, как Шварценеггер гонится за Чарли Чаплиным по сабвею?) После третьей дозы меня двинуло бы на китайщину от Шаолиньпродакшен – «Дыхание Красного Дракона» или «Речные заводы». Ну а после 500 мл – СВЯТОЕ РЕТРО: «Farewell, Moranbong!»

Рипс, после *половины* литра я не могу видеть без слез руки Сюзи Бланк – и это *fatum*.

Помнишь, когда она бинтует крыло Владимиру своей сорочкой, а он закрывает глаза и спрашивает: «Тебе приходилось спать в небе?» – «В небе? – переспрашивает она, – Как это?»

И сразу – кровь сквозь сорочку! плюс прибой! плюс морская пена на

скала! плюс мурены вокруг трупа Рональда! плюс ветер в волосах! плюс запах сожженного гнезда – и как только понесет песок и скрипнет на зубах песчинка – так у меня и потекло.

И я плачу до самой ее реинкарнации.

Вот загадка для столь несентиментального человека, как я.

Но здесь, в GENLABI-18 плакать пока нет повода.

Не успел повторить «Катеньки», как дверь булькнула, вошли двое: Бочвар и Карпенкофф.

– Рипс, а говорят, что биофилы только нюхают, жмут и трут! – засмеялся Бочвар.

– К сожалению, пьют тоже, – выпил я. Он зашел за стойку и загремел бутылками.

– Господин Глогер, чем вы боретесь с бураном? – спросила Карпенкофф, глядя на мой пустой кубик.

– Водкой «Катя Бобринская», – ответил я, лишний раз убедившись в тяжелом V2 этой самки.

– «Катя Бобринская»? – переспросила она с угрюмым минус-директом, словно вспомнив сразу всю свою *мутную жизнь*. – А что это?

– Марта, это хорошая ржаная водка, – опередил меня Бочвар. – Эйс-позит.

– Тогда налейте мне, – Карпенкофф опустила свой ванвэй на тумбу.

– Не ищите бутылку, – предупредил я Бочвара. – Здесь только кубики.

– Нас тут ждали с водяным говнорезом! – захохотал Бочвар. – Северная поебония с ледяной плюс-пиздищей плюс *хуесcroll* !

– Я прошу не употреблять русмат в моем присутствии, – сканировал я его.

– Вы даньхуан? – спросил он.

– Я даньхуан, – ответил я.

– Цзюцзин нинь шэмма шихоу нэн чжуньбэйхао ни? – обнажил свои перламутровые зубы Бочвар.

– Цюй нянь синцижи сяюй ши, – закурил я.

– Олени, поберегите рога, – Карпенкофф поймала кубик, пущенный ей по стойке Бочваром. – На меня этот буран действует как END-ШУНЬЯ. Каменная голова плюс каменная вагина плюс каменный анус. Вы впервые на *таком Севере*, Борис?

– Да, – ответил я, садясь за шахматы.

– Я *вижу*, – она поднесла кубик к оранжевым губам, – Белый Север не даст вам створожиться. У меня это четвертый плюс-ком. Каждый раз я теряю до 6 пунктов М-баланса, но все равно приобретаю приличное

BORBOLIDE. Север учит нас, фиолетовых клопов.

– Лишь бы военные не раскрасили носорога, рипс нимада та бень, – Бочвар налил себе в стакан Chivas Regal и стал щедро совать лед. – Я готов потерять 20 единиц L-гармонии, только бы уложиться в график. Если они все так провайдят, как TFG – тогда без *рессор* не обойтись. Еще месяц здесь месить воздух – Фубайди шици!

– Наши военные не раскрасят носорога, Леонид, – сосредоточенно выдохнула Карпенкофф после выпитой водки. – «Белые жетоны» – не каблуки. И даже не МПИ. У них *solidный status*. Меня больше беспокоит наш Агвидор.

– Харитон? – отпил из гремящего стакана Бочвар. – Да, – Карпенкофф вытянула из наплечника узкий портсигар, достала папиросу – Не знаю, может я – парникубель, но его манипуляции с батареями весьма сомнительны. Ретро-плюс какой-то. Бочвар засмеялся.

– Вы маракуете в термодинамике? – спросил я.

– Не надо быть ген-титаном, чтобы *знать* зависимость *dis-скачков* от порога энтропии. Я не вчера покинула вагину и это моя не первая *командировка*. Харитон помешан на практике фон Штайна, от которой почти все отказались. С Арцимовичем и Мамеляном я работала директней.

– В Угре? – спросил я, расставляя шахматные фигуры. – S-пластилин проект?

– Уер, – закурила она.

– Сравнить S-пластилин и ГС-3 некорректно, – я сделал ход e4.

– S-пластилин! – засмеялся Бочвар. – Марта, вы блефуете! S-пластилин! Витя Борцони делал для них *in-out*. Там все было как в *саванне*. Все сразу получилось, я видел пульпу Это топ-директ, рипс. Его тело весило четыре тонны, кожа вулканизировалась прямо на глазах. Но, Марта, сравнивать эти проекты... – он тряхнул головой так, что звякнули его надбровные полумесяцы. – Ваши Арцимович с Мамеляном простые *штукари* по сравнению со всеми нами.

– Мне плевать на бант, я отвечаю за совместимость. Это вам и Витте придется жевать стекло. У вашего гениального Агвидора будет очень средний *разброс*. Я это *вижу*. Будет *средняя* вонь, – Карпенкофф подошла к стене, выпустила дым на текстуру. Ворсинки жадно зашевелились.

– Марта, не прессуйте вымя, – зевнул Бочвар. – Basta. Мы все хотим денег. И комфортной *обратной* дороги Правда, Борис?

Я кивнул.

– Борис не из разговорчивых, – Карпенкофф подошла ко мне, покачиваясь на котурнах.

– И горжусь этим, – буркнул я, разыгрывая испанскую партию.
– Ненавижу зиму, – Бочвар сел на стойку. – Хуже зимы только музыка

137. Еще «Кати»? Я кивнул. Он метнул мне кубик,
Не мой напиток, – потушила папиросу Карпенкофф. – Дубовый
аквавит есть?

– Конечно! – Бочвар быстро нашел, открыл, налил.
– Другое дело. Цзодэ хэнь ягуаньди, – глотнула она. Вошел полковник.
– Самое *красное* занятие! – усмехнулся он.
– Присоединяйтесь к нам, Serge, – приветливо качнулась
Карпенкофф. – Анжей сегодня виночерпий. Что вы пьете в буран?
– Все равно, – расслабился полковник. – Только не пиво и вино.
– Доверьтесь мне, – она показала ему стакан с дубовым аквавитом. –
Это бетонный щит против буранов.
– Как говорил Мао: когда дуют северные ветры, надо строить не щиты,
а ветряные мельницы! – прохрюкал Бочвар, наливая полковнику.
– Рипс, тут легче взорвать, чем построить, – расстегнул ошейник
полковник. – Сибирь! Штурмеры свиньи. Не могли поймать правильный
форберайтен, задроебы. Весь провайдинг скользит.
– А я ужее хочууу домооой! – пропел тенором Бочвар.
– Кто с объектами? – спросил я полковника.
– Лейтенант Петерсон, – полковник выпил и посмотрел на меня
выцветшими глазами. – Буран их возбуждает. Толстого-4 вырвало желчью,
Пастернак-1 бился головой об стену.
– Рипс! – я встал. – Когда это случилось?
– Отдыхайте, Глогер, – полковник положил мне на плечо свою
маленькую, но крепкую руку. – Там все уже пинъаньди. Петерсон опытный
мед. Вообще, все пока тип-тирип-по трейсу.
Он постучал пальцем по своему широкому подбородку.
– Все, кроме ваших TFG, – вставил я, переходя в эндшпиль.
– Почему *наших* ? – усмехнулся полковник. – Мы все здесь в одном
гробу.
– TFG – ваша *практика* . Serge, – Карпенкофф подошла к нему сзади,
сложила ладони малым кольцом над его седым затылком. – Уууу, как у вас
много gusanos. Вы *золотарь* ?
– Я *бабочка* , – улыбнулся он.
– Правильно, вы не *золотарь* , – продолжала сканировать она. – Вы
старый добрый ADAR. Правда?
– Это видно и без кольца, – полковник достал табакерку и быстро
понюхал. – Марта, рипс, вы не Сандра Джадд. Вам необходимо *поймать* .

– Я имею, – она сбросила след и поцеловала его в затылок.
– Анаконда, рипс уебох! – вздрогнул полковник. – Жаль, что в командировках женщины не заводят KLOPOV!

Все засмеялись, и я тоже.

«Катя Бобринская» способствует восприятию коллек-юмора. Вошел Харитон в заиндеветшем костюматоре:

– Хромо-dis не в семи.
– Сколько? – поставил стакан Бочвар.
– 30 на 6, 32 на 4. Генетики зашевелились.
– Это все из-за бурана, – вышел первым Бочвар.
– Агвидор большой мастер по замораживанию чужих *отцов*, – глядя в глаза полковнику, произнесла Карпенкофф. – Я всегда верила в госс-термодинамик.

Она вышла.

– Двинем *раскрасить*, – застегнул ошейник полковник. – Борис, в два я жду ваших трэйсов.

– Fertig, рипс нимада, – пробурчал я. Полковник скрылся за дверью.
– Рипс чоуди шици! – Харитон содрал с себя костюматор, подошел к стойке бара. – Все на соплях. Все, все на сиреневых соплях.

– Россия, – заматовал я себя в три хода. – Сыграем?
– Гной и мед в этой стране – близнецы братья. Иван Вишневский прав, – он сел напротив, стал расставлять фигуры.

– Это в вас говорит еврей, – я зажал белую и черную пешки в кулаках. – Вишневский написал много топ-директа в Москве и Бохуме. Но цитировать его в Восточной Сибири – obtoston. Сверление воздуха.

– Я сверлю всю жизнь *себя*, – он шлепнул по кулаку с черной пешкой. – Fine. Люблю играть от обороны... рипс, а что здесь пили? – он понюхал воздух.

– Водку и дубовый аквавит, – я снова пошел e4.

– Тоо much, – он ответил не задумываясь e5. – Кукурузное пиво есть? «Astor»?

– Я не бармен (f4).

– Рипс, я же не прошу вас налить (ef).

– Вы только спрашиваете (Kf3)?

– Я только спрашиваю (d6).

– Пиво – не мой напиток (d4).

– Вы – типичный пятидесятник (g5).

– И горжусь этим (Cc4).

– Плюс-директ. Но пить я ничего не буду (g4).

- Это ваша POROLAMA (C:f4).
- Рипс лаовай нимада (gf).
- «На белом ехегоп плюс тип-тирип-по трейсу» (Ф:f3).
- Вы любите этот сенсор-фильм? Этот *соплевун* ? (Kf6).
- Не нарушайте моей L-гармонии (Kс3).
- У вас врожденный midirex (Cg7)?
- У меня врожденный шен-шен (0-0).
- О чем вы говорили с полковником (0-0)?
- О его полях (Cg5).
- Рипс, у него *есть* поля (Kbd7)?
- Не считайте его клон-штангистом (Kd5).
- Ни в коем случае. Это madam Карпенкофф – клон-штангистка (h6).
- Она давит крыс по вашему поводу (C:f6).
- Я не рикша для генетиков (K:f6).
- Как ех-амазонке ей нужны гарантии (K:f6).
- Каждый сосет свое масло (C:f6).
- Она трескается из-за батарей (Ф:Г6).
- Батареи – мой цайюань (Ф:Г6).
- Сомнения – ее ба (Л:f6).
- Рипс, нимада (Kpg7).
- Вы не пьете с утра. Поэтому – не в ударе (Лaf1).
- Рипс, а как я защищу f7 (Се6)?
- Это *жирный* палиатив, как говорит наш президент (C:e6).
- Скотство (fe).
- Maybe warscheinlich (Л:e6),
- С вами играть не комфортно, – он смешал фигуры. – Вы играете как B1B 3000.
- Это комплимент?
- Вам виднее, – Харитон нашел за стойкой шар лива, открыл. – А ргорос, кто сейчас чемпион мира?
- По штанге?
- Нет, по шахматам. B1B 3000?
- Уже нет, Осенью его разорвал МЭИ ЛЮ 8. 12:6.
- Эта Карпенкофф... – Харитон брезгливо тряхнул платиновыми волосами. – У меня это четвертая *командировка* . И каждый раз – минус-директ с генетиками. Я для них всегда – умный лао бай син с непредсказуемым разбросом. А что заносит ех-амазонок в Сибирь? Деньги?
- Наверно, – я нашарил еще один кубик водки. – Но может быть и не

только деньги.

– А что же еще? Сухая вагина и топ-абильный анус? – засмеялся он, отсасывая пиво из шара.

– Вы слишком физиологичны, – потянулся я. – Карпенкофф – не кусок оттаявшей протопульпы. Она умная и сильная. У нее своя гибкая М-стратегия.

– Плевать, – отмахнулся Харитон. – Если она не бреется – это не дает ей право сканировать мою печень. Я не дую в ее хромо-фризер, пусть и она не сморкается в мой термотроп.

– Как говорил покойный Фридман: «Эксперимент заставит всех присесть на мрамор», – заметил я не без желчи.

– У вас сушеный юмор, – соскучился Харитон. – Вы наверно *тюрили* сухие отношения с негативистами. Или со стариками? У меня был один старик – такая прелесть, рипс лаовой. Хватит на всю жизнь.

– «Старики – надежда человечества», – процитировал я.

– Чей это *кал*? – поморщился Харитон.

– Тони де Виньо. Из нобелевской речи.

– Жаль, что этот ша гуа рано умер, – он поднял с пола костюматор. – Мы бы с Карпенкофф поставили ему носорожий анус.

– У вас есть два повода: его клонировать, а с ней начать тюрить мокрые отношения, – выпил я.

– Да ну вас. Нагнали на меня splin, – он двинулся к двери. – Вечером натравлю на вас Витте. Он хорошо играет. Почти как этот МЭИ ЛЮ.

– He's wellcome, сяо бенъ.

Едва за этим «молодцом из Лян Шань Бо» хлопнула дверь, я приблизился к стойке бара, вытряхнул из сэйка ледяную пирамиду, наполнил треть картофельной водкой «Степан Разин», добавил: 20 мл «Deer blue», 20 мл тюленьего молока. 10 мл елового джина, 10 мл муравьиного спирта, бросил крупинку каменной соли, поставил на 2 минуты под желтый лазер – и – если бы ты, ядовитый мальчик мой, коснулся своими смешливыми губами этого напитка, то навсегда забыл бы имя Ричи ван дер Мууна. Salut, стервец.

Boris.

P.S. А клон-голубкам буран не помеха. Эти твари пролетят сквозь все. Даже сквозь Великую китайскую стену

9 января.

Началось, слава Космосу.

Погода улеглась, после ланча нам подвезли TFG. Генетики хотели начать завтра, но полковник настоял.

Я был не против. У Харитона тоже не было *соплей* .

Витте слегка поломался, но Карпенкофф сильно его не поддержала. И в 20.34 мы *запустили* .

Рипс ша гуа, я вижу тебя сидящего в твоей GERO-KUNST пещере, жующего пакистанскую саранчу и запивающего ее голландским пивом.

Что значит для тебя – мультисексера, предателя и протeya эта короткая фраза: МЫ ЗАПУСТИЛИ?

Nihil.

Я всегда завидовал твоей способности *ничему* не удивляться.

Впрочем, это зависть калеки без органа, так что она *некорректна* , рипс лаовай.

Собственно, мне тоже пока нечему удивляться. Хотя я не каждый день в ГС-командировках . К твоему гнойному сведению, в России были всего ДВЕ попытки получения ГС: ГС-1 загнал в *трещину* пень тань ша гуа Сафонов; ГС-2 три года назад бездарно засушило МИНОБО, испугавшись санкций ИКС. В первом проекте логостимулятором был Зветан Капидич, во втором Юрий Барабанов. Оба – super-плюс-ваны своего дела.

Но ГС – коллективный ханкун мудень, в котором отсутствие любой *гниды* кладет под *gezak* весь проект.

Понимая это, мы ВСЕ в 20.00 вышли наверх, разделись, составили *большое* кольцо и совершили старую добрую самадхи Лта-на-дуг. Мандалу на снегу солдаты выложили синим песком. Полярная ночь стояла чудесная: высокие звезды. северное сияние, безветрие.

В 20.34 Харитон включил систему, а я раздал объектам бумагу и пишущие средства.

Генетики в духе .

Военные тоже.

В общем, *внешне* – все благоприятствует. Я молюсь каждые полчаса. И разрываю по шесть своих волос, чтобы удержать гексаграмму КУНЬ (исполнение).

Пожелай же ГС-3 плюс-плюс-плюс директа и молись за проект по-русски. Целую тебя по алым частям.

Boboboboboboboboboboboris.

12 января.

Всё!!!

Мы сделали ЭТО, нежный мальчик мой. И мы сделали ЭТО впервые в России. Поздравь твоего *активного* друга.

Я молился, генетики молились, полковник молился – и Нефритовый Император услышал наши робкие голоса из бетонной **о**, укрытой чистым сибирским снегом.

Все системы сработали, все объекты живы и после скрипт-процесса впали в анабиоз. Плюс-плюс-директ. Мы ходим по коридору и улыбаемся друг другу, как байчи.

К 9.34 первая фаза ГС-3 благополучно завершена. Неужели я увижу ГОЛУБОЕ САЛО?

Подождем, рипс хуайдань.

Теперь остается только ждать. Буду, рипс нимада. Начну писать тебе письма, длинные, как твой божественный **о I о**. Но только не сегодня. Потому что?

Сначала я пошлю тебе то, что здесь уже *никому* не нужно.

Кроме меня.

Но все по порядку, рипс. Первым завершил скрипт-процесс Достоевский-2. Когда индикатор вспыхнул и система отключилась, я с двумя сержантами вошел в его камеру. Зрелище, скажу тебе, не для чженцзеди гунян: после 12 часового скрипт-процесса объект сильно деформировался: грудная клетка еще сильнее выдалась вперед, разорвав скафандр, ребра прорвали кожу. сквозь них видны внутренности и бьющееся сердце. Патология черепа усилилась, та самая «ручка пилы», торчащая из лица выступила еще дальше, словно Всевышний тщетно пытался вытянуть ее из человеческого чада. Она поросла густыми черными волосами. Руки Достоевского-2 как бы обуглились, стальной карандаш прирос к ним навеки. Алмазный песок Достоевский-2 втянул носом весь в себя. А это значит, что твой гениальный друг не ошибся с Erregen-объектом. (И не только с этим, рипс!)

После отключения BIOSa и непродолжительных конвульсий объект впал в накопительный анабиоз.

Который?

Продлится 3-4 месяца.

Голубое сало будет откладываться у него в нижней части спины и на

внутренней стороне бедер. Посылаю тебе (для моей скрипт-коллекции, natürlich) его ТЕКСТ, благодаря которому в теле автора отложится до 6 кг голубого сала. Целую.

Boris.

Достоевский-2

Граф Решетовский

В самом конце июля в третьем часу пополудни, в чрезвычайно дождливое и не по-летнему промозглое время, забрызганная дорожной грязью коляска с накидным верхом, запряженная парой невзрачных лошадей, перекатила через А-в мост и остановилась на Г-ой улице возле подъезда серого дома в три этажа и все это было до чрезвычайности как это не совсем-с и про куриное слово про куриное слово совсем уж не хорошо.

Из коляски вышли два солидных господина, одетых, впрочем уже не по-летнему, да и не по-петербургски: Степан Ильич Костомаров, советник госдепартамента по особым поручениям был одет в короткий овчинный тулуп, подпоясанный дохлой, но чрезвычайно длинную змею желто-черного окраса, члены другого – богатого наследника рано умершего генерала и посему – человека без определенных занятий Сергея Сергеевича Воскресенского были обтянуты узким пестрым шелком на манер венецианских арлекинов, дающих представления на площадях когда он имел удовольствие выказывать свое а она эта подлая *тварь* совсем уж.

Бывают иные люди, один вид которых действует на нас как-то внезапно подавляюще и умиляюще, отчего грудь сжимается и беспричинные слезы выступают на глазах и это очень жалко-с если человек предрасположен а к чему это уж сами постарайтесь понять не негодная ведь.

Такое точно впечатление на немногочисленных прохожих произвели своим появлением Костомаров и Воскресенский; двое простолудинов, студент и пожилая дама остановились, как вкопанные в землю столбы, столбы столбы столбы-с столбы, да, верстовые столбы, и с нескрываемым волнением проводили глазами удивительную пару до самого подъезда. Трехэтажный дом этот принадлежал графу Дмитрию Александровичу Решетовскому и был одним из тех замечательных в своем роде домов, к коим по вторникам или четвергам, как пчелы к улью, да, как проворные, хлопотливые пчелки к новому, добротному обделанному улью хотя ульи

имеют разную конструкцию есть колоды есть домики и борть и земляные улья-с и так изволят тянуться тянется светская петербургская публика. Впрочем, так как была среда, визитеров встретил не швейцар в расшитой золотом ливрее, а хромой казак Мишка, верный ординарец графа, прошедший с ним всю турецкую кампанию и ставший для графа своеобразным Санчо Пансой, однако это полная катастрофа и нельзя же представить его положение и по положению вовсе не обязан быть *подноготным кавалергардом* или просто *скверным* человеком а по-русски – подлецом.

Без всякого недоумения на избитом оспой лице Мишка снял с господ их необычную одежду и захромал наверх, быстро быстро быстро быстро – доложить графу Господа же, оставшись наедине, принялись самым решительным образом ощупывать-с ощупывать-с ощупывать-с друг друга. Степан Ильич своими длинными костистыми пальцами вцепился в покатые плечи Сергея Сергеевича и, проворно как-то слишком уж проворно как-то по-вороньему проворно-с проворно-с перебирая по ним, стал спускаться ниже-с ниже-с ниже-с – по груди, животу и бедрам Воскресенского прямо к самым его ногам в щегольски отвороченных швейцарских сапогах. Воскресенский, обхвативши пухлыми руками талию Степана Ильича, принялся чрезвычайно быстро общипывать его спину мелкими, но довольно-таки чувствительными щипками, от коих кожа кожица кожица толстенная местами как у африканских буйволов-с на спине Костомарова в тот час же посинела и набухла кровью.

– Сергей Сергеевич, я настоятельно прошу вас об одной услуге, – первым нарушил тишину мертвую мертвую мертвую Костомаров, возвращаясь к прерванному разговору. – Покуда мы еще здесь и, стало быть, можем говорить без свидетелей, откровенно, я прошу вас не напоминать графу про ту скверную сквернейшую пресквернейшую историю с *этой* дамой, от коей всех нас тошнит тошнит тошнит. Я понимаю, что вы – лицо, так сказать, в этом деле незаинтересованное, а следовательно вам все равно как это все как как все это этот клубок отвратительный клубок как оно обернется для графа и Лидии Борисовны, но я в этом деле сильно заинтересован, а главное – заинтересован в благополучном разрешении его, без истерик и без продолжения *тоскливого скандала*.

– Да полноте-с, Степан Ильич, мне и повторять уж надоело, – отозвался Воскресенский, морщась от боли от сильной сильной боли чувствительной весьма боли. – Ежели вы до сих пор все еще считаете меня незаинтересованным в этом деле лицом – в том ваше право друга графа, но

полагать, что я как это самое незаинтересованное лицо способен попросту нагадить-с да-с нагадить-с непременно нагадить-с не очень близким людям – обидно-с и даже стыдно.

– Я вовсе не имел намерений вас обидеть, – вздрогнул Костомаров, в упор в тяжелый пристальный упор основательный если не сказать навязчивый да упор упор разглядывая выбритую до синевы щеку Воскресенского. – Поймите, я друг графа не только в светском смысле не только вовсе не только, но и в сердечном в этом в этом полном смысле. И я чрезвычайно заинтересован, чтобы все обошлось и все забыли эту грязь и низость.

– Уверен, так оно и случится, – подхватил Воскресенский, понимая насколько неудержим и даже беспощаден в своем миротворчестве Костомаров. – Со своей стороны со всей солидной прочной стороны хорошей очень хорошей и добропорядочной стороны я приложу все усилия *незаинтересованного* человека.

Вошел Мишка и пригласил их к графу в кабинет. Они молча молча молча проследовали за слугой и вскоре граф со свойственным ему искренним порывом приветствовал вошедших, устремляясь к ним от огромного, заваленного бумагами бумагами ценнейшими бумагами стола.

Граф Дмитрий Александрович Решетовский был во всех отношениях человек необыкновенный, если не сказать – странный и в этом даже необычное и странный странный странный странноватый впрочем. Покойный отец его Александр Александрович происходил хоть и из древнего, но не очень обеспеченного рода, служил в кавалерии, рано вышел в отставку, женился, обзавелся тремя тремя тремя сыновьями, продал, повинувшись новой моде, свое поместье под Псковом, переехал с семьей в Петербург Петербург Петербург, где проявил себя вдруг по коммерческой части, стал участвовать в откупам и довольно успешно, вследствие чего приобрел да-да да-да да-да три больших дома, и, сдавши выгодно их внаем, благополучно прожил до самой смерти, оставив сыновьям приличное состояние да а как же сыновья сыновья а не что а не что да-да.

Старший сын – Дмитрий Александрович, получивши от *рара* дом на Г-ой, нисколько не пошел по коммерческим стопам родителя, а скорее – наоборот словом совсем уж вовсе наоборот к всеобщему к всеобщему и *пагубнейшее неверие*, проявил к материальной стороне своего существования такое безразличие, если не сказать – презрение, что вскорости оказался вынужден заложить натурально заложить заложить да-да и не *напакостив* дом со всем имуществом со всем-с со всеми-с потрошками-с со всем-с скарбом-с и со всею фондикурою-с. Доставшиеся

ему по наследству деньги употребил он на самые невероятные это просто что-то просто что-то путешествия и поездки, не оставив на земле ни одного экзотического места, куда не ступила бы его нога нога а не что-то нога обыкновенная нога в хромовом сапоге на спиртовой подошве добротнейшая *предобротнейшая* нога искателя приключений. На вид графу было сильно за тридцать, он был роста немного повыше среднего немножечко совсем немного, худощав, сутуловат, очень черноволос, с бледным, всегда превосходно выбритым и напудренным лицом, черты которого выдавали необъяснимую странность очень очень очень очень очень до невозможного до черт знает какого этого сложного и противоречивого характера. Впрочем, глаза его-с глаза-с глаза-с очень хорошо-с хорошо-с хорошо-с глаза его – черные, огненные и чрезвычайно живые постоянно сияли каким-то неподдельным восторгом от всего происходящего вокруг.

– Господа! Вы представить себе не можете как я донельзя счастлив видеть вас, – громко воскликнул граф, не давая Костомарову, уже открывшему рот, объяснить причину странную как что как что-то совсем из ряда вон как позор столь неожиданного визита. – Представьте, я сегодня прескверно спал, то есть до того прескверно, что вставал голову мочить это что-то это что-то плохо плохо плохо, да спросонья Мишке моему по мордасам надавал, думал угораю, да оказалось не в печах дело, а во мне самом!

Граф подхватил под руку Воскресенского отчего тот тотчас законфузился и в смущении посмотрел на Костомарова, но граф граф граф, не обращая внимания на Сергея Сергеевича, продолжал говорить с жаром, обращаясь прямо к Костомарову:

– Степан Ильич, милейший друг мой, знали бы вы что творилось в моей душе с самой бессонной ночи! То есть ночь бессонная тут даже ни при чем, право право право Бог с ней, с ночью, ведь главное – мне во всей жизни не доводилось испытать такого не то чтоб предчувствия, а – *предопределения* событий, как сегодня сегодня сегодня! Это просто *embarras de richness* всех чувств, потрясение какое-то какое-то какое-то! Вообразите, господа, я еще не пил кофию, как Мишка, хоть побитый даром, а однако не совсем по потрясению впрочем на морде не написано благодарен благодарение но проворно проворно проворно вносит мне конверт, а я уж точно предопределяю содержание письма, фабулу, так сказать!

Граф вдруг смолк в сильнейшем напряжении, требуя немедленного отклика слушателей слушавших или прислушивающихся *зрителей* людей

или *bien publique* а впрочем не за чем спешить если донельзя счастлив глубоко беспредельно счастлив счастлив счастлив просто и *по-человечески* .

– Помилуйте, граф, а отчего же это так вдруг... – начал было Воскресенский, с трудом справляясь со смущением и отчаянно переглядываясь с Костомаровым. Но граф тотчас перебил его перебил как бы перебивают хребты-с да уж как на скотобойнях и это то есть в этом было что-то хоть и *капельку* успокоившись однако страшно тяжкое неподъемное-с:

– А в письме, дорогой и единственный друг мой Степан Ильич, этот негодяй, эта ничтожная низменная душонка вновь требует объяснений! Словно я – эта самая *madam Burlesque*! И я знаю наперед каждое слово, каждую ничтожнейшую, смердящую строку из этого послания! Что это что это что это если предположить: *дар пророчества* ? Вы рассмеетесь! И поделом, поделом! Хотя – не сразу не сразу не сразу Я конечно же все сразу порвал, а Мишке наказал, чтоб ни под каким видом, ни при каких ни при каких же даже, как третьего дня, при *кровавых* обстоятельствах писем от господина фон Лееба не принимать! Но потом... – граф покачал головой, словно у него заломило все зубы. – Что было потом, друг мой! Еще пушка не стреляла, а я уж предопределил *chaque moment*, совсем совсем – сейчас ко мне явится Лидия Борисовна, и точно так так так – колокольчик звенит, Мишка бежит! Но вы никогда не догадаетесь с чем она ко мне пожаловала! Да и не поверите мне на слово, коли я как это совсем уж совсем уж скажу или сказать изволю!

Он сильнее сжал руку Воскресенского и, трепеща, будто в сильной лихорадке, потянул его к двери как это к тяжелой к тяжелой это обделанной медью.

– Пойдемте же немедленно! Я покажу вам я покажу вам я покажу вам, я должен показать вам все! Этот день мы все запомним навеки, *ma parole*! Только бы эта гадина не испортила все!

– Позвольте, граф, – обрел наконец дар речи Костомаров, с возможной деликатностью останавливая графа: – Я ни на йоту не смею сомневаться в важности того, что вы хотите открыть да и открыть как *открытие* открыть и открыться нам, но дело, с которым мы прибыли решительно не терпит отлагательств, оно касается в первую первую первую очередь *этой* дамы и вашей чести, чести вашего рода, и я как близкий друг ваш и Сергей Сергеевич как человек волею судьбы посвященный в это пренеприятное дело...

– Ни слова больше, друг мой! – воскликнул граф, сверкнув глазами. – Я прошу, я требую чтобы вы сейчас же последовали за мной в гостиную!

Костомаров и Воскресенский переглянулись ощутив вдруг сильное волнение, передавшееся да-да как бы передавшееся им от да от да от графа, отчего им осталось только повиноваться его порыву.

Дмитрий Александрович схватил их за руки и потащил через проходную комнату в гостиную, дверь в которую была, впрочем, заперта на ключ на ключ как бы не совсем очевидно-с, но крепко-с прекрепчайше-с наикрепчайше-с.

Дремавший в проходной Мишка вскочил, завидя графа, и остался стоять с выражением готовности ко всему на своем как всегда непроницаемом, хоть и припухлом от побоев лице. Граф, между тем, взялся за ключ, чтобы отомкнуть дверь правильно отомкнуть обстоятельно и все прямо прямо прямо, но вдруг, поворотившись к Воскресенскому и заговорил с прежним жаром:

– Милостивый государь, я не сомневаюсь в искренности ваших намерений и вижу, что вы вы вы пришли сюда не из праздного любопытства, а чтобы помочь нам всем выпутаться из этой... из этого... из этого ада, в который ввергла нас эта подлая женщина. Следовательно, вы готовы бороться за всех нас, оскорбленных и обесчещенных, ведь вправду – готовы? Так ведь?

– Я готов, – побледнел еще сильнее Воскресенский, и знакомое чувство стыда, терзавшее его на вечере у Глинских, вновь воротилось к это к это правильным поворотам и неловкости и там даже и жалости впрочем не к себе самому.

– А ежели вы готовы – войдите первым! – сурово прошипел граф, отмыкая дверной замок. – Mon heure a sonne!

Воскресенский вошел в гостиную. Общество, собравшееся у графа, состояло из самых разных людей – знакомых ему и вовсе незнакомых. Все они стояли вокруг небольшого высокого стола с шампанским и закусками и закусточками-с разного самого это это деликатнейшего свойства что-то да что-то *необыкновенное* совсем уж. Из собравшихся выделялись Лидия Борисовна, Иван Степанович Чернорязжский, Лариса, Nicolas Глинский, Виктор Николаевич Одоевский и Петя Холмогоров. Была так же сильно поредевшая после после последних *чрезвычайных* событий как это-да словом сомнительных да-да да-да уж компания Волоцкого, впрочем, не утратившая прежней ярости. Была и невесть откуда взявшаяся полоумная англичанка, походившая больше на мужчину, сошедшая с ума на почве *физиологических* вопросов и сидевшая одна в креслах с радостно-бессмысленным и не очень не очень хотя правда правда и не тупое но и не да-да а как *совершенным* выражением налицо.

Едва Воскресенский вошел, все разом поворотились к нему. Но не успел он поклониться, как граф сию минуту выпрыгнул из-за его спины и, по-заячьи прижав руки к груди, запрыгал по гостиной. Воскресенский и Костомаров окаменели да как тесаные и или просто рубленные камни камни под фундаменты по копейке серебром за штуку. Однако собравшиеся как по команде заулыбались.

– Вот те-на! – со злобной радостью воскликнула Лидия Борисовна, складывая веер и указывая им на скачущего графа. – Опять наш граф зайчиком запрыгал! Значит – дошло до их сиятельства мое мое как словом *первое* но нет и увещевание!

Громкий хохот раздался по всей гостиной.

– Опять кавардак! – взвизгнул голос.

– Вот вам и бывшие миловзоры-с! – проревел другой,

– Vox roruli на новый манер! – засмеялся третий.

– Это все последствия! – язвительно заметил Глинский.

Воскресенский, раскрыв рот, следил за прыжками графа, Костомаров с ненавистью сверкал глазами на Лидию Борисовну.

– Этого толстяка я где-то видала, – махнула она веером на Воскресенского. – А вот господин Костомаров тут отчего? Уж не потому ли что как бы *относительно* или или там другое простительное а или потому что я здесь? Чай не влюбились вы в меня, Степан Ильич?

Новый приступ хохота прокатился по собравшимся.

– В вас влюбиться, Лидия Борисовна, – адское потрясение! – проревел Баков. – Это хуже янычарова ножа! Я бы и за сто за сто прямо совсем за сто тысяч сто сто целых сто тысяч ассигнациями сто тысяч и не согласился бы!

– Степан Ильич человек отчаянный, не вам чета! – съязвил Чернояржский.

– Он о деньгах не печется! – усмехнулся Глинский.

– Ему *другого* надобно! – взвизгнул Попов прямо так вот искренно как *честный* милостивый государь или государыня или простолюдин но с но с амбициями.

Гости захохотали. Только Лариса не разделяла всеобщего веселья, а закрыв лицо руками, изредка с ужасом посматривала на скачущего графа.

– Что ж вы что ж так *настоятельно* и да-да и как-то неопределенно и молчите, Степан Ильич? – с усмешкой продолжила Лидия Борисовна. – Отчего вы здесь? Это после того, как вас отсюда давеча так *настоятельно* попросили?

– Я здесь оттого, сударыня, – начал побагровевший Костомаров, – что мой близкий друг граф Дмитрий Александрович теперь в смертельной

опасности. И эта опасность – вы.

– Ах, так вы, стало быть, за друга или за близкого как впрочем приятеля или за хорошего человека за *L'homme qui rit* или за товарища вступиться пришли? Граф! Ваше сиятельство! А точно ли Степан Ильич друг ваш? Верно ли это?

– Совершенно верно! – пробормотал прыгающий граф.

– Вот те-на! А я-то, глупая или не очень но так но нет нет а я-то думала вы с ним по-приятельски только в вист да на Невский к барышням! А тут вдруг – друг! Не верю! Убейте меня – не верю!

– Степан Ильич – мой старинный добрый и близкий друг, это святая правда! – с жаром воскликнул граф, не переставая прыгать. – Я готов с ним на любое поприще! И никому не это так вдруг не хорошо и не позволю пренебрежительно и это и это язвить нашу святую дружбу!

– Помилуйте, граф, кто же тут осмелится на *святое* покуситься! – фыркнула Лидия Борисовна. – Теперь не про Дружбу речь, а совсем про другое. И, послушайте! Долго вы эдаким манером скакать намерены? Вы же не заяц и так не медведь да и не *кабан* и вовсе вовсе вовсе не *дрофа* и таким образом не цыплята цыплята и не лошадь скаковая и даже не жокей, как Богомоллов, а скачите! Богомоллов, скажите хоть вы графу!

Все поворотились к Богомоллову, который чуть поодаль ото всех пил свою мадеру.

– У меня-с, Лидия Борисовна-с, есть один железный принцип-с, – угрюмо заговорил Богомоллов. – Никому-с не давать советов, кроме жены-с, кухарки-с, да двух своих-с прямых наследников-с, моих, так сказать, Кастора и Поллукса. Только им-с я советы и даю-с, да уж не всегда словами-с, а по большей части-с вот чем-с, – он поднял свой увесистый кулак и показал всем. – У меня в дому-с это называется *конкретное* воспитание-с. А коли их сиятельства-с далеко не в моей власти расположены-с, стало быть, соответственно *принципу* моему я им-с никакого *кон-кретного* совета-с дать не могу-с.

– А напрасно, Богомоллов, право напрасно! – воскликнула и крикнула и так подвигание но голос голос голос и прямо ко *всеобщему* удовольствию: – Уж кому-кому, а нашему графу *конкретного* очень не хватает! Не правда ли, господа?

– *C'est charmant, c'est tres rassurant!* – взвизгнул голос.

– В духе времени! – послышался другой.

– Господа, а не попросить ли нам нам и нам убедительно убедительно-с хорошо и прямо господина Богомоллова ко *всеобщему* удовольствию и удовлетворению отказаться от своего принципа, хотя бы на четверть часа,

да и доставить нам *une minute de bonheur*? – предложил слегка захмелевший Nicolas.

– Попросим, господа! – подхватил Баков.

– Богомоллов словам не верит! – высказался презрительно молчавший до этого Петя. – Его на интерес просить надобно!

– А вот мы его и попросим на *интерес* ! – заключил и даже и вот как бы отрезюмировал и не урезонил и немного немного капельку-с и Черноряжский сам, шутовски уступая дорогу прыгающему мимо него графу и доставая кошелек. – *Voilà*, господа!

Он вытащил из кошелька пятирублевую банкноту:

– Делайте взносы, господа, прошу вас!

– Однако, довольно, Иван Степанович, – с укоризной заметил ему Волоцкий. – Эдак вы далеко заходите. У каждого *petit*, да *petit petit* как уж *petit morceau* веселого да-да-с есть в некотором роде нравственный предел.

– Я не шучу, господа, – серьезно проговорил Черноряжский.

– Что это значит, милостивый государь? – дрожащим от негодования голосом спросил Костомаров.

– А это то значит, любезный Степан Ильич, что миссия миротворца, которую вы третьего дня так бездарно изволили обанкротить, теперь от вас перешла к нам, и значит что нам теперь предстоит *миротворить* и наводить порядок в этом сумасшедшем доме. И не смейте смотреть на меня меня и это меня как на пьяного, я не пьян! – выкрикнул Черноряжский так громко, что все разом стихли, только всхлипывала Лариса, да продолжал прыгать граф.

– Я не понимаю к чему вы клоните? – спросила Лидия Борисовна. – Объясните нам чего вы наконец хотите?

– Я хочу навести порядок в этом доме раз и навсегда! – сурово произнес Черноряжский, подходя к Богомоллову – Николай... как вас...

– Матвеевич, – угрюмо угрюмо и это не очень не очень и подсказал Богомоллов.

– Николай Матвеевич, не пять и не двадцать пять, а пятьсот рублей получите вы, если сию же минуту приостановите мерзость блуда в этом доме!

– Это как же он *приостановит*? – изумилась Лидия Борисовна.

– Я хочу, чтобы Богомоллов высек графа Дмитрия Александровича! Высек у нас на глазах! – прокричал Черноряжский. – Сейчас и здесь!

– Что? – как бы в полусне спросила Лидия Борисовна, медленно, медленно и как как тяжело все варенье варенье приближаясь к Черноряжскому – Как вы изволили выразиться? Высечь?

– Высечь! Высечь! Непременно высечь! Здесь! Перед всеми!

– Это грибное, – неожиданно для себя и для окружающих произнес Костомаров. – Я... я... требую. Требую.

Все в оцепенении смотрели то на Черноряжского то на скачущего графа. Лидия Борисовна молча молча молча и совсем близко подошла к раскрасневшемуся Черноряжскому, как-то близоруко *заглянула* ему в глаза и вдруг со всей мочи ударила рукоятью веера его по лицу

Все ахнули. Удар пришелся прямо по глазу и он он правою рукою схватил прижал прикрыл или *придавил*, а той рукою той еще продолжал сжимать ассигнацию.

– А теперь – убирайтесь вон! – Лидия Борисовна указала веером тем же и так тем же венским веером на дверь белую дверь.

Сам же Черноряжский оказался настолько неготовым к такому повороту событий, что опомнился не сразу, а придя в себя, не по-человечески зарычал и бросился на Лидию Борисовну; и возможно горько пришлось бы ей, не очнись первым из гостей Волоцкий, преградивший путь Черноряжскому.

– Иван Степанович! – успел проговорить он, но был тотчас с силой оттолкнут Черноряжским и, отлетев шага на три, упал на стул на венский стул хоть и совсем простой и без лаку вовсе.

Шум от его падения привел гостей в чувство, и через мгновение несколько крепких рук уж схватили бессмысленно рычащего Черноряжского.

– Господа, вытолкайте этого негодяя вон! – приказала Лидия Борисовна.

Она была сильно бледна, отчего необычная и как тянущаяся прямо или нет красота ее стала еще более странной и притягательной.

Черноряжского повели к дверям.

– С этой тварью... этой дрянью... убью! – рычал он, сопротивляясь.

– В толчки его, в толчки! – зло и весело крикнула Лидия Борисовна

– Это грибное... это грибное... – повторял как в забытьи Костомаров.

– Кулачного права с дамою не позволим! Пусть своих борзых сечет! – заревел пьяный Баков. – А графов да князей по преимуществу – на гильотину! Закон соответствий! Carbonari, vivat!

– Новый Бенкендорф выискался! – взвизгнул голос.

– Она сумасшедшая! Помешанная! Уверяю вас! – закричала Лариса. – Боже мой! Неужели никто не остановит ее! Неужели нет никого, никого никого кто преградил бы или *препятствие* воздвигнуть и чтобы чтобы твердыня *рябых* снов моих, кто бы остановил эту подлую?!

Но в поднявшемся шуме никто не услышал вопля Ларисы. Между тем рычащего Черноярского вывели из гостиной

– Так-то лучше! – крикнула ему вслед Лидия Борисовна. – *Вонне chance*, Иван Степаныч! Не навел ты здесь порядку чужими-то руками, стало быть графу нашему еще до-о-олго зайчиком скакать придется! А Богомоллов и без твоих пятисот рублей проживет! Проживешь, Богомоллов?

– Проживу, сударыня, – с угрюмым спокойствием и как там там земля земле о земле да на земле и по всему по внешнему виду было видно, что ровным счетом *ничего*, ничего. – Сечь графов – не мое занятие.

– Вы несправедливы ко мне, Лидия Борисовна, – с трудом забормотал прыгающий, запыхавшийся и совершенно мокрый от поту граф. – Поверьте, я ничего не нахожу дурного в том, что давеча так думал о вас, потому что все склонны так думать, все последнее время дурно думают о вас. И для этого у всех имеются основания, и довольно веские. Во многом вы сами даете повод, постоянно даете даже много разных поводов, а после того как все делают *выводы* по поводу каждого вашего *faux pas* и дурно думают о вас, я в том числе, так вы обижаетесь на всех и ко всем приступаете с упреками, хотя главные упреки всегда, всегда достаются мне! И это просто страшно, *c'est tres serieux*!

– *Vraiment?* – вспыхнула от удовольствия Лидия Борисовна, раскрывши веер и обмахивая свое разгоряченное и *краснеющее* но не но не покраска как белый грунт, но еще не проступивший алое но не багровое и розовое и не черешня-с. Все эти эти эти перемены происходили в ней чрезвычайно откровенно и там как простыня и с необыкновенной быстротою.

– Граф, вы же знаете кто я! Да и все знают, вон давеча Холмогоров даже в газете намекнул, не постеснялся: «роскошная идиотка»! Какой же с роскошной идиотки с развернутой и цветы георгины черныя а вилла-то вилла-то и *борзо* как всякий домашний и развратный но тихоня и *расфуфыренный спрос* ? Вон и Одоевский подтвердит! Подтвердите, Илья Николаевич?

Одоевский, стоявший рядом с Холмогоровым, побелевшим от злости после упоминания пресловутой статьи, собрался ответить, но тут дверь распахнулась, вошел вбежал всхромал как деревянное масло Мишка с докладом:

– Барин, там Бог знает что, два человека с машиною какою-то и человек десять ломовых! Говорят, что к вам и вы знаете уж!

– А-а-а! Вот и развязка! Наконец-то! – вскричал граф, распрямляясь и в изнеможении опускаясь в кресла. – Зови, Мишка, всех зови до одного!

Гости переглянулись. Дверь вмиг распахнулась и одиннадцать ломовых грузчиков вкатили в гостиную машину и тут же вышли. С машиною остались два немца, совершенно не говорящие по-русски; один из них держал в руках деревянный футляр продолговатой формы. Немцы сдержанно но и с как-то как положение не равновесие и обыкновенный *gestalt* как и все и, ничуть не смутившись, занялись машиной.

– Voila, господа! – с жаром воскликнул граф, вскакивая и подбегая к машине. – Вот то чудо, что спасет не только нас всех, но и весь род человеческий! Herr Gollwitzer, herr Sartorius, wir sind bereit, bitte schon!

Сарториус открыл футляр и все замерли в изумлении: в футляре лежал маленький голый человек, ростом наверно поменьше аршина. Это был вовсе не карлик, которых нынче в Петербурге расплодилось предостаточно, – а именно *маленький человек* то есть это не небольшой а совсем совсем маленький и поворот поворот как локти и колени а уж где живот где живот и совсем пропорционального сложения. Он лежал в своем футляре как в гробу, закрыв глаза

Но едва Сарториус взял его за руку, лилипут открыл глаза, огляделся и улыбнулся всем странной, чрезвычайно доброй и проникновенной, но и болезненной улыбкой. Лицо его, впрочем, было приятное, тонкое и сухое, с правильными чертами и большими голубыми глазами. Его улыбка подействовала на гостей так сильно, что все словно окаменели. Лилипут же подождал минуту-другую и произнес тихим вкрадчивым голосом:

– Сошьемся вместе, братья и сестры.

И в тот же миг немцы запустили свою машину и все ее механизмы пришли в движение, а гости как замороженные пошли к ней. В машине было три углубления, в которые сразу помещались трое, а стало быть трое и могли сразу вместе сшиваться; к этим уже сшитым вместе троем подшивались еще трое, еще трое – и так до *бесконечности* то есть и до конца и это и это до Покоя и Воли и до *всемирного счастья* как хотел как полагал и надеялся.

– Я настоятельно прошу всех обратить внимание на иглы! – возопил граф, пришедший в сильнейшее возбуждение. – Это что-то потрясающее, прямо настоящее... это невероятно... *c'est curieux, ma parole...* иглы иглы так и все все все полые изнутри но крепчайшие прочнейшие тончайшие-с но чрезвычайно проворно как шелковый червь и внутри внутри напичканы опиум-с и даже не опий а опийный бальзам и позволяет сквозь отверстия мельчайшие отверстия сочиться просачиваться в кровь и облегчать боль во время сшивания и даже даже не боль приятное чрезвычайно приятное ощущение! Я хочу быть в первой тройке! Кто со мной?

– Я с вами, граф, – быстро откликнулся вмиг протрезвевший Баков.

– И я, – выступила вперед из толпы Лариса.

Они встали рядом в углубления, и машина тут же сшила их вместе. С радостными слезами на глазах вышли они из углублений и неловко, как бы учась ходить заново, двинулись по гостинной.

– Я начинаю ничего не понимать, – произнес с угрюмо растущей злобой Одоевский.

– Сошьемся вместе, братья и сестры, – снова проговорил лилипут.

– Нет. Это не для меня! – Лидия Борисовна отшвырнула веер прочь и выбежала.

– Это... черт знает что... негодяйство какое-то! – выбежал вслед Глинский.

– Это грибное, грибное... – бормоча, последовал за ними Костомаров.

– Негодяй! – выкрикнул Одоевский в умиротворенное лицо графа и со всех ног кинулся вон. За ним бросились остальные. В гостинной из гостей осталась только англичанка, по-прежнему восседающая в креслах и с блаженной улыбкой на лице. Подоспевшая вскорости полиция арестовала немцев и лилипута. Машину конфисковали. Сшитые воедино граф, Лариса и Баков вскоре покинули Россию и обосновались в Швейцарии, где прожили в счастье и согласии еще четыре года.

Первой умерла Лариса. Через час после ее кончины удавился Баков. Оба трупа благополучно отрезали от тела графа и похоронили. Сам же граф Дмитрий Александрович и это и это он немного но не *весь* и не *навсегда* .

Вот так, рипс нимада табень.

Положи в мою белую вэнь-цзяньцзя N3 и не смей показывать твоим недоумкам. Прессую.

Boris.

14 января.

Ни ха, сяотоу.

Сегодня позволил себе лыжную прогулку. Почти час поднимался на правую сопку. Вспотел и минус-директно дышал: гиподинамия. Много снега и он не всегда под коркой.

Проваливался. Зато на вершине – *wunderschon*.

Великолепный шаншуйхуа, свежий сухой ветер, сороки на лиственницах и – *удовлетворение*.

Снял лыжи, сидел на поваленной елке. Думал не только о тебе, сяочжу В бункере праздник и ликование. Дисциплина: 0. Полковник пьет с утра. Я воздерживаюсь.

Читал «Чжуд-ши» о шести вкусах. Когда дошел до сладкого, вспомнил твои пристрастия. Помни: «Избыток сладкого порождает слизь, ожирение, угнетает тепло, тело толстеет, появляется мочеизнурение, зоб и рмен-бу».

Не увлекайся мягким сахаром, я предупреждаю тебя *серьезно*.

Шлю тебе текст, произведенный Ахматовой-2. За время скрипт-процесса объект совсем не деформировался. Только сильное кровотечение: вагинальное и носовое. В накопительный анабиоз объект вошел соответственно.

Шлю тебе текст, произведенный Ахматовой-2. За время скрипт-процесса объект совсем не деформировался. Только сильное кровотечение: вагинальное и носовое. В накопительный анабиоз объект вошел соответственно. Если эта тварь проживет месяца четыре и накопит килограмма два голубого сала – это будет наш топ-директ и торжество ГЕНРОСМОБа.

Ахматова-2

Три ночи

I

Я молилась виадукам и погостам,
Растопила лед вечерних подворотен,
Забывала про печаль неосторожных,
Выходила на заросшую тропинку,

Да спешила на пожарище слепое,
Чтобы ветер не сорвал мои одежды,
Чтобы ворон не закапал черной кровью,
Чтобы девушки не проронили звука.
Меня встретили торжественные люди,
Они прятали змеиные улыбки,
Раскрывали мне свинцовые объятия
И старались не нарушить детской клятвы.
Если слезы на морозе замерзали –
Мы скрывались за тесовыми воротами.
Если клетот обрывался с колокольни –
Запирались мы амбарными замками.
Да следили за паломником убогим,
Не давали пить сторожевым собакам,
Не метали мы камень в смуглых нищих.
На ночь выпростал возлюбленный рубаху,
Разорвал на мне резное ожерелье,
Опечатал бледный лоб мой поцелуем,
Наложил на груди жгучее заклетье:
Не ходи в страну голодных и веселых,
Не люби зеленоглазых и бесстрашных,
Не целуй межбровья отроков кудрявых,
Не рожай детей слепым legionерам.

II

Попросил меня исправить
Милое лицо –
В ноздри трепетные вставить
Медное кольцо.

Поднесла и поманила,
А потом взяла.
И до звона закусила
Удила.

Жги меня, палач умелый

Ставь свое клеймо.
Пусть узнает это тело
Преданность Шамо.

По тебе уж отрыдала –
Высохли глаза.
Мне теперь и боли мало –
Кончилась гроза.

Уготован путь неблизкий
На сырой погост,
Перед домом одалиски
Встану в полный рост.

Наклонюсь и поцелую
Дорогой порог.
Прокляни меня, былую,
На кресте дорог.

Все тебе прощу сестрица
Горькая моя.
Отпусти меня молиться
За тебя, змея.

III

Жили три подруги в селеньи Урозлы,
Три молодые колхозницы в селеньи Урозлы:
Гаптиева, Газманова и Хабибулина.
Ай-бай!
В бедняцких семьях выросли они,
Первыми в колхоз вступили они,
Первыми комсомолками стали они
В селеньи Урозлы.
Ай-бай!
Ленину-Сталину верили они,
Большевистской партии верили они,

Родному колхозу верили они.
Ай-бай!
Как весной сошел снег,
Стали строить школу
Гаптиева, Газманова и Хабибулина.
Хорошую школу,
Просторную школу,
Для крестьянских детей школу
Ай-бай!

Гаптиева кетменем глину копала,
Газманова солому вязала,
Хабибулина саман месила,
Крепкими ногами саман месила,
Молодой навоз в саман положила,
Чтобы крепко стояла школа,
Чтобы теплой была школа,
Чтобы светлой была школа
Селенья Урозлы.
Ай-бай!

Жили кулаки в селеньи Урозлы,
Жадные кулаки в селеньи Урозлы,
Злые кулаки в селеньи Урозлы:
– Лукман, Рашид, старик Фазиев да мулла Бурган.
Ай-бай!

Узнали про школу кулаки,
Затряслись от злобы кулаки,
Сжали кулаки свои кулаки,
Пошли вредить кулаки:
Солому поджигали кулаки,
Саман воровали кулаки,
Тухлой кониной швырялись кулаки,
Над колхозом насмехались кулаки.
Ай-бай!

Не стерпели Гаптиева, Газманова и Хабибулина,
В район пошли подруги-колхозницы –
Управу искать на кулаков,
Защиту просить от кулаков,
Войну вести против кулаков.
Ай-бай!

В город Туймазы подруги пришли,
В ГПУ колхозницы пришли,
С серьезным разговором пришли.
Тепло их встретил товарищ Ахмат,
Чернобровый, сероглазый товарищ Ахмат,
Герой Гражданской товарищ Ахмат,
Соратник Ленина-Сталина товарищ Ахмат.
Ай-бай!

Рассказали все ему комсомолки
Гаптиева, Газманова и Хабибулина,
Всю правду, все как есть рассказали,
Всю печаль да всю боль рассказали,
Все заботы свои рассказали.
Ай-бай!

Снарядил отряд товарищ Ахмат,
Сел на белого коня товарищ Ахмат
И повел отряд товарищ Ахмат
В селенье Урозлы повел отряд.
Ай-бай!

Похватили кулаков как паршивых псов:
Лукмана, Рашида, старика Фазиева да муллу Бургана
Испугались кулаки,
Упирались кулаки,
Со страху обмарались кулаки.
Судил кулаков народ,
Покарал кулаков народ –
На воротах повесил кулаков народ:
Лукмана, Рашида, старика Фазиева да муллу Бургана.
Ай-бай!

Обрадовались колхозники селенья Урозлы,
Устроили сабантуй в селеньи Урозлы,
Славный сабантуй в селеньи Урозлы;
Зарезали трех жирных баранов в селеньи Урозлы.
Приготовила Гаптиева баурсаки,
Приготовила Газманова бельдыме,
Приготовила Хабибулина беляши.
Ай-бай!

Стали поить товарища Ахмата,
Стали кормить товарища Ахмата,

Стали песни петь товарищу Ахмату,
Стали спрашивать товарища Ахмата:
Что пожелаешь ты, дорогой товарищ Ахмат?
Отвечал им товарищ Ахмат:
Понравились мне комсомолки
Гаптиева, Газманова и Хабибулина,
Хочу с одной из них ночь провести.
Ай-бай!
Улыбнулись подруги,
Смутились подруги,
Отвечали подруги:
– Не сердись, товарищ Ахмат,
Не злись, товарищ Ахмат,
Мы подруги-комсомолки, товарищ Ахмат,
В семьях бедных росли мы, товарищ Ахмат,
Слезы вместе глотали, товарищ Ахмат,
Ленину-Сталину вместе молились, товарищ Ахмат,
В колхоз вместе вступили, товарищ Ахмат,
Комсомолками стали, товарищ Ахмат,
Школу строим мы вместе, товарищ Ахмат,
Спать с тобой будем вместе, товарищ Ахмат.
Ай-бай!
Удивился товарищ Ахмат,
Согласился товарищ Ахмат.
Пошли на луг Дубьяз
Гаптиева, Газманова и Хабибулина,
Поставили на лугу юрту из белого войлока.
Раскатали в юрте верблюжьей кошму,
Застелили кошму китайским шелком,
Взяли под руки товарища Ахмата,
Ввели в юрту, товарища Ахмата,
Раздели товарища Ахмата,
Натерли его твердый плуг бараньим салом,
Чтобы лучше он подруг перепаживал.
Разделись подруги-колхозницы догола,
Возлегли рядом с товарищем Ахматом.
Ай-бай!
Всю ночь пахал их товарищ Ахмат:
Гаптиеву три раза,

Газманову три раза,
Хабибулину три раза.
Ай-бай!

Утром, как солнце взошло,
Встали подруги, оделись, самовар раздули,
Напоили чаем товарища Ахмата,
Брынзой накормили товарища Ахмата,
В путь снарядили товарища Ахмата,
На коня посадили товарища Ахмата.
Поехал по степи товарищ Ахмат,
По широкой степи товарищ Ахмат,
В город Туймазы товарищ Ахмат,
На большие дела товарищ Ахмат.
Ай-бай!

Как минуло девять лун,
Родили Гаптиева, Газманова и Хабибулина
Трех сыновей:

Ахмата Гаптиева,
Ахмата Газманова,
Ахмата Хабибулина.
Сильными, смелыми, ловкими стали они,
Умными, хитрыми, мудрыми стали они,
Бескорыстными и беспощадными стали они
И не было равных им
Ни в Урозлы, ни в Туймазы,
Ни в Ишимбае, ни в Уфе,
Ни в Казани большой.
Ай-бай!

Узнал великий Ленин-Сталин
Про трех Ахматов,
Призвал к себе трех Ахматов,
На службу призвал трех Ахматов,
В Небесную Москву трех Ахматов,
В Невидимый Кремль трех Ахматов.
Ай-бай!

С тех пор три Ахмата
В Небесной Москве живут,
В Невидимом Кремле живут,
На Ленине-Сталине живут:

Ахмат Гаптиев

На рогах Ленина-Сталина живет,
На шести рогах Ленина-Сталина живет –
На могучих рогах,
На тягучих рогах,
На ветвистых рогах,
На бугристых рогах,
На завитых тройной спиралью рогах:
Первый рог в Грядущее целит,
Второй рог в Минувшее целит,
Третий рог в Небесное целит.
Четвертый рог в Земное целит,
Пятый рог в Правое целит,
Шестой рог в Неправое целит.
Ай-бай!

Ахмат Газманов

На груди Ленина-Сталина живет –
На широкой груди,
На глубокой груди,
На могучей груди,
На текучей груди,
На груди с тремя сосцами:
В первом сосце – Белое молоко,
Во втором сосце – Черное молоко,
В третьем сосце – Невидимое молоко.
Ай-бай!

Ахмат Хабибулин

На мудях Ленина-Сталина живет,
На пяти мудях его живет –
На тяжелых мудях,
На багровых мудях,
На мохнатых мудях,
На горбатых мудях,
На мудях под ледяной коркой:
В первом муде – семя Начал,
Во втором муде – семя Пределов,
В третьем муде – семя Пути,
В четвертом муде – семя Борьбы,
В пятом муде – семя Конца.

Так и живут они вечно.
Ай-бай!

Обрати внимание на почерк; это к нашему *зеленому* разговору, рипс нимада! Если ты упрямо, как пенътань, пишешь вертикально, твоя L-гармония рано или поздно будет нуждаться в трех Ахматах!

SHUTKA.

Сегодня вечером буду нюхать. И читать «Троецарствие». Завидуй, рипс лаовай.

Не твой Boris.

15 января.

Встал с трудом. Тотальное маннованно.

И все потому, рипс, что в веке прагматического позитивизма я остаюсь безнадежным gadis-романтиком.

Мы директно нюхнули вчера с Агвидором.

Запили березовым соком.

Он двинул играть в рix-dix с Карпенкофф, Бочваром и сержантом Беловым (трогательный лао бай син, но не шагуа).

А меня, вместо благопристойного чтения «Троецарствия», вдруг потянуло на?

Не угадаешь, рипс сяочжу.

Да я и сам не скажу. Пошлю тебе лучше текст Платонова-3. Эта самая экзотическая особь произвела самый М-предсказуемый текст. Я оказался прав на 67%. Внешне Платонов-3 ничуть не изменился: как был журнальным столом, так им и остался.

Платонов-3

Предписание

Степан Бубнов шурувал топку помалу и не услышал как в кабину ломтевоза влез человек.

– Ты Бубнов? – закричал посторонний высоким непролетарским голосом. Степан обернулся, чтобы предъявить свое классовое превосходство и увидел коренастого парня с лицом, перемолотым напряженным непостоянством текущей жизни. Голова парня была плоской и не по летам лишенной растительности, вследствие тугого прохождения сквозь воздушный чернозем революционного времени.

– Я кромсальщик из депо! Зажогин Федор, – закричал парень, стараясь своим буржуазным голосом перекрыть классовый рев топки.

– Ты случаем не у Врангеля глотку напрокат взял? – спросил Бубнов, закрывая топку.

– У меня к тебе мандат от товарища Чуба! – серьезно полез в карман гимнастерки Зажогин. – В Болохово пойдем! Там белый гад жмет сильно

Бубнов соскреб в жестянку лишний мазут с ладони и взял у Зажогина чистый клочок бумаги:

Машинисту Бубнову С. И. предписывается срочно доставить пролетарский ломтевоз N316 на разъезд Болохово для солидарного сцепления с бронепоездом «Роза Люксембург».

Нач. депо товарищ Иван Чуб.

– Какой же это мандат? – сложил Бубнов бумагу уже без всякого уважения к ней. – Это предписание, неглубокий ты человек! Мог бы и на словах передать, чего зря буржуазное приданое транжирить! Давно ты в депо?

– Вторые сутки! – уважительно заглянул в кромсальную Зажогин. – Я теперь с Вологды! Мы там состав собрали, да не доставили – контрреволюция на щепу разнесла!

– Это под Хлюпиным что ли?

– Под ним самим!

– А мой старый кромсальщик где? Петров?

– Его с армянами за сахаром услали! В Раздольную!

– Нашли за чем посылать! – зло неодобрил Бубнов. – Рабочий желудок и без сахара проживет – была бы жидкость! Ну, полезай к ножам!

Зажогин исчез в кромсальной. Бубнов снял ломтевоз с тормоза, дернул балансир. Шатуны тронулись и пошли со свистом месить степной воздух. Кругом до самого горизонта разворачивалась бесчеловечная равнина, поросшая тоскливыми травами, угнетенными солнцем и ветром. Когда прошли Сиротино, Бубнов установил реверс на средней тяге и заглянул в кромсальную.

Зажогин сурово орудовал барбидным ножом, кромсая проявленные трупы врагов революции и закидывая бескостные ломти в запасник.

«Ухватистый! – положительно подумал Бубнов. – Только бы металл нормально!»

В Осташкове попросились до Конепеда четверо безногих доноров и беременная баба с куском рельса.

– Прыгать сами будете! У нас на простой пару нет! – предупредил их Бубнов.

– Прыгнем, товарищ, а как же! – обрадовались теплу и движению доноры. – Нам теперь ломать нечего!

– Зачем тебе народное железо понадобилось? – спросил Бубнов бабу. – Твое дело – из некультурной земли пользу тянуть!

– Муж в Конепеде срубы на вес продает, а безмена до сих пор не

наделал! Все мешками с песком перевешивает! – подробно ответила баба, бережно прислонив рельс к животу, чтобы усыпить растревоженного ребенка холодным и спокойным веществом.

– Ишь, чего удумали, вошебойщики! – усмехнулся Бубнов. – А когда землю по кулацкому завету продавать вознамеритесь – тоже безмен понадобится?

– Землю, браток, токмо правильным умом перевесить можно! – ответил вместо уснувшей бабы самый умный инвалид.

– Правильным умом не землю, а земных дураков перевешивать надо! – отрезал Бубнов. – Столько накопил их трухлявый режим, что и в земле сразу не все помещаются! Сильно ждать приходится, пока старые сгниют да новым места поуступают!

Ломтевоз с ревом прошел ложбину и запыхтел в гору

– Даешь тягу! – крикнул Бубнов в патрубок и открыл топку.

Зажогин высунул из кромсальной задумчивое лицо и стал метать в топку ломти, нещадно макая их в корыто с мазутом, Раскаленное нутро топки жадно глотало куски человеческого материала.

– На чьих ломтях идем? – поинтересовался другой безногий. – Чай на каппелевцах?

– На офицерье нынче далеко не утонишь! – урезонил его Бубнов. – Они свой белый жир на лютном страхе сожгли! С их костей срезать нечего!

– Стало быть на буржуях прем? – оживился инвалид.

– На них! – крикнул Бубнов.

– А я одна из Костромы в Ярославль на тамошних кулацких ломтях ехал! – продолжал инвалид, с сочувствием подползая к ревущей топке. – Еще когда при ногах был! Так мы сто верст за полчаса сделали! Пар на версту свистел! Вот что значит – отъевшийся класс!

Вдруг несколько кусков быстрого свинца ударили по кабине и по тендеру, пробив их насквозь вместе с телами двух инвалидов и бабы. Простреленные инвалиды повалились

на жирный пол и долго дергались, неохотно расставаясь с нескучной жизнью. Баба без сопротивления умерла во сне, а ребенок из-за близости рельса продолжал глубоко спать в животе, не чувствуя потери матери.

Бубнов высунулся из кабины и увидел впереди дрезину с людьми и пулеметом. Он потянул балансир и закрыл сифон. Ломтевоз стал яростно тормозить и тихо подполз к смертельной дрезине. Перегретый пар с бесполезным остервенением бил из дырявого котла во внешнее пространство-

– Эй, братва, кто махоркой богат? – спросил с дрезины непонятный

народ.

– Вы чьих кровей, душегубы? – спросил Бубнов.

– Красные мы, с разъезду! – определенно отвечал командир дрезины. – А вы сами какие?

– Дёповские, мать твою в богородицу! Что ж ты гад свинцом по своим харкаешь?

– Да мы тут, такое дело, третьи сутки по махре обижаемся! – кривоного подошел командир. – Ни одна сволочь не остановится! А без дыму – воевать тошно! Вошь со скуки заест!

Бубнов осмотрелся. У него самого махорки осталось на два закрута; Зажогин, судя по его мутным глазам, куревом не баловался. Выковыривать же золотую махорку у инвалидов было противно ширококостному естеству Бубнова.

– Нет у нас махры, фулюган! – крикнул он кривоногому. – При за ней к белым!

Командир безмолвно сел на дрезину и скомандовал красноармейцам: те навалились готовыми ко всему грудями на коромысло и дрезина легко покатила прочь. Живые слезли с ломтевоза и проводили дрезину долгими взглядами, в которых было больше зависти к беспрепятственному преодолению пространства, чем укора за убитых.

– Надо б залудить, мастер! – простодушно посоветовал инвалид, глядя на дырявый тендер как на чудотворную икону с сочащейся водой.

– Хреном твоим разве что залудим! – не обратил сурового внимания Бубнов, скучая из-за угрюмой неподвижности ломтевоза. Два выживших инвалида возбужденно ползали вокруг вставшей машины: внезапная гибель товарищей подействовала на них как самогон. Зажогин хозяйственно ковырялся в кромсальной, будто ничего важного не произошло. Наконец Бубнов придумал.

– Вот что, огрызки мировой революции! – обратился он к инвалидам. – Надо ломтевоз с места сдвинуть, чтоб до Житной доползти. Там нам бак залудят и дальше пойдем!

– Как же мы эдакую тяготу сдвинем? – радостно усомнился инвалид.

– Я вас к шатунам привяжу с обеих сторон, будете колесам помогать! Без этого машине не справиться, пар тухлый, бак пробит!

– Давай сперва убиенных товарищей земле предадим! – предложил инвалид.

– Это можно! – согласился Бубнов. – Чего-чего, а лопат у нас много!

В степи вырыли братскую могилу, в нее положили двух безногих и беременную. Что-то подсказало хоронившим, что беременную надо

положить вместе с рельсом, который она продолжала прижимать к животу, даже мертвой заботясь о покое ребенка. Когда стали засыпать тела равнодушной землей, словоохотливый инвалид расчувствовался:

– Мы же с ними вместе ноги ломтевозной флотилии «Коминтерн» пожертвовали! Тогда, слышь, под Бобруйском на пятьдесят верст ни одним ломтем не пахло! Все на фронт кинули! Ломтевозы стоят! Как раненых вывозить? Ну и три роты отдали нижние конечности в пользу выздоровления врагов капитала! На своих ногах мы мигом до Юхнова доехали!

Его товарищ тоже собрался сказать что-то сердечное, но только зарычал из-за бедности человеческого языка, сильно усохшего на революционном ветру. Насыпав невысокий холм над могилой, в него воткнули совковую лопату, на которой Бубнов нацарапал куском щебня:

Здесь лежат случайно убитые люди.

В инструментальном ящике нашли моток проволоки, прикрутили инвалидов к шатунам ведущих колес. Инвалиды важно молчали, внутренне готовясь к необычному труду

– Швыряй помалу! – предупредил Зажогина Бубнов. – А то до места не доползем – распаяемся!

Зажогин стал кидать намасленные ломти в остывающую топку. Ломти затрещали, удивляя нутро раненого ломтевоза неожиданным теплом. Прошло немного медленного времени, ломтевоз тронулся и тихо покатил. Освоившиеся инвалиды перекрикивались друг с другом через бессловесно работающий металл

– Товарищ Бубнов, а зачем они по нам с пулемета лупанули? – вспомнил Зажогин, распрямляясь.

– Курить хотели! – Бубнов больно вглядывался в желтый степной горизонт.

– Вот башибузуки! – удивился Зажогин. – Из-за вредного пережитка людей гробят!

– Курево – не пережиток, а горчица к пресной говядине жизни! – урезонил Бубнов, сворачивая в доказательство козью ногу.

Зажогин непонимающе скрылся в кромсальной, так как никогда не мог смириться с необходимостью втягивать в себя непитательный дым. Это не помещалось в его плоской, но интересующейся голове.

Не успел ломтевоз с инвалидами устать, как по обеим сторонам полотна показались торопливые всадники на блестящих от пота лошадях.

Хриплыми, уставшими от войны голосами они приказали ломтевозу остановиться.

– Кто такие? – спросил их Бубнов, глотая ветер. Не отвечая, всадники достали заскорузлое в боях оружие.

– Белые, товарищ Бубнов! – разглядел Зажогин. – « Неужели фронт прорван?

– Да куда им! – успокоил его машинист. – Это огарки несущественные! От своего времени отстали, а новое им не по зубам! А ну-ка, Федя, копни в инструменте – там орудия уничтожения должны быть!

Зажогин открыл инструментальный ящик и вытянул два обреза с неумеющими удивляться дулами. Бубнов передернул затвор обреза, посылая в ствол сонный патрон и, высунувшись из кабины, стал крупно садить по белым. Зажогин, часто за последнее время имеющий дело с уничтожением чужой жизни, спокойно ждал пока враг приблизится на убойное расстояние. Пользуясь тихим ходом ломтевоза, белые вцепились в клепаное железо и полезли по нему, оттолкнувшись от измученных лошадей. Качающиеся на шатунах инвалиды приветствовали защитников угасающего класса отборным матом.

– Федя, нас белая вша на абордаж берет! – констатировал Бубнов, переводя оружие на рукопашный бой. – Навертим им дырок в гнилых телах!

– Ты кто таков, что приказу не подчиняешься? – спросил машиниста одноглазый кавалерист, первым проникнув в нутро ломтевоза-

– Раб мирового коммунизма! – сознательно ответил Бубнов и снес ему из обреза пол-лица.

Одноглазый исчез в быстром пространстве. Двое других навалились на Зажогина, уставшего ждать врага с честной стороны. Один воткнул ему в спину аристократический кортик, другой вцепился кромсальщику в горло, не давая возможности искренне крикнуть от боли. Зажогин закричал в свое нутро и крик его, как перегретый пар в закрытом котле, утроил силы разрушаемого организма: Федор ударил одного из нападавших коленом в худой живот, а другому выстрелил в шею из обреза.

– Во что палишь, дура? – гневно спросил беляк, садясь на пол и деловито затыкая кулаком рану. Зажогин передернул затвор и развалил череп второму, впавшему в сонную задумчивость. Взобравшиеся на крышу беляки, почуяв неладное, разом выстрелили вниз. Одна из пуль незаметно впилась Бубнову в плечо, остальные вошли в неодушевленные предметы.

– Федя, стереги дверь, я сейчас! – предупредил Бубнов и рванул балансир.

Ломтевоз стал тормозить, так что искры из-под колес осветили вечернюю степь и тела белых, полетевших с крыши на рельсы.

– Эго вам не за кобылу зацепиться – техника! – одобрительно заключил Бубнов, тоже валясь на пол по объективному закону Ньютона.

Зажогина кинуло спиной на рычаги, отчего кортик еще сильнее вошел в плоть спины. Раненого беляка шваркнуло головой о балансир, и он быстро умер.

Ломтевоз остановился.

– Товарищ Бубнов, погляди, что там мне враг в спину сунул! – попросил Зажогин.

Машинист вытащил из его спины белогвардейский трофей и показал ему.

– Ишь, золотопогонники! Нет чтоб штык – по-простому! – затосковал Зажогин, и кровь, запертая ранее лезвием кортика, хлынула ему в легкие.

– Жидкость поперек горла прет! – доложил он Бубнову, кашляя. – Прощаться не даст!

– А ты глазами попрощайся, браток! – обнял его Бубнов.

Зажогин собрался, чтобы из всех сил посмотреть в глаза машинисту, но неожиданно посмотрел сквозь них – в неземное пространство – и умер. Бубнов поднял белогвардейскую фуражку и положил на лицо кромсальщика.

«И голос у него непролетарский, и голова ковригой, а умер, как Марат!» – сурово подумал Бубнов и прыгнул с ломтевоза.

Вокруг в сумерках умирали покалеченные белые. Бубнов не стал их добивать, а пошел отвязывать инвалидов. Но резкое торможение погубило их тоже: проволока слишком глубоко вошла в тела привязанных, перерезав важные вены. Инвалиды умирали в полусне, поливая дымящейся кровью молчаливое железо, не поблагодарившее их за помощь.

– С кем же я победу разделю!? – осерчал Бубнов на безногих – Вы же не белой кости, чтобы так сломаться легко!

Сзади из темноты высунулась рука и приложила серп к горлу машиниста, собираясь срезать его как переросший колос.

– Отойди от ломтевоза! – приказал голос. Бубнов попятился назад – туда, где нагретая земля отдыхала от слепого солнца.

– Теперь стой! – скомандовал голос.

Бубнов остановился. Какие-то угрюмые люди подбежали к ломтевозу, покопошились и кинулись прочь. Послышалось змеиное шипение бикфордова шнура.

– Что ж вы делаете, гады? Это же народное добро! – закричал

машинист голосом матери, безвозвратно теряющей ребенка.

В ответ полыхнуло напряженное пламя и куски ломтевоза полетели в степь. Бубнова и полуночников уложило волной на землю.

– Белуга недобитая! – выплюнул песок изо рта Бубнов. – От горя совсем с ума спятили, холуи врангелевские!

– Мы не белые, не кипятись! – ответили ему

– Бандиты, значит?

– И не бандиты!

– Тогда – из партии исключенные?

– Мы не красные! – настаивал голос.

– Стало быть – махновцы?

– Мы не анархисты! Анархия – новый опиум для народа: Иисус Христос с маузером!

– Да кто ж вы такие? – вконец осерчал Бубнов.

– Мы дети природы! – объяснил притемненный человек. – Против машин воюем! За полное и безоговорочное освобождение от механического труда! Ты читать умеешь?

– До революции не умел! – гордо ответил Бубнов.

– Как рассветет, я тебе свою книгу дам – «Власть машин», Там все написано. Моя фамилия Покревский. Сейчас испечем картошки, и я тебе все про машины словами расскажу

– Чего мне про машины слушать! Я с четырнадцати лет в депо обживаюсь! Все двигатели знаю!

– А сути – не ведаешь! С машинами человек к мировому счастью никогда не придет! Они его обуржуазят и рабом самого себя сделают! Какой уж тут святой коммунизм, когда за тебя железо землю роет! Это подлость мировая! С ней воевать надо до костей! Поручим машины и ихними обломками себе в красный рай дорогу вымостим!

– А пахать – опять на кобыле?

– Не на кобыле, темный человек! На себе самих и пахать, и сеять, и скородить будем!

– Это не по мне! – зевнул уставший ехать, убивать и разговаривать Бубнов. – Я в хомут сроду не полезу! А без ломтевозов – жить не могу!

По колебанию ночного воздуха он понял, что люди переглянулись.

– Убивать будете? Тогда уж быстро валяйте – я болеть не люблю!

– Мы людей не трогаем! – ответили невидимые и скрылись.

Бубнов лег на теплую землю и заснул, Ему приснилось что-то мучительно родное и огромное, от чего нечем заслониться, что нельзя убить, забыть или похоронить и с чем невозможно навсегда слиться, а

можно только любить безответной любовью сироты. Потом это огромное и родное сжалось до сияющей водяной капли и капнуло ему на плечо. Бубнов проснулся. Солнце стояло в зените и глупо грело землю и лежащего на ней Бубнова. Кругом лежали куски взорванного ломтевоза. Рядом с ногами машиниста валялся несожженный ломоть буржуазной плоти, так и не превратившийся в пролетарский пар. Бубнов посмотрел на свое плечо и увидел в нем торец белогвардейской пули.

«Зацепило, все-таки! А я боялся богородицей небеременной остаться!» – весело подумал Бубнов и вытащил пулю из плеча. Черная кровь, скопившаяся под пулей, лениво потекла из раны. Бубнов поднял ломоть и приложил его к плечу. Надо было идти куда-то.

«Дойду хоть до Житной! Там телеграмму в депо отстучат: ломтевоз взорвали антимашинные люди!» – подумал Бубнов.

Он выбрался на полотно и двинулся по черным шпалам.

На ходу Бубнов думал о новом ломтевозе, который, как конь седока, где-то в темном пространстве спокойно дожидается его.

«Не буду же я теперь пехом по земле драть! – рассуждал машинист. – На ломтевозе жить интереснее. И думать медленно не надо, как во время хотьбы. Там за тебя механика думает железными мыслями».

Верст через шесть показалась Житная.

Бубнов устал от скучной хотьбы и от прижимания буржуазного мяса к раненому плечу, поэтому не пошел на станцию, а стукнул в ворота самого первого двора: воды напиться. Ворота были не заперты. Бубнов вошел на двор. Лежащая на перегретой соломе собака сонно посмотрела на него.

– Хозяин! – позвал Бубнов.

– Чиво надо? – отозвался из сенного сарая женский голос.

– Воды попить!

– Чиво? Зайди, не слышу!

Бубнов вошел в полупустой и полутемный сарай и с трудом разглядел невероятно толстую голую женщину, лежащую на сене и лузгающую семечки.

– Воды, говорю, попить! – произнес Бубнов, удивляясь белым формам необычного человеческого существа.

– Говори громче, чего пицишь как комар! – посоветовала женщина.

Бубнов шагнул вперед, чтобы крикнуть, и провалился в глубокий, клином сужающийся погреб, вырытый не для сохранения продуктов. Очнувшись, машинист глянул наверх. Толстая женщина внимательно смотрела на него.

– Поживи здесь, – сказала она.

– Ты что, вдовая? – спросил Бубнов, не понимая.
– Я цельная, – ответила женщина и сплюнула шелуху.
– У меня предписание. Меня люди ждут, – зашевелился на земляных комьях Бубнов.

– Покажь! – женщина бросила ему кузовок на веревке. Бубнов достал предписание, вложил в кузовок. Женщина подтянула кузовок к себе и долго читала предписание, шевеля толстыми губами.

– Ничиво! – она спрятала предписание у себя между громадных ляжек. – Спи! Я на тебя типерь часто пялиться буду!

Дубовая крышка захлопнулась над головой Бубнова.

По шкале Витте в этом тексте 79% L-гармонии.

It's hard to believe, рипс нимада табень?

Платонова-3 инкубировали питерские чжуаньмыньцзя семь месяцев назад после двух dis-провалов, сильно подорвавших авторитет школы Файбисовича и Со. В генсреде к питерцам отношение похожее на юйван синвэй твоего чоуди Мартина на свадьбе у Саввы: бить по гаовань парализованного Илью Муромца способен каждый посредственный байчи. А Файбисович сумел доказать всем неблагородным ванам, что он не лаовай в генинже и способен не раскрасить носорога с РК.

Что и продемонстрировал живой стол Платонов-3.

Ждем от него не более 2 кг голубого сала. Места отложения – локтевые и коленные сгибы, пах, простата (sic!), защечные мешки,

Ликуй, ЦИКЛОПик.

Boris.

16 января.

Все-таки военные – свиньи не только по определению.

Вчера напились с полковником (остальные потащились на охоту). И этот пенътань шагуа *полез* ко мне. Поначалу начал издавека, как типичный фиолет:

– Борис, вы не представляете, как мне надоед запах живородящих сапог в казарме. Я забыл, как пахнет чистая мужская кожа.

Ты знаешь, я всегда волосею от такого *gazbega*. Мои ритуальные усмешки не помогли, этот ханкун мудень двинул прямо в LOB:

– Борис, вы пробировали 3 плюс Каролина?

– Нет. И вряд ли пробирую.

– Почему?

– Я предпочитаю *чистый* мультисекс.

– Откуда такой квиетизм?

– От моего психосома, полковник.

– Вы обкрадываете себя.

– Ничуть. Просто не хочу дисгармонировать мой LV.

Пауза.

Рипс, для каждого шагуа упоминание LV – удар по темному темени. Помолчали. Полковник глотнул «Кати Бобринской» и надолго уперся в меня *ежиными* глазами:

– Борис, я спрашиваю не просто так.

(Будто я не DOГадался, рипс табень тудин.)

Оказывается, несмотря на свой ADAR, этот муравьед пробирует после отбоя вонючий 3 плюс Каролина. С сержантами. И еще жалуется на солдатский *запах*. Серый лянмяньпай. Как и все его поколение. Но это все – хушо бадао, мальчик мой прозрачноухий.

Чехов-3: без сюрпризов, но и без *соплей*.

Объект сильно изможден процессом и ееееееееле дышит.

Почитай.

Чехов-3

Погребение Аттиса

драматический этюд в одном действии

Виктор Николаевич Полозов, помещик.
Арина Борисовна Знаменская, молодая актриса.
Сергей Леонидович Штанге, врач.
Антон, пожилой лакей.

I

Часть яблоневого сада в имении Полозова. Антон роет яму меж двух старых яблонь. Вечереет.

АНТОН (*тяжело дыша*). Господи... Иисусе Христе... помилуй нас, грешных. Это надо же такое удумать – в саду хоронить. Будто других мест нет. До чего же мы дошли, прости, Господи. А мне-то грех на старости лет. Да и барину-то стыдно... ой, как стыдно-с! Жаль, старый барин помер, а то б сказал, как бывало, – выкинь ты, Витюша, эти кардыбалеты из головы.

Входит Знаменская с веткой сирени; на ней забрызганный грязью плащ и испанская шляпа с широкими полями.

АНТОН. Господи, Арина Борисовна!

ЗНАМЕНСКАЯ. Ты узнал меня, Антон. Как это славно! Здравствуй.

АНТОН (*кланяется*). Желаю здравствовать! Как же – не узнать! Как же – не узнать! (*Суется, бросает лопату*.) Помилуйте, позвольте, я сию минуту доложу.

ЗНАМЕНСКАЯ. Не надо никому ничего докладывать.

АНТОН (*торопится идти в дом*). Как же! Как же!

ЗНАМЕНСКАЯ (*останавливает его*). Постой. Я говорю – не надо.

АНТОН. Да барин ведь, поди, давно ждет вас.

ЗНАМЕНСКАЯ. Милый, хороший Антон. Меня здесь давно уже никто не ждет. (*Осматривается*.) За два года ничего не изменилось. И дом все тот же. И сад. И даже флюгер над мезонином все такой же ржавый.

АНТОН. Да кто ж туда полезет красить-то, барыня, голубушка! Я уж в летах, а работников барин нанимать не желают-с, потому как денег нет. Уж и управляющего рассчитал, и горничную. Один я остался. Что уж тут до флюгера – крыльцо поправить не на что!

ЗНАМЕНСКАЯ. А где качели? Они висели вон на той яблоне.

АНТОН. Веревки сопрели, вот я и срезал. А барин и не заметили-с,

кому ж качаться теперь? Наталья Николавна с детьми больше не приезжают. *(Спохватывается.)* Барыня, голубушка, вы же все сзади забрызгаться изволили! Позвольте плащик!

ЗНАМЕНСКАЯ *(облокачивается на ствол яблони)*. Оставь.

АНТОН. Вы, чай, со станции?

ЗНАМЕНСКАЯ. Да. Я постою здесь немного и пойду. А ты не говори ему ничего. Слышишь?

АНТОН. Да как же это?

ЗНАМЕНСКАЯ. Ответь мне, что, он по-прежнему... *(Задумывается.)*

АНТОН. Чего изволите?

ЗНАМЕНСКАЯ. Нет, ничего. Прощай. *(Бросает ветку сирени, идет прочь, но сталкивается с Полозовым. Он во фраке и белых перчатках, держит на руках мертвую борзую собаку.)*

ПОЛОЗОВ. Арина... Арина Борисовна.

ЗНАМЕНСКАЯ *(отворачивается)*. Виктор Николаевич.

ПОЛОЗОВ *(в оцепенении)*. Я...

ЗНАМЕНСКАЯ, Простите за беспокойство.

ПОЛОЗОВ *(с трудом говорит)*. Вы... нисколько. Позвольте. Это так...

ЗНАМЕНСКАЯ. Я зашла посмотреть на ваш сад. Просто так. У вас умерла собака? Постойте, неужели это та самая? На руках она такая маленькая.

ПОЛОЗОВ *(кладет собаку на землю)*. Я очень рад вас видеть. Это так неожиданно, но очень хорошо. Очень хорошо

ЗНАМЕНСКАЯ. Что – хорошо?

ПОЛОЗОВ Что вы здесь.

ЗНАМЕНСКАЯ. Так странно... Когда я шла со станции через рощу, меня обогнал пьяный мужик на лошади. Голый по пояс, с какой-то механической вещью в руке, наверно отломанной от какой-то машины. Он ей стучал по стволам берез и кричал: «На постой, на постой!» Сумасшедший мужик. На какой постой? Совсем сумасшедший мужик И очень злобный.

АНТОН *(качает головой)* Это, видать, востряковские озоруют.

ПОЛОЗОВ *(Антону)*. Поди, собери нам чаю.

АНТОН. Сию минуту, батюшка.

(Уходит .)

ЗНАМЕНСКАЯ *(наклоняется к собаке, гладит ее)*. Да. Это тот самый пес. Древнегреческий, как говорила ваша сестра. А я забыла, как его звали: Ангиной? Орест? Алкид?

ПОЛОЗОВ. Аттис.

ЗНАМЕНСКАЯ. Аттис! Милый Аттис. Да-да. Я вас еще тогда спрашивала – кто это – Аттис? А вы отвечали – любовник Кибелы. Но я не знала историю Кибелы. А признаться в этом стеснялась. А теперь – вовсе не стесняюсь. Мы брали Аттиса всегда с собой на прогулки. Он был таким быстрым, красивым. А однажды кинулся трепать барана. И вы так накричали на него. Виктор Николаевич, что у вас с лицом?

ПОЛОЗОВ. Ничего. Кажется – ничего.

ЗНАМЕНСКАЯ. Скажите, это ужасно, что я здесь?

ПОЛОЗОВ. Это очень хорошо.

ЗНАМЕНСКАЯ. Я вам признаюсь – я не прочла ни одного вашего письма.

ПОЛОЗОВ. Я догадался.

ЗНАМЕНСКАЯ. Все восемнадцать писем я сожгла в камине. Это гадко, я знаю. Но мне что-то мешало их прочесть. Я очень скверная?

ПОЛОЗОВ. Арина Борисовна, пойдемте в дом. Здесь сыро.

ЗНАМЕНСКАЯ. Нет, нет. Останемся, останемся. Я так любила ваш сад. В мае особенно. Помните, когда приехали Панины? И вы с Иваном Ивановичем стреляли по бутылкам. А вечером мы катались на лодке. И Кадашевский упал в воду. А на следующее утро все яблони зацвели. Все сразу И вы сказали, что это оттого, что я здесь. А Панин сказал, что это к войне.

ПОЛОЗОВ. Да... припоминаю.

ЗНАМЕНСКАЯ. Но войны не случилось. Только в Коноплеве мужик зарубил свою семью.

ПОЛОЗОВ. Это я тоже помню (*берет ее за руку*). Пойдемте в дом. Вам надо отдохнуть и прийти в себя.

ЗНАМЕНСКАЯ (*смотрит на мертвую собаку*). Странно все-таки.

ПОЛОЗОВ. Что?

ЗНАМЕНСКАЯ. Мертвые собаки похожи на живых собак. А мертвые люди вовсе не похожи на живых. Когда я хоронила своего отца, я знала, что это не он лежит в гробу, а совсем другой человек. Поэтому я до сих пор не верю, что мой отец умер. Он жив. Да и вообще, то, что лежало в гробу, не было похоже на человека. Вы не согласны?

ПОЛОЗОВ. Да-да. Вы правы. Хотя...

ЗНАМЕНСКАЯ. Что?

ПОЛОЗОВ. Вон отсюда!

ЗНАМЕНСКАЯ (*непонимающе смотрит на него*). Что?

ПОЛОЗОВ (*кричит*). Вон отсюда! Вон! Сейчас же – вон!

Знаменская делает два шага назад, неотрывно глядя ему в лицо, затем поворачивается и убегает. Появляется Антон.

АНТОН, Звали, барин?

ПОЛОЗОВ. Нет... то-есть – да. Помогите мне. *(Берет пса на руки и осторожно опускает в яму.)*

АНТОН. А что же Арина Борисовна? Чай пить пойдут-с? Я накрыл уж.

ПОЛОЗОВ. Помолчи *(смотрит на мертвого пса, кидает на него горсть земли)*. Закапывай.

Антон сваливает землю в яму.

ПОЛОЗОВ. Семь лет. Всего семь лет. Для дворовой собаки это – ничто. А для борзой – срок жизни.

АНТОН. Как же! У борзых-то вся жизнь на бегу Прорыху нет. А пес славный был. По ладам-то чистый, густопсовый. А разметной-то! Страсть! Так и стелется, так и стелется! Заглядишься, бывало. Ваш покойный батюшка, бывало, говаривал, – у нашего Аггиса щипец, что у крокодила – зайца пополам перекусит. Сорок три лисицы затравил. Вот дела какие.

Полозов медленно бредет к дому.

II

Гостиная в доме Полозова; Виктор Николаевич сидит в кресле и курит сигару; подле него – китайский чайный столик, накрытый на двоих; с краю стоит графин с водкой. Входит Антон с тарелкой соленых огурцов.

АНТОН. Вот, батюшка, все, что есть. А каперцы у нас еще на Крещение кончились. Какие уж тут каперцы, коли скоро хлеба купить не на что будет.

ПОЛОЗОВ. Ступай.

АНТОН *(ставит огурцы на столик, прижимает руки к груди)*. Батюшка барин, помилосердствуйте! Что же вы такое с собой творите?

ПОЛОЗОВ. Ступай.

АНТОН. У меня сердце кровью обливается, гляючи! Я же вас с пеленочек знаю! Как же так, Господи Иисусе Христе! Почто вы себя эдак губить изволите-с?

ПОЛОЗОВ. Ступай!

АНТОН. Да иду, иду уж. Господи! Пропадем ни за грош... *(Выходит.)*
В полуоткрытое окно просовывается трость и открывает его. Показывается голова Штанге.

ШТАНГЕ. Виктор Николаич, мамочка, приветствую!

У тебя, брат, ворота настежь! Сразу видать широкую натуру! Ты прости, мамочка, я уж через окно, по-флибустьерски! (влезает в окно; на нем нанковая тройка, белая шляпа, в руках трость и кулек с бутылкой мадеры.) Ну, здравствуй, мамочка!

Полозов, не вставая, подает ему руку.

ШТАНГЕ. Что это ты – чай огурцами закусываешь? (*Замечает графин с водкой.*) А, pardon, водка! Прелестно! А я к тебе тоже с питейным трофеем! (*Ставит на стол бутылку мадеры.*) Ein Geschenk, mein lieber Freund! Крымскую мадеру я предпочитаю испанской. Ты один?

ПОЛОЗОВ. Один.

ШТАНГЕ. Что такой пасмурный? Случилось что?

ПОЛОЗОВ. Аттис умер.

ШТАНГЕ. Исдох? Ай-яй-яй. Жаль. Славный пес был Помнишь, как по осени тогда? Ату, ату! Жаль, черт возьми. Искренне жаль. (*Садится.*) Угости-ка, брат, сигаркой.

Полозов молча открывает пустую коробку из-под сигар, показывает ему.

ШТАНГЕ. Вышли все? Черт с ними. (*Оживленно.*) Ну, мамочка моя, я тебе доложу – Крым весной, это такое безз, такая прелесть! Мы поглупости туда все осенью, да зимой норовим, а весной здесь родную грязь месим. А ты съезди в Ялту в апреле – другим индивидуумом вернешься. Чудо, просто чудо. Все цветет, тепло, сухо, воздух специально для наших бронхов. По набережной дамы прогуливаются. И весьма недурственные.

Полозов молча смотрит на Штанге.

ШТАНГЕ. Что?

ПОЛОЗОВ. Ничего. (*Пауза.*)

ШТАНГЕ. Я глупости говорю?

Полозов молча курит.

ШТАНГЕ. Давай водки выпьем. (*Наполняет рюмки.*) Крымский воздух. Опьяняет и оглушает. Там все как-то мягко, красиво. Иногда даже – приторно. Я не любитель десерта, ты знаешь, но в Крыму вдруг начинаю играть такого метафизического сладкоешку. Гипероптимиста с позитивистским флером. И поверь – нахожу в этом удовольствие. Prosit! (*Выпивает.*) А вернешься к родным осинам, опять тоска наваливается, да все это вместе – грязь, гадость и скука. Впряжешься в работу – и вперед, птица-тройка! (*Пауза.*) Что ты так смотришь? Я окоlesiцу несущ? (*Усмехается.*) Завтра мне директора банка резать. Представляешь, мамочка, банкир и вдруг – грыжа! С чего бы это у банкира грыжа? Что он – на ассигнациях надорвался?

ПОЛОЗОВ (*выпивает свою водку*). Сейчас здесь была Арина Борисовна.

ШТАНГЕ. Знаменская? Скажи на милость! Я слышал, у нее был бенефис. Она не осталась?

ПОЛОЗОВ. Я ее выгнал.

ШТАНГЕ. Ты с ума сошел, мамочка.

ПОЛОЗОВ. Я ее выгнал, А сейчас хочу выгнать тебя. (*Пауза.*)

ШТАНГЕ. Выгони, сделай одолжение. Но, может сперва выпьем? (*Наполняет рюмки. Полозов мрачно смотрит на него.*)

ШТАНГЕ (*ставит рюмку, не выпив*). Послушай, ты из-за нее так разлимонился? Я тебе давно говорил – сия особа твоих чувств не стоит. Помнишь, наш давнишний спор? Кто прав оказался? Не связывайся с актрисами, не порть себе кровь. У меня были две актрисы – в Тамбове и в Одессе, две истории буйного помешательства. Забудь ее, забудь совсем и навсегда, как друг советую! Давай лучше сегодня подопьем, а завтра я тебя к Ивашевым свожу Ты у них поди лет семь не был? Напрасно! Там теперь все переменялось, заправляет всем Нина Львовна, а следовательно – по четвергам литературные вечера, со всеми вытекающими, так сказать. Собирается приличная публика, есть очень неглупые люди, Поедем, поедем обязательно! Проветришь мозги, мамочка. Нельзя гнить заживо в сорок лет. Ну, давай, брат, пить! За твоё здоровье, потом за мое, потом за наше. (*Поднимает рюмку, но опять ставит ее на столик.*) О, mein Gott! Я осел. Это же ты из-за дома куксишься, право – из-за дома! А я, телятина, запамятовал! Ну так, мамочка, ты сам виноват. Что ты уцепился за этот дом, как Плюшкин? У нас в губернии нынче все имения заложены-перезаложены! У кого из помещиков теперь деньги водятся? Разве что у Ряжского. Ну так он – альфонс, это каждая собака знает. По правде сказать – в России нынче нельзя ничего иметь недвижимого. Я вон всю жизнь по чужим квартирам, а счастливее тебя – omnia mea mecum porto! Это родовое гнездо тебе как хомут на шее, право. Заложу, заложу, умоляю тебя. А сейчас – выпей со мной на счастье. (*Выпивает, бросает рюмку об пол.*) Вот так!

Полозов выпивает, ставит пустую рюмку на столик. Штанге хватает ее и кидает об пол.

ШТАНГЕ. Поцелуемся, брат! (*Целует Полозова, возбужденно прохаживается по гостиной.*) Все, все продать! И как можно скорее! Всю эту рухлядь, весь этот тлен и мусор гробовой. Ваза китайская, чучело акулы, эти кубки хрустальные – на кой черт они тебе?! (*Подходит к коллекции холодного оружия, развешенного на стене.*) Разве что это

оставить. *(Трогает .)* Мачете, наваха, кинжал дамасский... а это что?
(Берет нож с короткой металлической рукояткой в виде креста .)

ПОЛОЗОВ, Мексиканский метательный нож.

ШТАНГЕ. Значит его метать надо? Позволь, брат, я метну

ПОЛОЗОВ. Метни. *(Пьет .)*

ШТАНГЕ. Во что изволишь?

ПОЛОЗОВ. Во что угодно.

Штанге кидает в дверь, но неудачно – нож падает на пол.

ШТАНГЕ. Из ружья у меня лучше получается. Когда на тягу пойдем?

ПОЛОЗОВ. Когда-нибудь. *(Поднимает нож с пола, разглядывает его*

.)

ШТАНГЕ. Да-да. На тягу. Непременно на тягу Слава Богу, просека еще не заросла. *(Садится за рояль, берет несколько аккордов .)* Рояль тоже продай... На тетеревиный ток я уж опоздал. А ты без меня ходил?

ПОЛОЗОВ. Ходил.

ШТАНГЕ. Скольких срезал?

ПОЛОЗОВ. Ни одного.

ШТАНГЕ. Вот, мамочка, а все потому, что без меня ходил! А стреляешь в три раза лучше моего! *(Наигрывает на рояле .)* Басы у тебя дребезжат как в бочке. Так и не подтянули? Хотя, ты же, брат, не играешь?

ПОЛОЗОВ. Не играю.

ШТАНГЕ *(напевает под собственный аккомпанемент)* . Не игра-а-ю, не игра-а-ю, не игра-а-а-а-ю. Послушай, я не спросил – отчего твой Аттис исдох?

Полозов смотрит на Штанге, потом вдруг с силой метает в него нож. Нож по самую рукоять впиывается Сергею Леонидовичу в левый бок. Штанге на мгновение замирает, словно прислушиваясь к чему-то, затем медленно встает, смотрит на Полозова, открывает рот и замертво падает на ковер .

АНТОН *(осторожно приотворяет дверь)* . Звали, батюшка?

ПОЛОЗОВ. Нет. Ступай.

Антон закрывает дверь. Полозов подходит к мертвому Штанге, садится подле него на ковер, долго сидит, глядя на убитого.

ПОЛОЗОВ. Я хочу что-то рассказать тебе. Собственно, я еще никому не рассказывал об этом. Поэтому мне трудно говорить. Очень трудно. Это произошло совсем недавно. Даже очень недавно. Минуты три или четыре тому назад. Хотя, думал об этом я очень давно, лет с шестнадцати. Но открылось это сегодня. Сейчас. В тот самый момент, когда ты стоял посередине гостиной и перечислял находящиеся в ней вещи. Даже не

перечислял, а называл их: китайскую вазу, чучело акулы, горку с хрусталем, коллекцию ножей, рояль. Ты стоял свободно, говорил несколько насмешливо, довольно легкомысленно, как часто у тебя выходило, но... (пауза) ты не представляешь каким серьезным делом занимался ты в эту минуту. Ты называл *имена* вещей. И все вещи соответствовали своим именам. И это потрясло меня, как гром. Да! Все вещи соответствуют своим именам. Китайская ваза была, есть и будет китайской вазой. Хрусталь навсегда останется хрусталем и будет им, когда Луна упадет на Землю. Ты стоял посреди мертвых вещей – живой, теплокровный человек – и ты один не соответствовал своему имени. И дело вовсе не в свойствах твоей души, не в твоей порядочности или безнравственности, честности или лживости, не в добре и зле, наполняющими тебя. Просто у тебя не было *имени*. Как и у нас всех. У человека нет имени. Сергей Леонидович Штанге, господин доктор, homo sapiens, мыслящее животное, образ и подобие Божие, – это все не имена. Это всего лишь названия. А имени нет. И не будет. (Пауза. Ползоров встает с пола, садится в кресло, сидит некоторое время.) Антон. Антон! Антон!! Антон!!!

Занавес медленно опускается.

Что-то есть в этом скрипте М-неприятное, рипс табень.

Не могу понять – что?

Когда вернусь (прости за хушо бадао), спрошу у тебя понежнее – маленький мой сяотоу, что М-неприятного в тексте Чехова-3? А ты, рипс шагуа, ответишь как всегда вопросом на вопрос – а что L-приятного в нем? И я, Boris, не дам тебе ответа.

17 января.

Набоков-7.

Это ВЫСШЕЕ. И не только из-за высокого процента соответствия. Высшее по определению. Во время процесса объект вел себя чудовищно агрессивно: стол, стул и кровать он превратил в щепы, стилос сожрал, erregen-объект (норковую шубу в меду) разодрал на клочья и приклеил их к стенам (используя в качестве клея собственный кал). Ты спросишь – чем же писал этот монстр? Щепкой от стола, которую он макал в свою левую руку, как в *чернильницу* (старрус). Таким образом, весь текст писан кровью. Что, к сожалению, не получилось у оригинала.

Набоков-7

Путем Кордосо

Все счастливые семьи несчастны одинаково, каждая несчастливая семья счастлива по-своему. Все началось с обыкновенного карандаша. Синий карандаш за двадцать пфеннингов торчал из сухой, как фраза берлинского почтмейстера, руки Александра; один конец был заточен, другой безжалостно обмотан бинтом, и Светлана, пропитав его дешевым коньяком, прикладывала на ночь к своим соскам. Она делала это поздно вечером, процедура затягивалась и превращалась в подозрительный ритуал. Светлана сидела на подоконнике большого окна с голландским переплетом, смотрела в ночной сад, держа карандаш чаще у левой груди. Лунный свет беспрепятственно тек по ее слишком покатым плечам, скользил по слишком тонкой шее, по бесстыдно прямой спине, щадя лишь смутные овалы впадин ключиц. Светлана понимала, что она делает, но не осознавала всю меру ответственности за содеянное. Недаром, разбудив утром Александра быстрыми, почти истеричными поцелуями, она показывала ему свою правую ладонь, затем кошачьим движением вытягивала из-под розовой подушки серебряную орднунг-бокс Штайнмайера, плоскую, как шутка лифтера, но начищенную, словно пряжка ефрейтора. Потягиваясь и музыкально хрустя суставами, Александр усаживался на теплую кровать, открывал орднунг-бокс и осторожно, чтобы не пролить трансформаторное масло, вынимал полоску алюминиевой фольги. Светлана держала наготове полотенце. Хищно промакнув фольгу, Александр прижимал ее ко бледному лбу жены и не менее хищно накрывал плисовым платком. Светлана

вглядывалась в потрескавшийся потолок и бессмысленно улыбалась. В свои двадцать два года она была мудрой женщиной, исповедующей в отношениях с полнеющими мужчинами два железных принципа: встречаться только после предварительного соблезия и брать деньги непременно до накачивания больных камнерезов. Александр почти соответствовал ее идеалу латентного мужа, хотя за шесть месяцев совместного существования она так и не привыкла к его ритуальным мешкам, ржавые пятна от которых давали ей повод для колкостей и упреков, вызывавших у нее снежную лавину истерики. «Я ем только белое мясо!» – кричала она ему, наклоняясь вперед до хруста в позвоночнике и касаясь узким подбородком края серебряного блюда, полного простат юношей, запеченных под тертым сыром и нещадно sprыснутых лимоном. Александр разочарованно кашлял и поспешно накрывал блюдо бриадловой салфеткой. Большинство знакомых откровенно осуждали их двусмысленный союз, считая его мизальянсом, и лишь Лука Вадимович, с его ежеминутной готовностью рубить головы невидимым запорожцам, слепо поддерживал выбор Светланы. «Опристи прэтт, дорогая!» – повторял он, жмурясь и нюхая. Светлана любила целовать его вялую старческую руку, напоминавшую ей о сонном детстве в Торжке, о кудрявом Николае, просверлившим в тачке 126 отверстий и каждое утро полирующим их дождевыми червями, о прыжках через спеленутого и жалобно хрипящего Борла, о наштигованных жаканами березах, о лунном блиндаже и конечно же – о первой встрече с Коломбиной. Отдавая Александру свое переспелое тело, она вспоминала проворный язычок Коломбины, ее тонкие пальцы обрушивалась на Светлану. «Почему ты не делаешь боковую вставку? – спрашивал Александр, надевая на член сандаловый чехол. – Отчего я давно уже лишен удовольствия созерцать Ороламу?» Светлана молча отводила медвежьи глаза и шла в Белый зал, где на резном столе-поступателе покоился торс Штайнмайера. Она рассеянно смотрела на пятна тления, шрамы и следы от побоев, покрывающие торс, поднималась по нефритовым ступеням, присаживалась и, склонив голову, следила как густая сперма Александра, покидая ее влагалище, сочно падает на грудь торса. «Запустить в него мышей или ласточек? – думала она, впиваясь ногтями в свои подозрительно округлые колени. – Амбарные мышцы вряд ли приживутся, а доставать перламутровых – морока. Запущу лучше ласточек. Ширина грудной клетки позволяет». Александр не одобрял ее увлечение стекорой. «Ты лишний раз даешь повод сплетникам, – говорил он. – Пойми, дорогая, мы рождены для опосредованных прикосновений. Наши чувства это всего лишь элементарные геометрические фигуры, вырезанные из

спрессованных костей предков и погруженные в аквариум с розовым маслом. И поверь моему сенсорному опыту, в этом аквариуме способно обитать только одно живое существо – головоногий моллюск с портативным кислородным аппаратом, осознавший разницу между водой и розовым маслом как достаточную необходимость. Он обречен совершать плавные круги вокруг шара, куба и пирамиды, мимикрируя и блеуясь. Его обоженная сущность подражает фигурам, как мы подражаем его подражанию». – «Но почему нам нечего терять?» – спрашивала Светлана. «Нам нечего терять, ангел мой, оттого, что все свое сознательное существование мы приобретаем не феномены, а ноумены», – отвечал он, и Светлана на время успокаивалась. Супружеское бытие их протекало синусоидально, подчас с навязчивой рекуррентностью, впрочем, которая раздражала только непосвященных. По средам и субботам Александр ездил в присутствие. Служба, как хорошо просушенная колода мясника, не слишком отягощала его, но, будучи человеком принципа, он отдавался ей целиком, забывая не только Светлану, но и ордунг-бокс Штайнмайера. «Если я твердо уверен в чем-либо, бонное для меня вовсе не существует, следовательно я могу совмещать несовместимое», – говорил он Самсону, и тот непонимающе кивал. Сослуживцы любили Александра за прямодушие и нелюбопытность, хотя его титановые протезы последней модели, а так же усыпанный прыщами бриллиантов подлокотник вызывали у них вспышки беспричинного гнева. Плюясь и рыдая, они натягивали волосные перчатки, связанные, промасленные и пронумерованные расстрелянным Людвигом Фаркони, срывали пломбы с опечатанной ванны, зачерпывали пригоршни жидкого стекла и изо всех сил метали в дряблые бедра старика Шварца, еле успевающего обнажаться. «Я возьму целое!» – визжал побеговецкий Самсон. «В день Святого Валентина мы зальем ртуть в наперстки!» – угрожал Тиберий Иванович. «Двенадцать!» – рычал тапироподобный Гашек. Шварц не успевал орудовать казенными скребками. Александр все переносил спокойно. «Господа, я всегда на стороне слабого. Voila le premier acte», – говорил он, обтирая золотые кирпичи. Начальство его побаивалось, но ценило. Спиравленко, этот грузный ороластый мужлан, увешанный, как рождественская елка, орденами и фистулами, вызывая Александра к себе в кабинет, часами ездил вдоль витражей, звеня рельсами и бухая противовесом, прежде чем начать беседу. Александр молча ждал, вставив указательные пальцы в мясные шкатулки. «Вы не отдаете себе отчет, Кордосо», – произносил наконец Спиравленко, останавливаясь и усмерствуя. «Я отдаю себе отчет, Гордон Жакович», – с зубодробительной твердостью отвечал Александр и,

освободив пальцы, показывал, как он отдает отчет. Спиравленко пыхтел, краснел, седел, болел, потел, смердел, но вскоре отпускал его с миром. Когда Александр выезжал из его кабинета на новеньком гобте, сослуживцы завистливо показывали ему припудренные гениталии. «Везет вам, Кордосо!» – угрюмо подтирался Самсон. «Везет всегда сильному!» – парировал Александр, застегивая березовый корсет и направляясь в столовую. Домой он возвращался сильно за полночь, когда чернильные тени до костей разъедали туши агонизирующих бездомных коров. Светлана всегда ждала его в предспальной, напрезнившись и погрузив свои ступни в вазу с хорьковым паштетом. «Умораб пришел!» – кричал он ей из прихожей. «Изаберия ждет своего Умораба!» – пела Светлана, опрокидываясь на болгарские потроха. Переоблачившись в мужскую кожу, свежесодранную слугой Афанасием с очередного донора-добровольца, Александр вползал в предспальную. «Что возжелает геобноробдистый Умораб?» – спрашивала Светлана, перебирая потроха узловатыми пальцами, унизанными марсельскими кольцами для выбивания медуз. «Умораб жаждет истошного!» – скрипел зубами Александр. Светлана начинала целовать свои колени. Через 28 секунд Александр крепко спал, уткнувшись лицом в хорьковый паштет. По понедельникам и пятницам они выезжали поужинать в белорусский ресторан «Сапфирий». Швейцар и официанты встречали их как родных: Александра принимались бить уже в прихожей, Светлане давали войти в зал и там набрасывались на нее. Ему, как настоящему мужчине, доставались увесистые тумачи, ее же награждали звучными пощечинами, от которых немело лицо и долго ныли предплечья. Усаживаясь за стол N18, Светлана немедленно прикладывала к лицу легкое банкира. «Сегодня они, признаться, в неважной форме», – разочарованно стонал Александр, залезая в бирут и истерично требуя меню. Супруги никогда не изменяли своим гастрономическим предпочтениям, заказывая неизменное Токийское 1889 года, салат из болотных трав, корни зубов мудрости престарелых пролетариев, маренго из болонок, пархацию с жабьей икрой, мениски футболистов белорусской 3-ей лиги под рвотными массажи. На десерт Светлана брала горный хрусталь со взбитой бычьей слюной или «Укрывище». Насытившись, они перемещались в инкрустированную рубанками дарохранительницу, минут сорок протирали призмы и топтали хомяков, затем скатывались по сальному желобу в гардероб. «Степень предназначения!» – улыбался Александр. «Копье! Да шестьдесят вторые!» – рыдала от удовольствия Светлана. Домой они возвращались под утро. И все было бы благополучно в их совместном существовании, все продолжалось бы стерно и обредно, жизнь супругов

проскользила бы по сальному желобу под счастливый хохот и деликатный визг до самой гробовой машины, не захоти Светлана ребенка. Поначалу она говорила о нем исподволь, невзначай, вскользь, впопыхах, вполголоса, между делом, походя, полупонамеком, полушутя, полусерьезно, полугронежно. Но с каждым днем разговоры эти обретали все более угрожающий смысл, обрастая реальностью, как обрастают дымящейся плотью желтые скелеты, вылезшие в полночь из могил заброшенного цыганского кладбища, вставшие в круг и с трудом поднявшие вверх поросший белым мхом тысячелетний мраморный тор с еле заметными отверстиями, чтобы весенний ветер выдавил из мраморного горла тора звук вечного возвращения. «Это необходимо нам как воздух, как вода, как горсть твоего черного порошка, – повторяла Светлана, покрывая плечи мужа молниеносными уколами раскаленной иглы. – Если мы жембраимся, стоэмир никогда не простит нам этого!» Александр сперва отмалчивался, отмахивался, отнекивался, отшучивался, пропускал мимо ушей, не принимал близко к сердцу, не брал в голову, не обращал внимания, игнорировал, делал вид, что не понимает о чем, собственно, идет речь. Но жена оказалась до заворота кишок настойчива: прошли всего три недели, а белый резиновый шланг уже покоился в кастрюле с липовым медом, в то время как твидовое платье Александра пронизали сотни новых градусников. Последний бастион Александра – уритко – рухнул еще через неделю, после того как Светлана выварила в козьем молоке дубовый стол мужа и наполнила ящики слоновьим пометом. «Хорошо. Поступай, как знаешь, – расправил сухожилия Александр. – Но предупреждаю тебя – я приму в этом активное участие, так как идея не моя». – «Милый, я ничего не пожалею для сочного счастья!» – заверила в меру отекая супруга, разорвала себе кожу на левом виске, облачилась в первоклассно замороженные желатиновые доспехи и поспешила в МОООРЗ. «Жебраим, жебраим, жебраим», – мечтательно рычала она, несясь по заваленной трупами улице. Оставшись на 14 часов в одиночестве, Александр предался размышлению. «Безусловно, я обязан понять и принять ее порыв, – думал он, расположившись с молоком и червями в тихой и затемненной горлорезной. – Она женщина, она хочет быть матерью, хочет теребить и двигать, считать и печатать. Ей не терпится испытать то архаическое чувство материнства, что заставляет женщин обезжиривать свои кости, стрелять в темноте, плакать на телеграфные столбы, сосать морскую гальку, дробить и стомлобствовать. Но способен ли я распилить пополам камень ее чувства? Достаточно ли у меня сил, надфилей и берестяных чемоданов? Смогу ли я всю ночь напролет бросать в окно второго этажа

укоризненные взгляды? Надавливать сапогом на гнилую часть эвкалипта? Пропускать электроток через собаку? Сниться своей теще, а затем теще ближайшего друга? Рыть неглубокие ямы? Гуманно убивать майских жуков? Теревить и двигать?» И чем больше вопросов задавал он себе, тем все тоньше и рельефней становилась платиновая корка, покрывающая розовый клубень его уверенности. Прошло время. Хлебные часы промяли 5.45 утра. Дверь горлорезной бесшумно отворилась, вошли резники с утренней жертвой и, поклонившись Александру, приступили к делу Один прижал к жертвенному рукомойнику бритоголового японского юношу, другой кривым туркменским ножом вспорол ему горло. Но если раньше этот хорошо знакомый с детства ритуал всегда успокаивал Александра, навевая сон и благодушие, то сейчас горлорезанье подействовало на него неожиданно возбуждающе. Когда резники стали выдавливать своими грузными телами кровь из агонизирующего японца, Александр вскочил, подбежал и со всего маху поцеловал собственную ладонь. Резники испуганно покосились на него. Когда они вышли, он опустил руки в теплую кровь. «Я должен, – сосредоточенно думал он, – Должен как муж, должен как монада». Омовение придало ему силы. Подпрыгнув, он проломил головой потолочную балку. Светлана вернулась радостная, с ворохом смешных мортелл. «Сегодня!» – закричала она в безволосую грудь Александра. «Я готов, недорогая!» – набычился и ознестил Александр. Зачатие проводили в полдень. Светлана убрала спальню бинтами и заусенцами. Муж мучил ее долго, набрасываясь со стеклярусом и отступая с домашней выпечкой. «Хохореп, хохореп, хохореп!» – пела она, активно мешая ему. «Сислов! Сислов! Сислов!» – ревел Александр, изо всех сил стараясь потеть. Слуга Афанасий ловко подмахивал им. Часов через восемь Александра вырвало спермой на прорезиненную простынь. «Слишком кесси, обродо...» – забормотала побледневшая Светлана, подтягиваясь на пальпотивной веревке и вибрируя торсом. Афанасий умело запихивал в нее сперму Александра. «Ровней, скотина!» – вдруг закричала она, обрушив на оторопелое лицо слуги лавину слюнявых поцелуев. «Фердинанд носовой...» – выдохнул Александр, погружаясь в неглубокий сон. Запечатав влагалище ореховой вязью, Светлана поспешила в инкубатор. Через девять месяцев шерстяного безмолвия, напоминающего профиль молодого Рузвельта, они встретились в детской. Муж приветствовал жену розами, медовым нарезом, сушеным выменем, колуном, цветом и перхотью, приподнесенными со свойственным ему остервенением. «Я чудовищно соскучился, недорогая дорогая! – истерично захохотал он и заскрежетал зубами от зависти. – Я боготворю тебя, гадина!» Светлана с

трудом сдерживала равнодушие, чувствуя подступающий приступ випра. «Не помогай мне?» – спросила она. «Я буду пререкаться!» – хохотал и плакал Александр. «Не помогай мне?» – повторила она, прижимаясь к нему. «Наполни молоком!» – изгибался он. «Не помогай мне!» – выпрямилась Светлана и тотчас родила. Александра обдало чужой жизнью. «Покружи его, покружи!» – завизжала Светлана, едва справляясь с вылезшими кишками. Афанасий принялся кружить ребенка. «А часы?» – обнажил протезы Александр. «Снова лок!» – хохотала Светлана, подпрыгивая и фикорясь. Афанасий свистел в пупок ребенка среднерусским посвистом, тер ему запястья, дул в позвоночник. Ребенок рос прямо на глазах. «Он хочет меня!» – разочарованно усмехнулась Светлана, опрокидываясь навзничь. Александр кинулся помогать, не щадя ногтей. Афанасий бросился за клюшкой. «Звезды!» – взвизгнула Светлана, с хрустом обнимая сына. Афанасий взмахнул клюшкой. От удара палевоизумрудный берег реки, нависавший над жирной водой горбатой великаншей, треснул и стал медленно и страшно рушиться вниз. Проворные руки Светланы вошли в тело ребенка. Афанасий хохотал, тщательно подмигивая своей тени. Ветер нес мельчайшие куски мозга Александра над вечерним полем.

Хочу спать, рипс.

Жаль, что здесь нет гипероновых подушек.

Цени то, что имеешь, мальчик мой, не будь кэбиди лянмяньпай.

Наступит время, когда никакой мошуща не спасет тебя от потерь и разочарований. Помни «Дао дэ цзин»: «Я бережлив, поэтому могу быть щедрым». Великий Лао писал это о любви, я уверен, рипс лаовай.

В наше сомнительное время очень просто раскрасить носорога. Гораздо сложнее вылепить солдатику из простатного гноя и остаться этически вменяемым существом.

Ярких снов тебе, дитя необычной нежности.

И *тихих* мыслей о моей простате.

Я боюсь.

Boris.

P.S. Потрясающий сон! Давно так не SMЕялся: я в плюс-плюс-директе, океан, огромный айсберг из голубого сала. По нему, как *блохи* (старрус.), прыгают наши 7 объектов. Длинные затяжные прыжки с долгим зависанием в воздухе. Они ищут, ищут друг друга. (Слепые?) Наконец,

находят: **о л о** у всех (кроме Ахматовой-2) встают. Набоков пронзает Платонова, Платонов – Чехова, Чехов – Пастернака, Пастернак – Достоевского, Достоевский – Толстого, а тот, рыдая, – Ахматову. А она, L-позитно хохоча и dis-активно визжа, раскрывает свою мокрую раковину и писает на голубую кожу айсберга. И ее моча размывает голубое сало. Словно это простой лед.

Как? 88% L-гармонии.

Спать дальше!

18 января.

Пастернак-1.

Даю без комментариев. Потом узнаешь почему.

Сегодня *невероятная* погода, никогда в жизни не видел такой: бледно-голубое, плюс-директно высокое небо с еле заметным изумрудным оттенком на западе, ослепительно холодное солнце, потрясающая видимость.

И -32°C .

Но. Несмотря на мороз дышится легко. Вышел ненадолго пострелять белых рябчиков. Сержант Прут объяснил мне как пользоваться «Циклопом-238 МС», Убойная штука, доложу тебе: мало того, что в прицел видно все как на ладони, оказывается, можно еще и регулировать силу заряда.

Начал с обыкновенной бессловесной пули, а закончил... бедные рябчики и вековая сосна, приютившая их.

Подошел – не поверил: щепки и белые перья на белом снегу. «Циклопом» можно спокойно прорубить просеку в нашей тайге до океана. А там угнать вонючий китайский флайер и долететь до твоих острых лопаток.

Пастернак-1

Пизда

Взошла пизда полей
В распаханном пространстве –
Пизда поводырей,
Печаль непостоянства.

Высокое зенит
Над замершей землею,
Он в воздухе звенит
Консолью неземною.

Но час пизды лесов
Нависшей бомбой страшен,
Сурьмяной кровью сов

Ольховый лист окрашен.

С пиздою темных рек
Столкнулся мир спокойный,
Пизда немых калек
Сменить ее достойна.

Пиздою диких псов
Она неспешно станет,
Тугую завязь снов
Лучом тяжелым ранит.

В пизде подробных гор
Движенья ужас ожил,
Долин слепой простор
Лавиной потревожил.

Уставший слушать бор
Пиздой гнилых скворешен,
Как рыцаря убор,
На крепости подвешен.

Растет пизда домов,
Дворов и переулков,
Пизда литых мостов
И виадуков гулких.

Задумалась пизда
Полуприкрытых ставен,
Ее узор всегда
Тяжел и музыкален.

Рояль, как антрацит,
Застыл пиздою черной.
Он в сумраке блестит
Пюпитром непокорным.

Огонь какой пизды
Проступит новой раной?

От лезвия звезды
Он ускользнет, упрямый.

Взойдет пизда путей,
Раскроются бутоны,
Нет места для гостей,
Все полночи – бессонны.

Пизда больных ветров,
Оплавленных огарков,
Распиленных дубов
Пиздой накрытых парков.

P.S. Ты знаешь, я терпеть ненавижу русмат. Поэтому и не комментирую. Но что замечательно – Пастернак-1 – единственный из семи совершенно не изменившийся и не притронувшийся ни к интерьеру, ни к erregen-объекту.

Его тело лемура со спокойным благообразием выполнило скрипт-процесс, свернулось в белый клубок и впало в анабиоз. Что это значит, рипс нимада табень? Смотрел дважды по следам и по микрополям – все чисто. Пока не понимаю. Поэтому этот текст мне особенно близок.

Попросил полупьяного ефр. Неделина выбрать самого большого клон-голубка. Он уже гремит замком голубятни – и через пару минут пернатый монстр с этой капсулой в желудке полетит к тебе. Пожелай ему попутного ветра, рипс нинь хао.

Boris.

20 января.

Сегодня наступил *красный* день, которого я мучительно ждал с самого приезда.

ПРОСТАТА.

Воспылала, несмотря на жир ящерицы да-бйид. И несмотря на «Пять Хороших». Во времена Ивана Грозного сажали не только на быстрый кол (смазанный бараньим салом), но и на медленный (сухой осиновый).

Если в первую ночь здесь я посидел на быстром, то теперь равнодушный и прекрасный Космос пересадил меня на медленный.

Боль такая, что я (о ужас!) думаю об обезболивающем. покоящемся в желтых аптечках наших вояк.

Я старый и слабый байчи, раб своего гунмынь. Последняя надежда – прижигания. Попробую через полчаса.

История с последним объектом – Толстым-4 отвлекает ненадолго от проклятой боли. Не знаю почему, но только этот случай из всех семи вызывает у меня спазм беспричинного смеха. Я смеюсь и сажусь на свои ладони, чувствуя свой *красный* ванвэй.

Толстой-4 весь процесс проплакал. Он писал и плакал, писал и плакал. К erregen-объекту он не прикоснулся вовсе. Зато сжевал стекла у двух керосиновых ламп, в результате чего они быстро выгорели и погасли. Хотя освещение его ничуть не беспокоило: он писал в темноте. Громадные веки его полиловели от потоков слез, фиолетовый нос напоминает клубень батата. В накопительный анабиоз он впал, стоя в углу и рыдая. В таком положении он застыл памятником самому себе.

Я жду от него не менее восьми (!) кг голубого сала.

Толстой-4

XII

Сильные морозы, простоявшие с самого Рождества, отпустили скованную ими землю только к февралю.

Старый князь Михаил Саввич, проведенный всю зиму в Пospelове, узнал про дуэль Бориса слишком поздно, когда рана сына уже затянулась, а вместе с нею затянулась и покрылась коркою вся история ссоры с

Несвицким. Старик Арзамасов принадлежал к той редкой и ныне вымирающей породе светских львов, которые после десятилетий бессмысленного растрачивания душевных сил, к преклонным годам вдруг начинают задумываться над своей бесполезной и пустой жизнью, не становясь от этого честнее к самим себе, а наоборот – впадая в самообольстительный обман как бы проснувшихся людей.

Повинуясь этому самообольщению, старый князь подавил в себе порыв гнева и решил простить сына.

«Так будет лучше и для нас, и для его положения в свете, а с другой стороны – так будет и по-христиански», – умно заключил князь, и, оставшись чрезвычайно довольным собою, сразу же отписал сыну письмо с приглашением приехать в Пospelове на медвежью охоту

Через неделю молодой Арзамасов уже целовал впалые щеки отца.

Хотя Борис и вернулся в Пospelове с чувством вины, письмо отца приободрило его, не вызвав и признаков раскаяния.

«Разве могу я быть виноватым?» – говорили его быстрые черные глаза и всегда румяное круглое лицо.

Старик Арзамасов не стал докучать сыну расспросами, даже не поинтересовался о ране, решив задвинуть эту историю в самый дальний угол своей памяти, как задвигают разочаровавшую книгу на самую верхнюю пыльную полку в библиотеке, меж таких же неинтересных книг.

«Охота все успокоит и всех примирит», – думал Михаил Саввич.

Решено было идти в первый четверг на Масленицу

Утро выдалось солнечным и морозным. Борис, проснувшись по обыкновению поздно, с удовольствием различил узкий клин ярко-голубого неба в просвете глухих штор и сладко потянулся всем своим молодым телом. Быстро собравшись, он сбегал с крыльца и по идеально ровно расчищенной от снега дорожке поспешил на скотный двор.

Старый князь был уже там; облаченный в короткий полушубок, с ножом на поясе, в пушистой волчьей шапке, он ничем не отличался от двух его верных охотников – камердинера Степана и пospelовского мужика Ваньки Сиволая. Оба были страстными медвежатниками и бессменными товарищами князя по охоте, взявшие с ним шестьдесят два медведя. Степан – коренастый, с узким волчьим лицом и въедливыми глазами, первым заметил молодого князя, и, сняв лисий треух, привычно поклонился. Ванька – высокий широкоплечий богатырь с глуповато-благодушным выражением на круглом, как тыква, лице, неловко сгреб с головы трепаный малахай и тяжело согнулся в пояс. Стоявшие поодаль шестеро мужиков с рогатинами нехотя сняли шапки и тоже поклонились.

– А, это ты, – повернулся к Борису старый князь, бросая на снег рванный подуздок и подставляя сыну щеку – Здравствуй.

Борис поцеловал отца.

– С такой аммуницией они у тебя к чертям разбегутся, разбойник! – сурово, но без злобы заговорил старик, забывая про сына.

Горбатый скотник Гаврила виновато стоял перед ним, теребя нагайку.

– Чего уставился, разбойник! Выводи! – крикнул Арзамасов.

Гаврила заскрипел мерзлыми воротами, скрылся в хлеву и тотчас вывел на цепях трех давил – Шкворня, Сигея и Ноздю. Завидя охотников, давилы завопили на все лады и рванулись к господам.

Гаврила ловко поддернул их и подвел к старому князю.

Давилы подползли к нему на четвереньках и стали лизать его высокие, блестящие от сала сапоги.

– Не кормил! – утвердительно спросил старик, улыбаясь давилам.

– Как же, барин? – обиделся Гаврила. – На что же их кормить-то перед травлей?

– Ну, что скажешь? – старый князь с усмешкой посмотрел на сына. – Хороши мои давилы?

– Хороши, – ответил Борис, беря за изодранное ухо Сигея и поворачивая к себе его смоляную лохматую голову – А где же Свищ?

– Свища я весною Семену Васильевичу продал, – старый князь вытянул из тулупа свою неизменную серебряную фляжку с кориандровой настойкой. – Он, топ шер, сперва меняться предлагал на его Броню, да на что мне? Продав за тысячу. Тройки нам всегда довольно было. Свищ только под ногами путался. Верно, Степан?

– Точно так, ваше сиятельство! – серьезно согласился Степан, отпихивая прыгающего на него Шкворня. – Тройкой давить ухватистей.

– Свищ один мог шатуна задавить, – сказал сам себе Борис, сразу вспомнив рыжеволосого, конопатого Свища, любителя говяжьих костей и тоскливых повечерних песен без слов.

Ноздря, узнав Бориса, прыгнул, гремя искусанной цепью, ему на грудь, вцепился в плечи узловатыми черными пальцами и, радостно визжа, потянулся своей щекастой задубевшей мордой к румяному лицу князя.

– Капо! – пробормотал Борис, пнув Ноздю в живот коленом, и давило радостно отпрянуло, бормоча свое обычное «ети-петь, ети-петь».

Ноздря был матерым сорокалетним давилкой, сокрушившим ребра не одному десятку медведей и прозванному так за свою отроческую привычку жадно вылизывать по утрам господам и прислуге ноздри. От других давил он отличался неимоверно широкой грудью, волосатыми, длинными

мускулистыми руками, беспокойные пальцы которых непрерывно теребили растянутые соски на его груди.

Ноздрю непременно на всех охотах ставили на прием – то есть первым на пути рвущегося из берлоги зверя.

– Гаврила, седлай! – приказал старый князь, убирая фляжку и стремительно пряча свои маленькие руки и рукавицы.

Вокруг все зашевелилось.

«Вот оно, началось!» – весело подумал Борис, подпоясываясь поданным Степаном парчевым кушаком и затыкая за него кривой ятаган.

Вскоре вся охота выехала со скотного по направлению к Старому бору. Соня Соня Соня убери молоток из из из шкапа.

XIII

До берлоги оставалось полверсты и князь Михаил Саввич приказал всем спешиться и привязать лошадей, чтобы не поднять зверя раньше времени.

Горбатый Гаврила, ехавший позади охоты на своей каурой Нечаве, проворно спрыгнул в снег и полез принимать гнедого Карбона старого князя и спокойную; муруго-пегую, равнодушную ко всему Сиси, на которой ехал Борис. Шестеро мужиков с рогатинами слезли со своих неказистых лошадок и побрели по глубокому снегу вслед за Ванькой, протапывая тропу господам. За ними двинулся торопило Фомка со сворой давил.

– Его (медведя) Ванька еще до Рождества отследил, – говорил князь сыну, следуя за Фомкой. – Он до пороши не залег, а и в шатуны тоже не сподобился, Старик, сам пять, вот и привередлив.

Борис с улыбкой отметил про себя прежнюю черту отца – во время охоты говорить по-мужицки.

– Старик, ваше сиятельство, то правда! – заговорил было бредущий следом с тремя рогатинами Степан, но князь поднял руку, приказывая умолкнуть.

Вдруг давило Сигей, месящий снег на своре, прыгнул вверх, стал на ноги, втянул ноздрями свежий морозный воздух и издал тонкий продолжительный свист.

Старый князь остановился, и сразу остановилась вся охота.

– Видать, по мелочи, ваше сиятельство! – определил Степан.

– Пускай сработает! – разрешил князь.

Фомка отстегнул повод и показал Сигею палец. Сигей опустился на четвереньки, пригнул книзу крутолобую башку и вдруг сделал четыре стремительных прыжка в сторону от тропы. Из-под снега с шумом стали подниматься дремлющие в нем тетерева. Сигей метнулся к ним и схватил черно-синего, лирохвостого черныша. Мелькнули белые подкрылья тетерева, раздался хруст его костей.

– Апорт! – скомандовал князь.

Сигей подбежал, протянул птицу. Михаил Саввич взял еще подрагивающего черныша за ноги, встряхнул. Черное перо лучилось и играло на морозном солнце, надбровья алели, нежнейший белый пух виднелся в подкрыльях. Было странно видеть эту красивую теплую птицу зимой, на фоне застывшего под снегом леса.

– Кинь потрох, заслужил! – приказал князь Степану, отдавая ему птицу.

Степан концом своего огромного ножа вмиг вспорол чернышу брюхо, выдрал розово-перламутровые кишки и метнул Сигею. Давило поймал их налету и, к зависти Ноздри и Шкворня, проглотил в мгновение ока.

– Ну, теперь – всем тихо! – скомандовал старый князь, и Борис почувствовал нарастающие удары своего сердца,

«Хоть бы мой Шкворень задавил!» – взмолился он и потрепал плосконого, рыжего Шкворня по жестким, как солома, волосам.

Шкворень улыбнулся во весь свой щербатый рот и проговорил хриплым басом:

– Отрепь, отрепь, полостель.

Подошли к берлоге.

Медведь залег в низине, поросшей кустами и молодым ельником.

Старый князь и Ванька расставили мужиков-обложиников, Степан подал господам две рогатины со стальными наконечниками. Трое мужиков раздали давилам давилки, или по-охотничьи – дубовые рукавицы, – шесть дубовых комельев с выдолбленными внутри ухватками. Давиды надели их на руки.

Старый князь с Ноздрей встал прямо перед берлогой, Степан с Сигеем по левую руку от него, Борис со Шкворнем по правую,

Мужики в долгополых сермяжных тулупах, как ратники на поле брани, выстроились вперемешку с елками по ту сторону берлоги и выставили вперед рогатины.

– Держи! – подмигнул старый князь Борису и кивнул Степану. – С Богом!

Степан достал из пазухи пороховую бомбу, закатанную в тесто,

чиркнул кресалом, запалил и кинул почти точно в отдушник берлоги.

Все замерли.

«Господи, помоги мне!» – успел подумать Борис, отстегивая повод Шкворня.

Бомба рванула не сильно, подняв кверху хлопья снега. Сизое облако дыма повисло над берлогой, и несравнимый ни с чем запах пороховой гари ударил всем в ноздри. Борису вмиг показалось, что медвежья морда, раздвигая дым, движется на него, но берлога не пошевелилась.

«Неужели ошибся Сиволай?» – подумал Борис, как вдруг, потемневший от пороха снег вздыбился кверху и огромный худой медведь легко выскочил из берлоги на обложников.

– Держи! – высоким женским голосом крикнул им старый князь.

Раздался треск ломающихся рогатин, медведь кинулся вправо, взбив тучу сверкающей на солнце снежной пыли, на него прыгнул спущенный Степаном Сигей, но промахнулся; зверь сжался в бурый комок, стремительным прыжком перемахнул копошащегося в снегу Сигея и рванулся между старым князем и Борисом, Не помня себя, Борис отпустил ошейник рвущегося вперед Шкворня и закричал, оглушая самого себя:

– Дави!!

Шкворень прыгнул и с размаха обрушил на голову медведя сразу обе дубовые рукавицы. Медведь встряхнулся, встал на задние лапы и пошел на него. Шкворень размахнулся и нанес медведю страшный удар в грудь, способный перебить хребет быку. Медведь хрюкнул и двинул нападавшего лапой. Шкворень отлетел прочь. Но слева на зверя уже летел Ноздря, – мелькнула давилка, раздался звон промерзлого дерева и оглушенный, но не сбитый медведь завертелся на месте, рыча и отмахиваясь лапами. Очухавшийся Шкворень поднялся и со зверским лицом кинулся на зверя.

Раздался протяжный вопль Сигея: «порууут!» и его давилки врезались медведю в спину. Давилы взяли медведя в треугол и принялись месить без разбору. Зверь сел, наконец, на гачи и яростно отмахивался, прижав короткие уши и скаля не по-медвежьи длинную, словно внезапно вытянувшуюся морду.

– Сидит! – все тем же бабьим фальцетом выкрикнул старый князь, рванувшись с рогатиной вперед, но увы, зацепившись под снегом за валежник.

Степан и Ванька поспешили к медведю, но, как показалось Борису, ноги их, как в известном каждому человеку кошмарном сне, стали гнуться, словно лыко, и вязнуть в снегу. Волосы зашевелились под смушковой шапкою Бориса, необъяснимый ужас происходящего подтолкнул его и, с

рогатиной наперевес, он кинулся к месту схватки. Давилы, визжа, причитая и крича, *окучивали* вертящегося на гачах медведя, голые спины их мелькали перед Борисом. С трудом найдя просвет между этими спинами, он зарычал как зверь и вонзил острогу в мохнатое вертящееся тело,

Медведь заревел, дернулся; сжимавшие древко руки Бориса сразу ощутили нечеловеческую силу зверя, – дубовая рогатина выгнулась дугой, затрещала и сломалась как спичка. Медведь взмахнул когтистыми лапами, отшвырнул Шкворня и Ноздю и поворотил к Борису умную и страшную морду со слезящимися стариковскими глазками и черным свиным пятакom носа. Морда эта стала стремительно вытягиваться и расти, раздвигая все вокруг – и облитый солнцем заснеженный лес, и высокое синее небо, и звенящий чистый морозный воздух, и копошащихся давил с их деревяшками и голосами, – от морды пошел густой запах прелой земли, мокрые вислые губы разошлись, обнажая нежно-розовые десна с белесой сыпью и мощные кривые пожелтелые зубы, янтарем засверкавшие на солнце. Рука Бориса потянулась к ятагану и только успела сжать маленькую, как бы игрушечную и ненастоящую костяную рукоятку совсем бесполезного оружия, но Ванька Сиволай уже был позади зверя: широкое каленое лезвие его рогатины вошло в горбатую спину медведя и Борис услышал, как под слоем сала треснули позвонки.

Медведь отчаянно зарычал и рванулся, но по этому реву и отчаянному движению стало ясно, что ему конец. Давилы с новой силой набросились на него. Борис вытянул ятаган из ножен и стоял с ним, не зная, как подступить к зверю.

– Пади! – раздался крик старого князя и, по-стариковски тяжело дыша, Михаил Саввич воткнул свою рогатину в медвежью шею, едва не задев вихрастой головы Шкворня. Этот удар оказался завершающим – медведь рухнул и уже не поднимался.

Подоспел Степан, запоздало размахнулся, но его узкая, как половецкое копье, рогатина вошла уже в смертельно вздрагивающее тело – медведь испустил дух.

Валко подбежали сермяжные обложники, Фомка и Степан оттащили разъяренных давил.

Старый князь вытянул свою рогатину из туши, кинул в снег, подошел к сыну, обнял и поцеловал, щекоча редкими заледеневшими усами:

– Ай-да молодец, *mon cher ami*! Коли б не ты – ушел бы, разбойник! *Tres bien! Perforatio pectoris*, благодетели сиволапые! Подарю тебе голову! Голову на стену! Шкворушко! Шкворушко, герой наш ратоборец!

Фомка отпустил ошейник визжащего Шкворня, давило прыгнул к

старика и восторженно завертелся у его ног своим голым, порозовевшим на морозе телом. Из разорванного плеча его обильно текла кровь.

– Удержал, удержал, родимый! Ишь, порвал как тебя, побродяга! Степан! Прижми его!

Степан наступил валенком Шкворню на спину, придавив его к снегу. Старый князь достал свою фляжку, склонился над Шкворнем и вылил всю кориандровую настойку на разорванное плечо.

Давило завизжал. Михаил Саввич вытянул из рукава полущубка свой кружевной батистовый платок и умело перетянул раненое плечо давилы. Тонкий батист тотчас намок кровью. Князь оглянулся, подозвал мужика:

– Скидавай тулуп!

Мужик разделся, оставшись в косоворотке и козлиной душегрейке.

– А ну – рви подол да вяжи ему плечо! – приказал старик. – Чай, не chair а сапог... Бориска! – он завертел головой и обнял сына. – Как мы, а? Ухватили, благодетели запечные! Ну, пошли глянем!

Охотники обступили поверженного зверя.

Медведь лежал навзничь, уставившись открытыми глазками в небо и раскинув свои совсем еще недавно могучие лапы с черными полированными когтями, словно собираясь с силой, чтобы встать и сгрести в охапку весь этот чистый, морозный и яркий мир, не понятно для чего потревоживший его сон, навалившийся на него и лишивший его жизни.

«Погодите немного, вот я сейчас», – словно говорил вид этого лежащего на снегу медведя.

Из узкой клиновидной груди его торчал обломок рогатины Бориса; густая, вишневого тона кровь сочилась из-под лезвия, поблескивая на солнце и пропадая в медвежьей шерсти.

Соня, убери молоток из шкапа.

XIV

После охоты отец и сын Арзамасовы с аппетитом отобедали, распив бутылку бордо. Молодой князь пошел спать, старый – обдирать со Степаном медведя, класть мазь на рану Шкворню, вместо слегшего в горячке управляющего толковать с пильщиками льда для ледника, указать бабам куда пересыпать прошлогодний ячмень, точить со столяром фигурку шахматного ферзя, взамен обглоданной борзым кобелем Разгоном, – и так до самого вечера.

Вечером же была устроена баня.

Старый князь выпарился как всегда первым и в одиночку Борис пошел после него.

Баня в имении Арзамасовых была особенная, если не сказать больше. Двадцать пять лет назад покойная супруга Михаила Саввича Мария Федоровна, проведшая с мужем шесть лет в Париже, где он служил по дипломатическому ведомству, сразу по приезде в Пospelове приказала выстроить возле пруда турецкую баню. Ее строили по проекту грека-архитектора силами поспеловских мужиков почти полтора года, наконец построили, и Мария Федоровна выписала из Парижа турка-банщика, которому Аллахом было уготовано провести в русском Пospelове остаток своей банной жизни, пропарить и промять сотни раз тела четы Арзамасовых и их заезжих гостей, чтобы потом нелепо погибнуть – не от русского мороза, не от шальной пули на охоте и не от пьяного кучера, а просто утонуть в заросшем приусадебном пруду.

Мария Федоровна не сильно пережила банщика. После ее кончины быстро выяснилось, что сам Михаил Саввич вовсе не большой любитель турецких бань.

Печь приказано было сломать и переложить на русский манер. От бывлой экзотики остались лишь мозаика да купальня, которой князь никогда не пользовался.

Борис отправился в баню в сопровождении лакея Ваньки.

Было морозно и темно, несмотря на полную луну в дымчатом нимбе. На деревне визжала собака и стояла та глухая, непроницаемая тишина, какая опускается на русскую землю только зимой.

В предбаннике Ванька раздел молодого князя и проводил в парную, где на мозаичном турецком полу орудовал банщик Семен – кривоногий чернобородый мужик с лицом, изуродованным ударом лошадиного копыта, отчего лицо его всегда имело грозно-плаксивое выражение. Он был голый по пояс, в исподних портах, мокрых от пара и пота.

– Здравия желаем, вашество, – поклонился Семен, держа в узловатых руках пушистое лыковое мочало.

– Здравствуй, Семен, – проговорил Борис, усаживаясь на самый низкий из четырех полков и с удовольствием вдыхая густой и крепкий пар.

– Какого парку изволите – мятного, аль квасного?

– Давай квасного.

Семен зачерпнул ковш кваса и стал плескать на раскаленную каменку. Бульжники загудели, и Борис сразу почувствовал запах свежеевыпеченного ржаного хлеба.

– Как изволите выпариться, вашество, по-простому, аль со стоном? –

спросил из облака пара Семен.

– Давай уж со стоном.

Семен сунул в свой перекошенный рот два мокрых пальца и свистнул. Дверь кладовой отворилась, и в парную вошла Акуля – невысокая шестнадцатилетняя девка в паневе, с красивым правильным лицом, большими карими глазами и густыми распущенными каштановыми волосами. Она поклонилась князю и неподвижно встала, глядя на него исподлобья совсем по-детски.

– Раздевайся! – скомандовал Семен.

Девка сняла паневу с исподницей, свернула валиком и положила на подоконник. Несмотря на малый рост, она была прекрасно сложена и имела большую развитую грудь с розовыми пятнами вокруг коричневых, уже сосанных не одним ребенком сосков.

Князь влез на самую верхнюю проступню полка и лег на нагретое сухое дерево. Акуля взошла по проступням и ничком легла на спину князя, так что ее живот прижался к его пояснице, а грудь – к голове и шее. Голова Акули оказалась рядом с головой князя и ее густые, свежeweымытые волосы накрыли лицо Бориса. Своими маленькими, но крепкими ногами и руками она оплела его тело и еще теснее прижалась к нему. Ее белая кожа оттеняла смуглую, мускулистую фигуру князя, маленький круглый зад лежал рядом с плоским задом князя.

Семен вытянул из деревянного корыта с водой березовый веник и толстый ивовый прут, встряхнул веником над каменкой и новое облако пара окутало лежащих.

– Виноватая, ох, виноватая! – захныкала Акуля и, придавленный ее нетяжелым телом, князь улыбнулся, вспомнив старый добрый обычай дома Арзамасовых.

Семен взял прут в левую руку, веник в правую и принялся проворно и сильно бить прутом по заду Акули, а веником – по заду князя.

– Виноватая, ох и винова-а-а-тая! – сильнее и протяжней запричитала Акуля, вздрагивая всем телом.

Ее ноги терлись о бедра князя, руки тискали его плечи, прохладная грудь давила ему на шею. Ее волосы заслонили глаза князю, и в узких просветах этих густых, рассыпчатых волос мелькали блестящие мускулистые руки Семена. Если дышащий паром веник опускался на зад Бориса с глухим шорохом, то моченый прут сек плоть девушки со свистом.

Борис оцепенел от неизъяснимого блаженства, целиком отдавшись своим ощущениям. Ему было невероятно приятно лежать в клубах пара, придавленным к горячему полку молодым, полным сил и жажды жизни

телом девушки, которую он видел впервые и, вероятно, никогда больше не увидит, и чувствовать и слышать, как содрогается и стонет на нем ее беззащитное тело, как дергается она от каждого удара уroda-банщика, а затем и самому принимать удар, но другой – нежный, опьяняющий, пробирающий бархатным жаром до костей.

Князь закрыл глаза.

Три совершенно разных звука возникали попеременно в пространстве парной, переплетаясь, сливаясь в сложный аккорд совсем нечеловеческой, неземной музыки, разделялись снова и снова соединялись воедино: хлесткий удар прута, стон, шорох веника, снова прут, веник и стон, вскрик протяжный, прут и веник.

«Боже, Боже мой, как же это все хорошо, – думал Борис в полузабытьи. – Здесь, в этой нелепой бане, в пару, отъединившись и запершись от всего мира, от зимы и заледенелых деревьев, от глухой деревни и заметенных дорог, от крепко спящих мужиков, от собак, от снежной долины, от далеких людей в далеких городах, от родных и незнакомых, от звенящего морозного воздуха и этой круглой мутной луны, висящей над всем миром, – как чудесно нам, трем теплым и голым людям делать то, что так необъяснимо опьяняет и потрясает нас».

Семен стал бить сильнее, и Акуля уже не вздрагивала, а непрерывно тряслась, ерзая от боли на пояснице Бориса, крики ее переходили в протяжный стон:

– Винова-а-а-атая! Мамушка, ох и винова-а-а-атая! Ее детские пальцы намертво вцепились в плечи Бориса, голова билась о полки.

– Винова-а-а-атая! Винова-а-а-атая! – кричала она все громче и громче и, вдруг смолкнув, забилась на спине Бориса, как в припадке падучей.

Семен вмиг отшвырнул прут и веник, схватил шайку, полную ледяной воды с плавающим в ней снегом, и окатил этой водой лежащих. Девушка сразу оцепенела, словно заснула. Ледяная вода шумно потекла вниз по проступням.

«Наверно можно и умереть от этого», – подумал Борис и открыл глаза.

Кусок снега лежал на полке возле его лица. Он дотянулся до него губами и взял в рот. Ему сразу заломило зубы.

Акуля лежала, не дыша, как мертвая.

Вода стекала и капала на мозаику. Пунцовый Семен сел на пол и тяжело дышал. От пара и работы лицо его стало страшным.

Вдруг девушка вздрогнула, приходя в себя. Пальцы и ноги ее разжались и из груди вырвался стон слабости. Она заворочалась, сясь

приподняться, но снова замерла, и князь почувствовал, как струя ее горячей мочи ударила ему в поясницу. Моча протекла по его телу, смешалась с ледяной водой и закапала вниз.

Акуля с трудом приподнялась и сползла с полка. Зад ее светился сплошным розовым пятном с косыми багровеющими следами кровоподтеков. Хромая и морщась от боли, Акуля взяла свой валик с подоконника и скрылась в кладовой.

– Ну как, вашество, исправно выпарил, аль нет? – спросил Семен, готовя шайку для омовения.

– Хорошо, – ответил Борис, с трудом сползая с полка и чувствуя, что начинает терять сознание.

Семен кинулся ему помогать.

Радужные круги поплыли в глазах князя, он шагнул в предбанник, как пробующий ходить младенец и, потеряв силы, опустился на спасительный холодный пол.

– Никак головушка закружилась? – захлопотал вокруг него Семен, приподнимая его, усаживая на скамью и накрывая простыней. – За снегом сбегать, вашество?

– Не надо, – прошептал князь, приходя в себя. В предбаннике было холодно, несмотря на то, что он отапливался общей печью. Три оплывшие свечи в шандале скупо освещали грубые каменные стены, по-турецки обмазанные белой, сильно истрескавшейся глиной. Здесь пахло сухими вениками и нежилым каменным домом.

– Вашество, позвольте снежку принести, – бормотал Семен. – К головушке приложить, чтоб кровь враз отошли.

– Не надо, ступай, – князь потянулся к жбану с квасом и вдруг поморщился от резкой боли в левом боку.

«Рана!» – подумал он и глянул вниз, себе под левую руку. На прилипшей к телу простыне проступило маленькое алое пятно.

– Sacre pot... – пробормотал, морщась, князь.

– Чевоито? – повернулся Семен, уже было шагнувший через порог в адский белый воздух парной.

Борис раскрыл простыню.

Рана, полученная им на дуэли с Несвицким и вот уже месяц как затянувшаяся розовым рубцом, неожиданно напомнила о себе: в рубце появилась тонкая трещина и сочилась сукровицей.

– Царица небесная! – с неподдельным притворным крестьянским испугом, будто это он и только он нанес князю рану, воскликнул Семен.

– Никак на охоте, вашество?

– Нет, брат, это не на охоте, – Борис дотянулся до жбана, зачерпнул ковшом квасу и с удовольствием осушил ковш до дна.

– А как же теперя-то? – тоскливо почесал Семен свой плоский живот. – Нешто за корпией сходить?

Борис смотрел на сочащийся шрам, не думая ни о чем; его телом овладел тот ни с чем не сравнимый, легкий и бессловесный покой, приходящий только после русской бани. Ему было совершенно все равно, кто он, зачем он здесь и что это за рана в боку, – просто хотелось сидеть в прохладном предбаннике, пить квас и до слез в глазах смотреть, смотреть на свою сочащуюся кровь.

Зато Семен всерьез, но ненадолго задумался, шевеля отвислыми губами. И его осенило:

– Вашество! А на рожна корпию? Пуцай Ноздря залижет! Он надысь его сиятельству волдырь так разлизал – и следов не осталось!

Борис с трудом вспомнил, кто такой Ноздря, но не вышел из своего забытья. А вокруг него засуетились люди, заскрипели просевшие двери и мерзлые половицы, завизжал от радости Ноздря, подведенный на заиндевелой цепи, поднесли еще огня, стали осторожно спрашивать о чем-то важном, но князь не отвечал. И лишь когда широкий, влажный и теплый язык Ноздри коснулся его раны и жадно слизал кровь, Борис вздрогнул и пришел в себя.

Ноздря стоял перед ним на коленях и быстро лизал, похрюкивая от удовольствия приплюснутым лиловым носом; глаза его были полуприкрыты, а поросшее клочковатой, серой бородой лицо выражало сосредоточенность и переживание высшей благодати, которая в очередной раз снизошла на него от господ, осветив суровую жизнь давилы божественным светом. Нежный, но сильный язык его словно отрезвил князя, и Борис вспомнил все – и бессмысленно-страшную встречу с Татьяной, и белое, с трясущейся нижней челюстью лицо Несвицкого, и два выстрела в Сеченой роще, и быстрые руки Морозова с холеными женскими ногтями, и свою кровь на желтом кленовом листе.

«Как все быстро разрешилось», – подумал он и положил руку на косматую голову Ноздри.

Молоток из Соня шкаф убери.

Вот и все тексты. Как тебе? По-моему – топ-директ.

Это поинтересней, чем тексты проекта ГС-1. Там, как ты помнишь, было ТРИ реконструкта: Цветаева-1, Маршак-4 и Булгаков-2. Что из этого вышло – знают два пенътань шагуа из МИНОБО, шесть чунъжень из

ГЕНРОСа, двадцать три пиньфади дао бай син в синей униформе и один мошуцзя, шлющий тебе *гнилые* письма.

Теперь ОЧЕНЬ серьезно: я безусловно люблю тебя, как собственную селезенку, но если ты не сбережешь эти каракули, я тебя выверну наизнанку и на каждом твоём внутреннем органе черной японской тушью напишу по-русски его китайское название.

Думай, рипс хушо бадао.

Boris.

P.S. Письмо это понесет тебе последний клон-голубь из бетонной голубятни ефр. Неделина. Новый выводок этих тварей проклюнется только через месяц – инкубатор уже заряжен. Еще через пару месяцев они смогут подняться в наше линиялое небо. У нас будет время НЕ думать друг о друге.

8 апреля.

Привет, милый. Вот и я.

СНОВА!

Ах, как топ-директно начался день!

Встал поздно – 11.40.

Сделал волновую гимнастику, пошел завтракать, там уже все в сборе. Шумный разговор, *деловое* предложение (Карпенкофф, конечно) устроить сразу, здесь и теперь cocktail-party.

Я присоединился без страха и упрека. Пить с утра cocktails иногда необходимо. Не для L-гармонии, конечно, рипс нимада, а ПРОСТО ТАК, Переместились в наш простетский solarium: я, Карпенкофф, полковник, Агвидор, Бочвар, Витте, Андрей Романович и Наталья Бок.

Карпенкофф (о, эта *извилистая* дама) решила убить сразу двух клон-медведей:

1. посадить нас в замерзшую лужу нашей cocktail-невменяемости и воспарить над нами гнилою бабочкой.

2. нажраться как Чжу Ба Цзе и втянуть нас в оргию. Ну-ну, лошадинаяо, давай с тобой тряхнем шейкерами, весело подумал я.

Она первой зашла за стойку, подпрыгнула и села на нее. Оделась госпожа Карпенкофф соответствующе: рискованно узкий комBINезон из живородящего шелка, хрустальные туфли, белое ожерелье из сверхпроводников, левитирующее вокруг ее нестарой шеи.

– Благородные ваны! – обратилась она ко всем. – Есть *чистое* предложение. Мы все, вершители проекта ГС-3, теперь, когда процесс плюс-директно перетек в фазу накопления, имеем полное L-право отдыхать не только *бетонно* , но и *прозрачно* . Я объявляю сегодняшний день ПЕРВЫМ ДНЕМ ПРОЗРАЧНОГО ОТДЫХА. Сейчас каждый из нас приготовит свой cocktail. Для того чтобы? Да! Выпить его со всеми вместе. А затем, рипс лаовой? Получить приз ВЫСШЕЙ ПРОЗРАЧНОСТИ за лучший напиток. Вы спросите – что это за приз? Справедливый вопрос, рипс, Проясню: ВЫСШАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ – исполнение любого желания победителя. Только одного, естественно. Согласны?

Все одобрительно задвигались.

– Тогда начнем, рипс уебох! Господин полковник, вы *трясете* первым.

– Я? – спросил полковник, расстегивая свой не очень чистый ошейник.

– Да, вы. И не спорьте с ех-амазонкой.

– Да нет, я не спорю. Просто я не большой любитель cocktails, ...я пробирую чистые продукты. А из cocktails – только классику... да и то... – он М-убого почесался, – в основном один-единственный mix. Старый как... как... не знаю что.

– Трясите, не теряйте время, – подстегнула его Карпенкофф.

– Давай, Serge, не стесняйся, рипс байчи! – закричал Бочвар, уже успевший спиться и, как мне кажется, *стереться* с полковником. – Мы все хотим выпить!

– Ну, я вас разочарую, – засмеялся полковник и полез за стойку. – Чего ждать от нас, простых защитников нашей многострадальной Родины?

– И чего же? – поинтересовался Агвидор, закуривая. – Водки с русской кровью?

– Если с моей – пожалуйста, – полковник неловко открыл шейкер.

– Бьюсь об заклад – это SHADY LADY, – заметила Бок (невзрачная лао бай син с нерусским носом).

– Я слышал BBC пьет исключительно ROB ROY, – зевнул Романович (V-сбалансированный шагуа).

– Не смущайте меня, господа, – полковник ливанул виски, лимонного сока, добавил gomme сугор, вставил в мультишейкер и из стойки выросли восемь стаканов с желтым содержимым.

– WHISKY SOUR, господа! – засмеялся он. – Вы этого хотели от старогосапога ?

– Мой дедушка любил этот сяоши, – взял первым стакан Агвидор.

– Топ-директ, – пригубила Карпенкофф. – Напиток для одиноких мужчин, пробирующих раз в месяц АЭРОSEX и предпочитающих книги голо-пузырям. Prosit, Herr Witte!

– А тост? – спросил Витте. – Нельзя же пить просто так.

– Правильно! – потянул носом и харкнул на пол Бочвар. – Мы не якуты, чтобы пить молча! Тост, полковник!

– Ну, – усмехнулся, старея, полковник, – давайте вот что. Давайте выпьем за Восточную Сибирь. Здесь еще говорят по-русски. Хотя в Иркутске и даже в Бодайбо уже китайцы. За север Восточной Сибири.

– Я не против, – пробормотал Агвидор. – Хотя не понимаю какое вам дело до Бодайбо. Ну, Бодайбо и Бодайбо. И Бодайбо с ним со всем.

– Мне плевать на ваше непонимание, – выпил полковник. – Мои дети не знают слова собака.

– Собака – не русское слово, – вставил я. Полковник тоскливо покосился на меня.

– Зато дурак – русское, – заметила Карпенкофф, подходя к Агвидору и

беря его в *поле* .

Агвидор тут же зло и сине вывернулся.

– Ну, господин наиглавнейший термодинамик! – засмеялась она, пуская оранжево-желтые радуги – Мы здесь все друзья, не будьте фынцыхуа. Хушо бадао уместно нести на службе. Мы же мягко и прозрачно отдыхаем, *nicht wahr, Witte?*

– Я уже выпил! – засмеялся Витте, показывая пустой стакан. – Не понимаю о чем вы спорите?

– Мы не спорим, – усмехнулся полковник. – Мы просто выпили за русскую Сибирь.

– Окау! – подпрыгнул Бочвар. – Тогда следующий *mix* за мной!

– Я не против, – Карпенкофф выбросила лед из стакана на пол и раздавила хрустальным каблуком.

– Я сделаю такое, что вы все запоете арию горбатой Хэ из оперы «Шелковый путь»!

– Тьфу! – выплюнул лимонную косточку полковник. – Хоть сегодня можно обойтись без китайщины?!

– Молчу, молчу, *Serge!* – загремел льдом Бочвар – Итак! Говорю вслух, чтобы все знали и пробировали до гробового стука: одна унция любой водки, одна унция любой джина, одна унция любого виски, одна унция любого коньяка, одна унция любой текилы, одна унция любой граппы, одна унция любого... да... кальвадоса здесь нет. Ну и ладно. *Please!*

Возникли стаканы с жидкостью цвета вчерашнего чая.

– А лед? – спросила наивная Бок. Ни в коем случае! – подал ей стакан Бочвар. – Лед все унифицирует. Как ваш BIOS-120-K.

– За что? – Карпенкофф поднесла стакан к глазам.

– Подождите! Он не сказал, как это называется! – завопил уже захмелевший Романович.

– Я бы назвал это УДАР ПО ПЕЧЕНИ N1, – предложил Агвидор.

– Господин Бочвар, не нарушайте традиции и нашей L-гармонии, – предупредила Карпенкофф. – Называйте, называйте, называйте.

– Ну... название... – Бочвар почесал надбровия, – Давайте назовем это... ЖИДКИЙ ПАМЯТНИК ПРОЕКТУ ГС-3.

– Вполне лин жэнь мань-ди, – одобрил я.

– А что будет твердым памятником проекту? – осторожно спросила Бок.

– Солдатский кал на белом снегу! – хохотнул Бочвар.

– Твердый памятник ГС-3 – двадцать кило голубого сала, ради которых мы собрались здесь, – с тупой серьезностью проговорил полковник. –

Двадцать кило ждет от нас наша измученная страна.

– Двадцать кило вы никогда не дождетесь, – заметил Агвидор, играя свободной рукой с ворсинками живородящих обоев. – Шестнадцать – в лучшем случае.

– Почему – вы, а не – мы? – тупо спросил его полковник.

– Stop it, рипс пиньфади тудин! – подпрыгнула и коснулась плавающего потолка Карпенкофф. – Если кто еще раз заговорит о проекте – я сделаю ему малый тип-тирип по трэйсу! Мы пьем ЖИДКИЙ ПАМЯТНИК! Кстати, а где музыка?

– Да, да, – вспомнил Витте. – Где музыка?

– Где музыка? – заревел Бочвар.

– Музыка! Музыка! – требовал Романович.

– Я хочу 45-МООТ! 45-МООТ! – прыгала, расплескивая ПАМЯТНИК, Карпенкофф.

– Марта, только не ГЕРО-ТЕХНО! – завизжал Бочвар. – Я тер на это в десятилетнем возрасте!

– Тогда BEATREX! И ничего другого для начала! Сегодня я сосу и направляю, рипс нимада!

– Слово дамы! Бэнхуй! – ввернул полковник. Бочвар сочно плюнул в потолок, и вскоре мы уже терлись спинами, прихлебывая чудовищный ПАМЯТНИК, под «GNOY AND SOPLY». Карпенкофф пробовала подмахивать полем, но у нее получалось не в волне.

Когда через 19 минут это убожество закончилось, Бочвар подтолкнул Витте к стойке:

– Гюнтер, не стройте из себя Гитлера-45! Machen das fertig!

Витте долго и нудно гремел бутылками и предложил нам слоистую мечту русского немца середины века. CHI CHI:

1 vodka

1 blue Curacao

1 березовый сок

2 coconut cream

1 Kahlua

1 ложка овечьих сливок

1 Aventinos (очччччччень темное пиво)

плюс фиолетовый (??) лазер

Мы пили с трудом и молча. Витте радостно подмигивал. Дверь хлопнула и вошел Фань Фэй. Его приветствовали облегченным визгом.

– Так! Все уже пьяные! – с шанхайской прямолинейностью заметил он.

– Фань, ваша очередь! – поцеловала его голое плечо Карпенкофф.

Он понял все сразу и смело взялся за шейкер:

5 томатный сок
3 spiritus vini
2 красные муравьи
1 salty ice
1 стручок красного перца

Это сильно, рипс бэйцаньди. Как и все, чего бы в наше спазматическое время ни касалась рука китайца. Все теперь работает на них, как в XX веке на американцев, в XIX на французов, в XVIII на англичан, в XVII на немцев, в XVI на итальянцев, а XV на русских, в XIV на испанцев и в I (кажется) на евреев. Говорю без тени зависти. Хотя и не без раздражения.

Всем настолько понравилось, что забыли спросить название. Я бы назвал CHINA XXI. Ты не против, сморкач?

– А вот теперь – 45-МООТ! И готовится Борис Глогер! – захрустела красными муравьями Карпенкофф. Как бы не так, фынцыхуа:

– Марта, я трясу только после вас.

Я не раскрашу носорога. А ее выставлю на желание, как дважды два. Мы все уже были немного в *футляре*, оставалось принять еще 2-3 дозы, чтобы съехать в *печь*. Карпенкофф, как опытная апсара, почувствовала во мне конкурента, но давить не стала – рявкнул ее любимый 45-МООТ. Она согнулась и просунула мне руку между своих плотных шелковых ног. Делать нечего, я ответно наклонился, и наши руки встретились прямо под моей простатой. Мы отМООТи́ли с ней три круга.

Чистый Космос, неужели так танцевали наши родители?! На Карпенкофф было страшно смотреть – физиономия ее после третьего круга была похожа на лицо несчастного Толстого-4, только вместо слез во все стороны летели солидные капли пота.

Одна из них попала в глаз(!) Агвидору(!!). Ругаясь, он схватил со стойки пирамиду минеральной и вылил себе налицо.

– Ну, не стоит так откровенно брезговать моими естественными отправлениями! – Карпенкофф отпустила мою руку и, задыхаясь, легла на

пол. – Ой! Я сейчас *приобрету* !

– У вас пот едкий, как моча репликанта, – Агвидор вытер лицо салфеткой. – Ведите себя прилично, рипс нимада.

– Не в бровь, а в глаз, Была такая русская поговорка? – спросил Романович.

– Была и другая, – заметил я. – Чужой пот картины мира не застит.

– Не понимаю, – улыбался Фань Фэй. – Это старрус?

– Правда, а что это значит, Глогер? – спросила Бок.

– Это значит, что следующим трясет Агвидор Харитон. Все зааплодировали. Агвидор угрожающе встал с тумбы:

– Сейчас я вам тряхну. Мало не покажется.

– Только без няо! – предупредила Карпенкофф. – И первым пьете вы!

Агвидор взял в левую руку бутылку дубового аквавита, в правую куб «Кати Бобринской» и подмигнул мне.

Энергия направленного взрыва разнесла полутонную дверь, ворвалась внутрь бункера.

– Круши их, братья! – закричал Иван, выдергивая обрез из-за пояса и первым бросаясь вперед.

Шестеро смельчаков кинулись за ним.

Внутри бункера было дымно, но не темно: взрыв не повредил проводку. Из тамбура вглубь вел коридор. В конце его показалась охрана – трое беложетонников. Сергей, Мустафа и Карпо метнули гранаты.

– Ложись! – скомандовал Иван, и братья кинулись на пол.

Три взрыва слились в один. Осколки впились в бетонные стены, куски тел полетели по коридору

– Вперед! – вскочил Иван. – Не дадим им продыху! Они побежали по коридору. Вглубине бункера раздался сигнал тревоги. Солдаты стали выскакивать в холл из столовой, где только что начался обед. Братья встретили их шквальным огнем из обрезов. Дым от самодельного пороха заволок холл.

Солдаты падали, живые пытались прорваться к оружейной. Но снова полетели три гранаты и через пять минут со взводом беложетонников было покончено. Мустафа и Николай закололи раненых, Иван смахнул со своего обветренного лица каплю чужой крови:

– Ищите!

Семеро двинулись по бункеру, заглядывая в блоки и добивая персонал. Остановились возле водяной двери. Сквозь неподвижный пласт воды светилась желтая надпись SOLARIUM.

– Это что, Иван? – непонимающе спросил Карпо.

– Это... блядские обмороживания, – Иван сунул дуло обреза в дверь, вода послушно расступилась. Он шагнул сквозь воду и оказался в баре. Оглушительно ревела музыка, стены и потолок шевелились, как живые, переливаясь всеми цветами радуги, небольшая группа ярко одетых людей танцевала посередине. Худой человек в красном костюме что-то делал за стойкой бара. Вслед за Иваном вошли Сергей и Коля Маленький.

– О! Рипс, наши храбрые шаоняни с охоты вернулись! – закричал один из танцующих. – Кого убили, рипс пенътанъ?

– Сяочжу! Они убили сяочжу! – завизжала женщина в переливающимся костюме, подпрыгивая и делая сложные движения.

– Присоединяйтесь, сержанты! – закричал человек с полуметаллическим лицом.

Стоящий за стойкой молча смотрел на вошедших. Вдруг он сделал движение рукой и музыка стихла.

– What's the fuck?! Агвидор, я убью вас, рипс! – завизжала женщина, хватая пальцами воздух.

– Агвидор, вы рискуете L-гармонией! – бессильно опустил на пол человек с потным лицом и серебрящимися волосами.

– Кто это? – спросил стоящий за стойкой. Смех и выкрики смолкли, танцевавшие замерли и смотрели на вошедших,

– У, бляди мелкие! – с ненавистью проговорил Иван и выстрелил в человека за стойкой.

Сергей и Коля Маленький открыли огонь. Раздались визг и крики умирающих.

Не всех, не всех! – крикнул Иван, перезаряжая обрез.

Стрельба прекратилась.

Среди убитых и тяжело раненых лежал, обхватив лысую голову руками, худой как палка, человек.

Всех кончить, а этого оставить! – скомандовал Иван и вышел сквозь булькнувшую дверь в коридор.

Вскоре в бункере не осталось ни одного живого, кроме худого человека.

– Как твое имя? – спросил Иван худого.

– Борис Глогер, – ответил худой.

Лицо его было узким, загорелая кожа обтягивала кости черепа. На висках под кожей виднелись металлические пластины сложной формы.

– Где то, ради чего вы здесь? – спросил Иван.

– В инкубаторе.

– Где инкубатор?

– Блок N9.

– Где блок N9?

– Возле аппаратной.

– Где аппаратная, сухая кишка?! – заскрежетал зубами Иван.

– Я покажу... я все покажу вам, – вздрогнул худой, опуская зеленые ресницы.

Они пошли по коридору и остановились возле белой двери с изображением овечьей головы,

– Почему овца? – спросил Иван. – Здесь что, овец растят?

– Это эмблема РОСГЕНИНЖа.

– Открывай!

Худой сунул свой палец в отверстие. Дверь поехала в сторону, в блоке загорелся свет. Худой подошел к инкубатору открыл. В ярко освещенном теплом и тесном пространстве лежали в позе зародышей семь тел,

– Они? – спросил Иван.

– Да. Это все семь объектов.

Иван посмотрел на лежащих. Они были разные по росту и по формам, На шеях у всех торчали желтые полосы с именами. Под кожей у каждого то здесь то там виднелись отложения голубого сала. Сало светилось нежно-голубым, ни на что не похожим светом,

– Федор! – позвал Иван.

Федор подошел, расстегнул тулуп и вытянул из-за пояса холщовый мешок. Иван достал из валенка финку с наборной рукояткой, обтер шарфом и воткнул в спину Достоевского-2.

Помочь, Ваня? – спросил Николай.

Режь у других, – засопел Иван, вырезая из спины кусок голубого сала.

Николай достал свой нож и вонзил его в поясницу Толстого-4. Иван, тем временем, осторожно вынул из спины Достоевского-2 солидный кусок и положил в мешок.

– Чего рты раззявили? – оглянулся он на остальных братьев. – Режьте, режьте!

Николай вырезал, поднес к лицу. Сало осветило его прыщеватое, покрытое шрамами лицо.

– Надо же! – улыбнулся он, обнажая гнилые зубы. Коля Маленький подошел, понюхал:

– Вроде грибами пахнет... Николай тоже понюхал:

– Не. Не грибами. Молоком.

– Молоком? – засмеялся Коля Маленький. – Когда ты его видал?

– Хорош гулять! – Иван сунул в мешок другой кусок. Братья склонились над телами. Некоторое время работали молча.

– Все вроде... – Иван уложил в мешок последний кусок. – Федор, ты понесешь.

Высокий широкоплечий Федор взвалил мешок на спину:

– Не шибко тяжкий.

– Идите вверх, ждите меня, – приказал Иван. Братья вышли.

Иван проводил их взглядом, повернулся к стоящему в углу худому:

– Борис Глогер! Поди сюда!

Худой подошел. Иван вынул из-за пазухи висящий на шее диктофон, нажал клавишу:

- Что такое голубое сало?
- Глогер посмотрел на свои тонкие пальцы:
- Это... вещество LW-типа.
- Говори по-русски. Что за LW-тип?
- Это сверхизолятор.
- Что такое сверхизолятор?
- Вещество, энтропия которого всегда равна нулю. Температура его всегда постоянна и равна температуре тела донора.
- Где оно используется?
- Пока нигде.
- Тогда зачем оно понадобилось?
- Это в плюс-позите трудно обосновать...
- Не тяни муде, у меня мало времени! Говори быстро, по-русски и по делу!
- Ну, рипс,... Чистый Космос... Это вещество было получено случайно при пробной реконструкции скрипторов... то-есть – тех, кто записывал свои фантазии на бумаге.
- Писателей, да?
- Да... их так раньше называли.
- И что?
- И... это вещество... то-есть... рипс... существование сверхизоляторов породило четвертый закон термодинамики.
- И что это за четвертый закон?
- В веществах LW-типа энтропия постоянна и не зависит от изменения температуры окружающей среды. И формула... но... я вообще-то человек далекий от точных наук... так что я не в плюс-директе...
- Кто ты по профессии?
- Биофилолог. Специализация – логостимул.
- А технари где ваши?
- Вы их убили.
- И ты не знаешь, для чего нужно голубое сало?
- Есть проект МИНОБО. Я не знаю подробностей... но, цзюй во каньлай... они делают реактор на Луне, реактор постоянной энергии. Он строится в виде пирамиды... пирамиды из сверхпроводников 5-го поколения и голубого сала... слоями... слоями... и он позволит решить в плюс-директе проблему вечной энергии.
- Реактор? И это все?
- Как – все?
- Ну, это голубое сало используется только в этом реакторе?

– Пока – да.

– А другое применение? Военное, например? Оружие из него нельзя сделать? Бомбы какие-нибудь?

– Я не знаю.. по-моему об этом не было разговоров... оружия из него делать не собирались.

– А яд какой-нибудь? Или орудия уничтожения?

– Нет. Оно не ядовито. Просто у него не совсем обычная атомная структура.

Иван угрюмо почесал седой висок:

– Оно хоть горит?

– Нет, нет. Его можно резать, расчленять на молекулы, но эти молекулы всегда будут выключены из процесса энергообмена.

– На хуй тогда я жизнью рисковал? – спросил Иван, выключая диктофон.

– Я... не понял, – Глогер тронул кончиками пальцев свои большие розовые губы.

– Я тоже ничего не понял! – Иван с горечью вздохнул, вытянул из-за спины обрез, достал патрон, вставил в казенник. – Скажи, скелет, ты послал бы своего брата на смерть ради какого-то малопонятного голубого сала?

Глогер посмотрел на окровавленные тела в инкубаторе:

– Нет.

– Я тоже, – Иван выстрелил Глогеру в лоб. Мозг Глогера брызнул на щит с предупредительной инструкцией. Височная пластина покатила по мягкому полу.

Назад возвращались затемно. Допотопный снегоход, собранный еще в СССР, замаскированный сверху елками, вез семерых на северо-восток. Карпо сидел за рычагами. Мустафа, зажав между колен соленый олений окорок, ловко срезал длинные полосы темного мяса и раздавал сидящим в тесном салоне.

– Вернемся – вызову Ванюту на разговор, – вяло жевал солонину Иван. – Мы что ему – мышцы полевые?

– Может, ты не понял чего? – спросил Николай.

– Я книг прочел больше, чем все вы. Он нас посылал за новым оружием, так?

– Так.

– А это что? – Иван пнул валенком мешок с голубым салом.

– А вдруг это и есть оружие? – спросил Коля Маленький. – Вишь, как светится!

– Это топливо для какого-то реактора на Луне, – угрюмо пробормотал Иван,

– А неблядское оружие? – поковырял в зубах Федор. – Где же оно?

– В пизде, – Иван поднял ворот полушубка, привалился в угол салона и тут же заснул.

– Да, – почесался Сергей. – Надо было блядское оружие брать, коли неблядского нет. Видали их автоматы? Называются «Циклоп».

– Страшно слышать тебя, брат Сергей, – покачал головой Николай. – Ты всерьез испоганиться захотел? В руки блядское взять? Завет нарушить?

– Брат Николай, не хочу я поганиться. Вторую зиму на оленине, да на кедраче доходим. Мы ж сегодня весь НЗ просадили, в бункере в этом. Из чего оленей бить будем, из пальца? Селитру-то раньше мая все одно не наковыряешь. Опять червей есть, как в прошлую весну?

– Не напоминай про червей, брат, – засопел Федор. – Лучше на черемше доходить, чем червяков глотать.

– Аооо! – зевнул Коля Маленький. – Как я живой остался – непонятно. Слава Земле, навели нас вовремя: блядовня жрать села. А то б разнесли они нас из своих циклопов. Приеду – оближу брату Ванюте ноги.

– Это не Ванюта наводил, а брат Алекс.

– Он?

– Он, а кто ж еще сквозь твердое видит?

– Светлая голова, дай Земля ему силы.

– Сколько проехали, Карпо?

– Спи, брат, – пробасил из кабины Карпо. – Назад против ветру валтузим! Вишь, пороша повалила.

– Хорошо – следы заметет...

К горе приехали только на рассвете. Белое северное солнце ненадолго показалось из-за неровного белого горизонта, Освещенная им гора могуче выступала над невысокими сопками. Широкое основание ее поросло кедрачем и лиственницами, круглая вершина сияла девственным снегом-

Когда подъехали к укывищу, уставший, осунувшийся лицом Карпо заглушил мотор:

– Доползли, слава Земле. Подъем! Спящие в салоне братья зашевелились:

– Ой, Мать Сыра Земля, неужли дома?

– Карпо, сердешный, довез как в люльке...

– Ну, братья, а мне опять лето грезилось. Будто все за медвежьей ягодой идем, а брат Марко славицы поет...

– К трапезе опоздали, как пить дать...

Все вылезли из снегохода. Федор захватил мешок с голубым салом, которое на солнце так же светило сквозь холстину, как и в темноте. Этот необычный и неземной свет заставил братьев смолкнуть.

– Да... – высморкался на снег Иван. – А может и не зря мы подставлялись. Чудная вещь. Сгодится ли?

– Не сумлевайся, брат Иван, – поежился Николай. – Еще сам себе спасибо скажешь.

– Хорошо бы! – крикнул Иван и, скрипя снегом, пошел в гору

Братья двинулись за ним. Подъем был долгий. За сутки навалило снега и тропу местами совсем замело. Иван шел, прокладывая дорогу. Когда дошли до ворот заброшенной шахты, он снял ушанку и вытер ею покрасневшее, потное лицо:

– Фупс... отдышитесь.

Вокруг из-под снега торчал ржавый металл – куски оборудования, рельсы, мятые вагонетки. Братья присели кто где и тихо сидели, приходя в себя, Лица их посерьезнели, они не смотрели друг на друга. Невысокое солнце холодно освещало их грубые лица. Сидели долго. Наконец Иван вздохнул и тихо произнес:

– Ну, войдемте, братья.

Все встали и вошли в полусгнившие, распахнутые ворота шахты. Здесь было сумрачно; ржавые, еле различимые рельсы вели в темноту. Братья пошли по ним и шагов через двести оказались возле лифтов, Иван пошарил рукой в темноте, вытащил палку с пропитанной соляжкой тряпкой, клацнул кресалом. Тряпка нехотя загорелась. Иван оттянул раздвижную дверь лифта:

– Брат Федор, ступай первым.

Федор встал на порог кабины, глянул вниз. В лифте не было пола. Вместо него виднелись несколько привязанных к швеллерам канатов. Федор кинул вниз мешок с голубым салом. Мешок быстро упал. Сверху было видно, как он лежит, скупо освещая голубым выработанную широкую штольню.

Федор схватился за канат и съехал вниз. За ним стали спускаться остальные. Иван запер дверь лифта на болт и съехал последним. Все семеро на секунду замерли возле каната, затем сняли шапки, опустились на колени и шесть раз поцеловали твердый пол штольни. Иван взял мешок, забросил на спину и двинулся вперед – к слабо горящим в темноте огонькам.

Штольня была широкой, со следами стальных зубьев на стенах, с

обрывками кабелей и ржавым хламом, валяющимся где попало. Огни приблизились и вскоре осветили конец штольни. Здесь слышались голоса и двигались человеческие фигуры.

– Слава Земле! – окликнули братьев.

– Земле слава! – ответил за всех Иван.

Пришедших молча обступили одетые в лохмотья бородатые люди и так же молча стали по три раза целоваться с каждым.

– Хорошо ли все, брат Иван? – спросил рыжебородый, широкоплечий человек Ивана.

– Слава Земле, брат Марко, все хорошо, – ответил Иван, опуская мешок на земляной пол. – Вот, ради чего животы надрывали.

Все посмотрели на светящийся мешок.

– Не уразумею – что это? – спросил Марко.

– Голубое сало.

– Позволь нам посмотреть, – попросил Марко.

– Не могу, брат Марко.

– Понимаю тебя, брат Иван, – почесал бороду Марко.

– Где брат Ванюта? – спросил Иван.

– В Малой пещере.

– Вы потрапезничали?

– Только что, брат Иван. Вам оставлено.

– Ну и слава Земле.

– Земле слава, – Марко шагнул в сторону, уступая дорогу Ивану

Иван вошел в узкий проход. Пришедшие братья двинулись за ним.

– Я сам снесу, – остановил он их. – Ступайте трапезничать.

Братья нехотя отстали.

Иван не долго шел по темному проходу – справа показалась полоса желтого света. Иван нащупал рукой полуприкрытую дверь, постучал.

– Входи, брат! – раздалось за дверью.

Иван вошел в тесную пещеру. По углам горели несколько фитилей в банках с солярой. Посередине на куче тряпья лежал, закрыв глаза, Ванюта; возле него стояла большая жаровня с углями. Поодаль сидели Митко с Николой и шили оленьи шкуры.

– Здравствуй, брат Ванюта, – проговорил Иван. – Здравствуй, брат Митко, здравствуй, брат Никола.

Митко и Никола поднялись и целованием приветствовали Ивана. Ванюта по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Митко и Никола неотрывно смотрели на светящийся мешок.

Иван присел рядом с Ванютой и трижды поцеловал его грязные щеки.

Ванюта открыл глаза.

– Живой, брат, – сказал он.

– Слава Земле, все живы, – тихо проговорил Иван. Ванюта посмотрел на мешок, улыбнулся:

– Не помог им блядский бог!

– Не помог.

– А нам помогла Мать Сыра Земля?

– Помогла, помогла, брат Ванюта. Помогла блядей сокрушить. Помогла взять то, что надо.

– Говорил ты с блядьми?

– Говорил, брат Ванюта, – Иван снял с шеи диктофон и положил на грудь Ванюте.

– Что ты понял из этого разговора?

– Ничего не понял, брат Ванюта.

– Ну и славно, брат Иван. Ты ступай теперь.

Иван помолчал и произнес:

– Брат Ванюта. Скажи, зачем нам сподобилось это голубое сало?

– Про то, брат Иван, не дано пока ведать ни мне, ни тебе. Потерпи. Откроются тайны великие. Спасибо тебе за все от всего братства. Ступай.

Иван вышел.

Ванюта заглянул в мешок, достал кусок голубого сала, поднес к лицу и долго рассматривал. Митко и Никола, онемев смотрели на сало.

– Слава тебе, Земля Теплая, – Ванюта убрал сало в мешок, встал и скомандовал: – Отворите.

Митко и Никола сдвинули в сторону кучу тряпья. Под ней оказался стальной люк. Они откинули крышку люка.

Из отверстия хлынул поток электрического света. Вниз вела сварная металлическая лестница.

Ванюта взял мешок в левую руку и полез вниз, цепляясь правой за прутья. Люк над ним тут же закрыли.

Внизу было теплее и светлее, чем наверху. Пространство выработанной штольни освещали десятки электрических светильников, каменистый пол был чисто подметен, нигде не было мусора или остатков шахтерского оборудования. Две электрические отопительные системы со слабым гудением подавали в штольню теплый воздух. Из штольни вглубь горы уходили четыре прохода. Они были так же хорошо освещены. В проходах виднелись ответвления. То здесь то там появлялись люди в коричневых балахонах, неспешно следующие по своим делам-

Едва ноги Ванюты коснулись чистого пола, к нему подошли двое в

балахонах с топорами на поясах.

– Слава Земле, – проговорил Ванюта.

– Земле слава, – ответили стражи.

– Я к отцу Зигону, – Ванюта поудобнее перехватил мешок.

Один из стражей слабо и прерывисто свистнул. Из среднего прохода показался человек в балахоне, подошел.

– Проводи его к отцу Зигону, – приказал страж. Человек повернулся и зашагал прочь, Ванюта тронулся следом. Проводник повел его по быстро сужающемуся проходу. Вскоре им пришлось двигаться боком, пробираясь сквозь неровную каменную щель. Наконец щель раздалась, Ванюта и проводник оказались в большой пещере. Из каменистой стены выступала белая дверь с латунной ручкой. В двери виднелась совсем маленькая дверца. Проводник открыл ее, вложил свои узкие губы в проем и тихо произнес:

– Брат Ванюта.

– Очень хорошо, – слабо раздался за дверью спокойный голос. – Впусти.

Дверь отперли изнутри и Ванюта вошел в трехкомнатную квартиру, обставленную простой деревянной мебелью.

Проводник остался за дверью, в прихожей перед Ванютой стоял слуга отца Зигона – Ашот.

– Иди, иди сюда, – раздалось из гостиной. С мешком в руке Ванюта прошел в гостиную – большую, белую, с книжными стеллажами по стенам, с хрустальной люстрой в стиле модерн, с подушками из оленьей кожи вместо стульев. Посередине гостиной на желтом сосновом полу идеальным конусом была насыпана тщательно просеянная земля. Отец Зигон стоял перед землей на коленях, шепча что-то и прикрыв глаза. Ванюта сразу тоже опустился на колени, склонил голову.

– Встань, – приказал отец Зигон, легко вставая. Он был худой, невысокого роста, с умным живым лицом, обрамленным аккуратно подстриженной бородой. Коричневая тройка идеально сидела на нем, высокий воротничок белой рубашки стягивал черный шелковый платок с кристаллом горного хрусталя.

Ванюта не успел подняться с колен, как быстрые руки отца Зигона выхватили у него мешок с голубым салом, и через секунду отец уже вынимал из мешка, рассматривал и клал на пол светящиеся голубые куски.

– Погаси свет, – приказал он слуге.

Гостиная погрузилась в полумрак. Куски сала, появляющиеся из мешка и лежащие на пол один к одному постепенно освещали гостиную.

голубым. Отец Зигон выложил все куски, кинул мешок в сторону и опустился рядом на подушку. Всего кусков оказалось двенадцать. Ванюта стоял, сложив руки на животе. Отец Зигон долго смотрел на голубое сало, затем с тяжелым вздохом опустил лицо в ладони:

- Когда ты последний раз плакал? Ванюта задумался:
- Я... в декабре, отец Зигон.
- А почему ты плакал?
- Мне приснился лес, отец Зигон.
- Лес? И почему же ты плакал?
- Он был очень красивый.
- А смеялся когда ты в последний раз? Сильно смеялся?
- Когда отца Марона хоронили.
- Ну, мы тогда все смеялись. Погребение – веселая вещь. А сам по себе?

– Сам по себе я... не смеялся, отец Зигон. Отец Зигон понимающе кивнул и надолго замолчал, спрятав лицо в ладони. Прошел час с лишним. Ноги стоящего Ванюты затекли и онемели, колени стали подгибаться.

Вдруг отец Зигон поднял свое лицо:

– Подойди.

С трудом переставляя ноги, Ванюта подошел. Отец Зигон схватил его за ноги и рванул на себя. Ванюта рухнул навзничь, гулко ударившись головой о паркет. Отец Зигон встал, зачерпнул горсть земли и с силой бросил Ванюте в глаза. Ванюта со стоном прижал руки к лицу.

– Было два человека, – тихо, но внятно заговорил отец Зигон, убирая руки в карманы и медленно прохаживаясь по гостиной. – Всего два. Один был выше среднего роста. Другой тоже не маленький – каждый раз притолоке кланялся. Первого звали Земеля, второго – Сол. У Земели судьба была тяжелая. Даже – страшная. Родился в обеспеченной интеллигентной семье, окончил среднюю школу, поступил в лесотехнический институт, женился на четвертом курсе. А на пятом – подучил Сола трогать чужие книги. Не читать – а именно трогать. Любой ценой пробраться в чужую квартиру – и трогать, трогать, трогать книги. Сказал, что это помогает при туберкулезе легких. А Сол – человек доверчивый и впечатлительный – поверил. И трогал чужие книги всю свою долгую жизнь – до семидесяти восьми лет. Трогал всегда правой рукой. Поэтому, когда его перед казнью дактилоскопировали, с правой руки отпечатков пальцев снять не удалось – кожа стерлась о книги. А с левой все было в полном порядке. Поэтому именно ее сначала высушили в горячем песке, а потом залили вареным сахаром. Вон она. В книжном шкафу. Между Бабелем и Борхесом. Я же

давал тебе лизать ее, мерзавец. Забыл? Нет, свинья. Такое не забывается...

Он помолчал, словно вслушиваясь в слабые стоны Ванюты, потом кивнул стоящему в дверях Ашоту:

– Убери этого слизняка.

Ашот схватил Ванюту за шиворот и поволок к двери.

– Отец Зигон... Там еще диктофон... – простонал Ванюта, шаря у себя на груди.

Диктофон упал на пол. Ашот выволок Ванюту за дверь квартиры и захлопнул ее. Слышно было, как Ванюту поволокли по каменному полу прохода.

Зигон поднял диктофон, сунул в карман пиджака.

– Отец Зигон, подавать полдник? – спросил вернувшийся Ашот.

– А что сегодня? – рассеянно спросил Зигон.

– Овсяный кисель с постным маслом и клюквенный морс.

– Нет... Потом... – Зигон осмотрелся, ища что-то. – Где чемодан?

– Какой? – осторожно спросил Ашот.

– Тот самый, – Зигон угрюмо посмотрел на Ашота. Ашот вышел и вернулся с небольшим старым чемоданом из свиной кожи. Зигон открыл чемодан, сложил в него голубое сало. В гостиной сразу стало темно. Зигон вышел с чемоданом в руке, прошел в свой кабинет и запер дверь на ключ.

Кабинет был небольшой, но уютный: обитые зеленым сукном стены, мягкая мебель, стол красного дерева. Зигон подошел к столу, вставил ключ в бронзовые часы без стрелок, повернул. Затрещала пружина, послышалось гудение, и стол отъехал в сторону, открывая проход вниз. Зигон шагнул туда и стал спускаться по деревянной винтовой лестнице. Спуск был недолгим – лестница вела в большой полутемный зал с мраморным полом и мраморными стенами. В зале стояли десять мраморных столов, за которыми сидели лысые люди в черных костюмах. На столах горели зеленые лампы. На стене висел подсвеченный зеленым светом герб из горного хрусталя, яшмы и гранита: человек, совокупляющийся с землей.

– А! Господин Зигон! – воскликнул один из сидящих. – Ну, наконец-то! Мы ждем вас с утра! Господа! Сидящие встали и сдержанно склонили лысые головы.

– Как хорошо, что вы пришли! Вы не представляете – как это хорошо! – человек подбежал к Зигону и с силой сжал ему руку – Андреев! Скажите сразу – все нормально, или нет? Только – да, или – нет! Два слова!

– Да, – произнес Зигон.

Андреев в восторге закрыл глаза и потряс маленькой головой:

– Великолепно... Господа! Господа! Все получилось! Поприветствуем

Лысые зааплодировали. Андреев нажал ногой на мраморную педаль, и у фронтальной стены зала, прямо под гербом, из пола выдвинулась мраморная трибуна.

– Мне трудно говорить, господа, – заговорил Зигон. – Трудно как человеку, трудно как члену нашего ордена. В этом чемодане находится то, ради чего мы... мы... нет...

– Heeet! Het! Heeeet! Heet! Heeeeeeeeeet! Het! Het! Heeet! Heeeet!
 Het! Heeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeet! Het! Het! Het! Het! Heeet! Het!
 Heeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeet! Het! Het! Heeet! Heeet!
 Heeet! Heeeeeeeeeeeeeet! Het! Het! Het! Heeet! Het! Heeet! Het! Het!
 Heeeet! Heeeeeeeeeeeeeet! Heeeeeeet! Het! Het! Het! Heeeeeeeet!
 Heeeeeeeeeeeet! Het! Het! Heeeeeeet! Het! Het! Het! Het! Het! Het!
 Heeeeeet! Het! Het! Heeeeeeeet! Heeeet! Het! Het!

Мраморная пуля попала Зигону в рот. Он дернулся и, не закрывая рта, рухнул.

– Садитесь, господа, – опустил пистолет Андреев, и все с облегчением

опустились на мраморные, с подушками зеленого бархата, стулья.

Андреев убрал пистолет в стол, подошел к труп, все еще сжимающему чемодан, вынул из кармана убитого диктофон, взял чемодан и нетвердой походкой заспешил к выходу.

– Арсений, а как же декларация? – спросил один из сидящих.

– Две минуты, господа. И мы продолжим, – проговорил на ходу Андреев, потянул за ручку массивную мраморную дверь и вышел из зала в коридор. Здесь было светло, горели матовые плафоны, на блестящем от лака полу лежала зеленая ковровая дорожка. Андреев пошел по ней, свернул за угол, остановился перед резной дубовой дверью и постучал.

Дверь открыл лысый человек в черном костюме:

– Прошу вас, Арсений. Магистр ждет вас.

Андреев вошел в прихожую кабинета. Секретарь отворил дверь и проводил Андреева в кабинет. За огромным пустым столом сидел магистр – полноватый широкоплечий человек в белом костюме, с гладко выбритыми головой и лицом.

– Ваше Соответствие, – склонил голову Андреев.

– Сколько? – спросил магистр.

– Еще не взвешивали, господин магистр, – поспешно ответил Андреев.

– Есть повод приобщиться к точным наукам, – магистр тяжело приподнялся, тронул инкрустацию на стенной деревянной панели. Панель сдвинулась в сторону, открыв проход.

– Идите за мной, – шагнул в проход магистр.

Андреев двинулся следом.

Проход вел в лабораторию. Семнадцать человек в красных халатах работали над Машиной, не обращая внимания на вошедших. Магистр подошел к эталонным весам, надел резиновые перчатки, снял стеклянный колпак, открыл коробку с набором платиновых гирь.

– Откройте, – скомандовал он Андрееву. Андреев открыл чемодан. Магистр стал вынимать куски голубого сала и аккуратно класть на платиновую чашу весов. Когда все двенадцать кусков оказались сложенными на чаше в форме голубого брикета, магистр выбрал десятикилограммовую платиновую гирю и поставил на вторую чашу. Весы не двигались. Он добавил килограммовую гирю. Чаши ожили и закачались. Магистр взял горсть мелких гирь и ставил их на чашу, пока весы не замерли.

– Одиннадцать тысяч двести пятьдесят восемь платиновых граммов, – подытожил магистр и громко позвал. – Борух!

Один из работников отложил инструменты и подошел к магистру

- Готовь форму, – приказал магистр, Работник отошел.
- Ваше Соответствие, еще диктофон с записью, – Андреев подал магистру диктофон,
- Они по-русски говорят? – спросил магистр.
- Блядь говорит на новорусском. Но все понятно.
- И это важно?
- Очень, ваше Соответствие.

Магистр взял диктофон, посмотрел, подошел к прессу, положил на станину и нажал красную кнопку. Пресс опустился, диктофон затрещал. Когда пресс поднялся, магистр снял со станины расплющенный в пластину диктофон, подошел к измельчителю, бросил в заборник пластину, включил мотор и поставил регулятор измельчения на минимальный размер. Измельчитель заработал с оглушительным шумом, и вскоре под его барабаном на поддоне выросла кучка серебристо-серых опилок.

– Это не пыль, конечно. Но почти, – рассеянно произнес магистр, ища что-то глазами. – Подожди... а где теперь сахарница?

– Возле расточного станка, господин магистр, – ответил один из работников.

Магистр подошел к сахарнице, зачерпнул из заборника горсть сахара, бросил на поддон измельчителя и пальцем перемешал с опилками:

– Обыкновенная ложка найдется в нашей славной лаборатории?

Работник подал стеклянную ложку.

Магистр вытер ее о борт своего белого пиджака и передал Андрееву:

– Ешь.

Андреев зачерпнул с поддона и стал жевать. Появился работник с формой – плоским ящиком из золота. Магистр сложил в ящик куски голубого сала, поставил на подиум сахарницы, дернул рычаг Загудел нагреватель, запахло леденцами, и вязкая струя жженого сахара потекла в ящик.

– Все уверены, что человек – это альфа и омега всего сущего! – засмеялся магистр и покосился на Андреева. Андреев черпал ложкой с поддона, жевал и глотал. Жидкий сахар заполнил ящик. Куски голубого сала светились сквозь желтоватую вязкую субстанцию.

Магистр подождал пока сахар остынет, затем вставил ящик в черный кейс и вышел из основного входа лаборатории. Широкий коридор вел к лифту. Магистр подошел, отпер лифт ключом, вошел, нажал единственную кнопку. Лифт поехал вниз и вскоре остановился. Двери разошлись. Магистр шагнул из лифта в тесное, неправильной формы помещение с грязным кафельным полом, сплошь заставленное стеллажами с

множеством небольших банок. В банках хранилась русская земля. Все банки были с подробными этикетками и располагались по алфавиту. Слои пыли покрывал стеллажи.

Магистр пошел между стеллажами по извилистому проходу, скудно освещенному редкими лампами без плафонов, и после долгого плутания оказался в небольшом закутке. Здесь стояла раскладушка с рванными одеялами и замызганной подушкой, серая тумбочка, электроплитка с темно-зеленым чайником, стол-тумба, покрытый цветастой истертой клеенкой. За столом, на металлическом стуле сидел маленький человек с длинной белой бородой и в очках со сломанной дужкой. Он пил крепко заваренный чай из алюминиевой кружки. На столе в коричневой бумаге лежал кусок вареной колбасы, надкусанный батон белого хлеба и четыре куска сахара-рафинада.

– Здравствуй, Савелий, – проговорил магистр. – Наше вам, – кивнул Савелий, шумно прихлебывая из кружки.

Магистр стоял с кейсом в руке, молча глядя на сидящего.

– Ну что, принес? – спросил Савелий.

– Да.

– Сколько?

– Одиннадцать тысяч двести пятьдесят восемь платиновых грамм.

Савелий усмехнулся:

– Ты б еще миллиграммы подсчитал! Сколько кусков-то?

– Двенадцать.

– Нормально... – Савелий допил чай и стал заворачивать хлеб, колбасу и сахар в бумагу. – А то твои орлы сказали – семь. Семь! Курам на смех...

Он убрал сверток в тумбочку, протер запотевшие очки и посмотрел на магистра:

– Садись, батенька. В ногах правды нет.

Магистр поискал глазами, куда бы сесть. Савелий указал ему на раскладушку. Магистр сел, раскладушка заскрипела под ним. Он положил кейс себе на колени и тяжело вздохнул.

– Что это ты, батенька, сопишь как корова стельная? Стряслось что?

– Да нет, все в порядке.

– Ой-ли? У вас – и все в порядке? У пауков в банке все в порядке быть не должно.

– Савелий, я с тобой посоветоваться хочу. – К вашим услугам.

– Понимаешь... – магистр вздохнул. – Не знаю с чего начать. Клубок какой-то...

– Начни с начала.

– Ты засахаренную руку Сола видел? На восьмом уровне?

– Батенька, я не только видел. Я ее раз двести пятьдесят лизал, когда приемщиком служил. Каждое утро, после общей молитвы. Помолимся Земле Теплой, потом приложимся – и на службу Хорошее время было.

– Понимаешь, со мной последние восемь суток что-то странное происходит. Вот мои руки – смотри, – магистр повернул к себе свои широкие белые ладони с пухлыми пальцами. – И вот каждый раз, когда я смотрю на них, – вот здесь, в запястьях, я вижу детские руки. Но золотые. То есть – в каждом своем запястье я вижу маленькую золотую детскую руку.

– Золотую? – спросил Савелий.

– Это как бы живое золото. Не металл. Они подвижны, как нормальные детские руки, но золотые, с таким красноватым отливом. И эти ручки имеют свой язык. Это не язык глухонемых, построенный на комбинациях пальцев, а язык, основанный на поворотах этих ручек. Они вращаются вокруг своих запястьев – вправо-влево, влево-вправо. Полные обороты, неполные, полуобороты, четвертьобороты – это их язык. Несложный. Я понял его сразу

– Сразу?

– Да-да. Два оборота по часовой – это буква А, два оборота против часовой – Е, полуоборот по часовой – О, против часовой – М, и так далее. Простой, совсем простой язык.

– И что тебе передают эти золотые ручки?

– Разное, разное. Иногда это короткие сообщения, иногда – длинные, очень длинные тексты.

– И какого рода сообщения?

– Ну, например: «Знай о втором прободении Марка». Или: «Половины шаров заставляют попробовать мясную картечь».

– А длинные тексты?

– Вот это самое... необычное. И я не знаю, что это такое.

– Ну, а что это за тексты?

Магистр достал из внутреннего кармана пиджака листки бумаги, развернул:

– Со вчерашнего дня я их стал записывать. Это – самый короткий текст. Послушай...

– Дай я сам прочту, – Савелий забрал у магистра листки, расправил на столе и стал читать.

Заплыв

– Цитата номер двадцать шесть, слушай мою команду! – низкорослый маршал войск речной агитации сипло втянул в себя ночной воздух и прокричал: – Зажечь факела!

Длинная колонна, выстроенная на набережной Города из мускулистых голых людей, качнулась, ожила еле заметным движением: тысяча рук метнулись к тысяче бритых висков, выхватили из-за ушей тысячу спичек и чиркнули ими по тысяче голых бедер.

Крохотные огоньки одновременно подскочили кверху, и через мгновение маршал судорожно сощурил привыкшие к темноте глаза: факелы вспыхнули, языки пламени метнулись к темно-фиолетовому небу

Маршал придиричиво ощупал глазами ряды голых тел и снова открыл рот:

– Не меняя построения, соблюдая дистанцию, в воду вой-ти!

Построенная особым порядком колонна тронулась и, не слышно ступая босыми ногами, стала быстро сползать по гранитным ступеням набережной к черной неподвижной воде Реки. Вода расступилась и впустила в себя весь полк. Солдаты осторожно погружались в студеную сентябрьскую воду, отталкивались от каменистого дна и плыли в том же порядке, держа над бритыми головами ярко горящие факелы. Через минуту колонна выплыла на середину Реки, где быстрое течение подхватило ее и понесло.

Самым тяжелым условием в агитационных заплывах для Ивана был запрет перемены рук.

Плыть в ледяной воде он мог долго, но пять бесконечных часов держать в предельно вытянутой руке шестикилограммовый факел было по-настоящему тяжело. И как он ни готовился к заплыву, какими тренажерами не изнурял свою правую руку, – все равно к рассвету ее сводило мелкой дрожью и не было силы, способной обуздать эту проклятую дрожь. Инъекции, втирания, электромагнитная терапия не помогали.

Тем не менее, Иван считался лучшим пловцом в своем полку и ему вот уже шесть лет доверяли самые ответственные места в цитатах.

И сегодня он плыл запятой – единственной запятой в длинной, первой степени сложности цитате из Книги Равенства: **ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОГО ЦЕЛЕВОГО**

СТРОИТЕЛЬСТВА БОРО ЯВЛЯЛСЯ, ЯВЛЯЕТСЯ И БУДЕТ ЯВЛЯТЬСЯ ВОПРОС СВОЕВРЕМЕННОГО УСИЛЕНИЯ КОНТРАСТА .

Точка в конце цитаты не ставилась, поэтому единственным знаком препинания была запятая, рождаемая пламенем шестикилограммового конусообразного факела Ивана.

Синхронное плавание давалось Ивану легко – он, с детства выросший на море, давно признал в воде вторую стихию, а после четырех лет ВВАП (военно-водно-агитационной подготовки) вообще не представлял свою жизнь без этих долгих, пропахших рекой ночей, без черной, дробящей всполохи пламени, воды, без свинцовой боли, постепенно охватывающей руку с факелом, без предрассветного завтрака в чистой полковой столовой.

Служба, словно Река, быстро и плавно несла Ивана: поначалу его как новичка ставили в середины больших прочных букв Ж, Ш и Щ, потом, убедившись в точности его плавания, стали постепенно смещать к краям. Так после двух лет он уже плавал левой ножкой Д, или вместе с рябым татаринном Эльдаром составлял хвостик у Щ.

Еще через год Ивану поручили плавание в тире и восклицательных знаках, а после нанесения почетной татуировки «пловец-агитатор высшей категории» – доверили запятые.

За семь лет службы Иван имел звание младшего сержанта, медаль «Государственный пловец», множество устных похвал перед строем и почетную грамоту «За образцовую службу при водном транспортировании VI-ой главы книги Аделаиды Свет „Новые люди“ (главу транспортировали в течение четырех месяцев, и каждую ночь Иван плавал запятой).

Он набрал в легкие побольше воздуха и медленно выпустил его в пахнущую илом воду. Факел наклонился, но пальцы привычно выпрямили его, крепче сжав металлический корпус.

Тело уже успело согреться, дрожь оставила подбородок, ноги послушными рывками стригли воду Впереди белели десять бритых голов вертикальной ножки Я, а за ними дрожала, зыбилась огненная масса факелов колонны.

Иван точно знал свое место – шесть метров от левой крайней головы, и плыл со спокойной размеренностью, сдерживая дыхание. Нельзя отклоняться ни влево ни вправо, нельзя торопиться, но и нельзя отставать, иначе запятая приклеится к другому Я.

Факел горел ярко, пламя часто срывалось вбок, тянулось к тяжело шевелящейся воде, плясало над ее поверхностью и снова выравнивалось.

Во время заплывов Иван любил смотреть на звезды. Сейчас они

висели особенно низко, сверкая холодно и колюче.

Он перевернулся на спину, почувствовал, как вода обожгла бритый затылок, и улыбнулся. Звезды неподвижно стояли на месте.

Он знал, что опасно долго смотреть на них – можно не заметить, как сзади наплывет косая ножка Я, а бритые головы с ужасом наткнутся на отставшую запятую. Иван оглянулся. За ним в «косухе» и «полумесяце» плыли его товарищи: Муртазов, Холмогоров, Петров, Доронин, Шейнблат, Попович, Ким, Борисов и Герасименко. Лица их были спокойны и сосредоточенны, Иван понимал, что своей запятой делит это длинное, но очень нужное людям предложение пополам, и что без его факела оно потеряет свой великий смысл, Гордость и ответственность всегда помогали ему бороться с холодом. Сейчас он так же легко победил его, и осенняя вода казалась теплой.

Он снова посмотрел на звезды. Больше всего он любил созвездие, напоминающее ковш, которым полковой повар льет в солдатские миски вкусный суп из турнепса и плюхает наваристую перловую кашу с маргарином. И хотя он с детства знал, что созвездие носит имя Седьмого Пути, а эта колючая звезда на конце – Великого Преобразователя Человеческой Природы Андреаса Капидича, в памяти Ивана оживали не золотыеobelisks Храма Преодоления, не витые рога Капидича, а вместительный, сияющий ковш.

Он перевернулся и поплыл на правом боку. Уже сейчас в правой руке почувствовалась легкая усталость. И немудрено – в жестяной корпус факела залито шесть литров горючей смеси. Далеко не каждый человек способен проплыть пять часов в холодной воде, держа факел над головой. Иван понимал это с самого начала службы в ВВА. За семь лет его правая рука стала почти вдвое толще левой, как и у всех солдат полка. По мере того, как раздувались ее мышцы, наливались связки и лиловела кожа, в Иване росла гордая уверенность в себе и крепло чувство превосходства над гражданскими, у которых нет таких правых рук. С ранней весны и до поздней осени он носил рубашки с короткими рукавами, выставляя напоказ свою мощную руку. Это было очень приятно.

Вскоре монолиты гранитных набережных сузились, над цитатой проплыл Первый Мост и послышался слабый шепот невидимых зрителей. После моста набережные взметнулись вверх и стали постепенно наползать на полосу реки.

Иван сильнее сжал факел и выше поднял его. Он тысячу восемнадцать раз проплывал это место, эту грозную и торжественную горловину, но

каждый раз не мог сдержать восторженной дрожи: за мостом начинался Город, и Река уже становилась Каналом имени Обновленной Плоти, пересекающим Город, Каналом, на набережных которого сегодня, как и тысячи тысяч раз собрались достойнейшие представители Города.

Через час нарастающий шепот усилился и повис над Каналом непрерывным пчелиным гулом. Гранитные набережные сдавили Реку настолько, что, лежа на спине, Иван мог видеть головы смотрящих вниз жителей Города. Здесь, внизу совсем не было ветра, вода лежала черным зеркалом и пламя факелов спокойно разрезало сырой воздух.

Правая рука дала о себе знать: в плече осторожно зашевелилась боль и вялой спиралью потянулась к побелевшим от напряжения пальцам. Постепенно она доберется до них и жестяной корпус покажется им картонным, ледяным, жирным, обжигающим, плюшевым, резиновым, а потом пальцы намертво сожмут пустоту и Иван потеряет свою правую руку до самого конца заплыва. И привычным, до мелочей знакомым окажется этот конец: в тусклом предрассветном воздухе два заспанных инструктора склонятся над Иваном, разжимая его белые, сведенные судорогой пальцы, не желающие расставаться с погасшим факелом, А Иван будет помогать левой рукой...

Он перевернулся и несколько раз выдохнул в воду.

Шум наверху усиливался, кое-где вспыхивала орация и двадцати метровые гранитные берега дробили ее многократным эхом.

«То ли будет, когда начнутся Основные районы!» – восторженно подумал Иван, вспоминая гром нескончаемой орации, заставляющий замирать сердце. Да, рабочие так хлопать не умеют...

Он покосился на руку. Боль уже овладела предплечьем, и остановить ее было невозможно. Правда, оставалось еще последнее средство, иллюзия борьбы, наивный паллиатив, помогающий на мгновение: если резко сжать пальцы и напрячь мышцы всей руки – боль испарится. На секунду

Иван скрипнул зубами и изо всех сил сжал конус факела. Раздался треск, словно раздавили яйцо, и что-то маслянистое потекло по руке.

Иван глянул и помертвел: еле заметная полоска шва разошлась, из корпуса факела текла горячая смесь. Он выхватил левую руку из воды, прижал ладонь к прорехе, факел наклонился и оранжевая вспышка мягко толкнула Ивана в лицо. Он шарахнулся назад, провалился в воду, вынырнул и всплыл в клубящемся огне. От его тела рвались жадные желтые языки, а вокруг расплывалось горящее пятно. Стремительный жар выдавил из Ивана протяжный крик. Он нырнул, вынырнул в середине Я, вспыхнул

снова, закричал и замолотил руками по товарищам и по воде до тех пор, пока заплесневелый гранит не расколол его пылающую голову

Когда, стиснутая двумя крутолобыми Я, запятая ярко вспыхнула, зрители на набережных поняли, что это и есть тот самый Третий Намек, о котором говорил крылатый Горгэз на последнем съезде Обновленных. Мощная овация надолго повисла над Каналом.

Запятая, тем временем, исчезла, всплыла и развалила Я на желтые точки. Разрушив Я, запятая оказалась в верхнем полукруге В и буква податливо расползлась; сзади надвинулось Л, но, зацепившись за запятую, прогнулось и распалось; следующее Я каким-то чудом проплыло сквозь рой огней и благополучно двинулось догонять ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОГО ЦЕЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БОРО ЯВЛЯЛСЯ.

Овация продолжалась, а на черном зеркале реки неспешно разворачивались дальнейшие события этой роковой ночи.

ЕТСЯ, вклинившись в самую гущу огненных точек, стало складываться гармошкой и превратилось в сложную фигуру, напоминающую переплет необычного окна; саморазрушаясь наползло И БУДЕТ ЯВЛЯТЬСЯ, пополнив факельный рой; более осторожный ВОПРОС попытался обогнуть опасную зону, но расплющился о гранитную стену; длинное СВОЕВРЕМЕННОГО оказалось прочнее предыдущих слов и до последнего старалось выжить, извиваясь, словно гусеница в муравейнике; остальные слова конца цитаты погибли одно за другим.

Во время крушения овация гремела, не смолкая. И только когда распалось последнее слово, набережные постепенно смолкли. Толпа ночных зрителей оцепенела и, затаив дыхание, смотрела вниз.

Там шло лихорадочное движение: огни метались, роились, пытались выстроить вторую часть цитаты, но скелетоподобные полосы слов тут же разваливались на желтый бисер.

Когда ОДНИМ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ВОПРОСОВ СОВРЕМЕННОГО ЦЕЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БОРО ЯВЛЯЛСЯ Я благополучно проплыло Второй Мост, разделяющий своим чугунным телом два сословия. Основные массы встретили огненные слова такой громоподобной овацией, что огни факелов затрепетали, грозя потухнуть.

Когда небо на востоке порозовело и перед остатком цитаты распахнулись устья Шлюза, овация смолкла. Люди на набережных опустили на колени. За Шлюзом начиналось Особое Пространство с

бронзовыми берегами, золотыми дворцами и невидимыми храмами. Там было совсем немного зрителей. Всего 513. Но каждый из них стоил миллиардов простых смертных и каждый знал зачем этой ночью был ослаблен шов на факеле рядового Ивана Монахова.

Савелий сложил листки и передал магистру. Магистр посмотрел на них и убрал в карман.

– Знаешь, – Савелий снял очки, подышал на стекла и протер подолом своей длинной грязной толстовки, – у меня в хранилище 12 690 505 образцов русской земли. Плюс-минус два.

– А причем здесь... образцы? – спросил магистр.

– А притом, батенька, – Савелий сурово посмотрел на него. – Ты знаешь, что такое – плюс-минус два?

– Нет.

– Это две банки с землей, которые возникают из ничего. А потом опять исчезают. Две эдаких эфемериды, порожденные общей массой хранящейся здесь земли. А размах нашего хранилища тебе известен. У нас есть земля даже из-под брусчатки Красной площади. Со дна Байкала. С места, где пролилась кровь убиенного царевича Дмитрия.

– Я это все знаю, зачем ты сотрясаешь воздух?! – нервно воскликнул магистр.

– Я затем сотрясаю воздух, батенька, чтобы ты понял метафизику этих двух банок. Я их должен учитывать. Хотя я никогда не держал их в руках. И никто никогда не держал и не знает, что за земля в этих банках. А ты знаешь, ради чего я, мастер-землеед с двадцатилетним стажем, перевелся с шестого этажа в это хранилище? Чтобы когда-нибудь высыпать на свои ладони землю из этих плюс-минус двух банок. Высыпать, съесть и умереть.

– Я понимаю, – нетерпеливо вздохнул магистр. – Но какое это имеет отношение к моей проблеме?

– А какая твоя проблема? – спросил Савелий.

– Я не хочу, не желаю видеть в своих руках чужие руки! – закричал магистр.

– Тогда клади голову на стол! – прикрикнул на него Савелий.

Магистр опустил голову на колени и положил свою массивную голову на край стола. Савелий двинулся вдоль стеллажей, глядя на этикетки, и скрылся за поворотом. Его не было долго. Все это время магистр стоял на коленях, прижавшись щекой к истертой клеенке. В глазах его стояли слезы.

– Ну вот... – появился Савелий с банкой в руке. – То, что надо.

– Какая? – спросил магистр.

– Из деревни Полушкино Костромской области.

– А что там?

– Там жила одна женщина в середине прошлого века. По фамилии Наделина. У нее под избой был погреб. Чистый аккуратный погреб, в котором ничего никогда не стояло– И эта Наделина каждый год рожала по ребенку от разных отцов. И сразу убивала его. Всего Наделина родила двадцать шесть детей. И ни один ни выжил. Зато каждое утро она спускалась в свой погреб и поливала землю своим молоком.

– Ты веришь в эту землю? – спросил магистр.

– Конечно, – Савелий открыл банку, золотой ложечкой зачерпнул земли, плюнул в ложку и образовавшейся кашцей залепил магистру ухо. Магистр повернул голову на другой бок. Савелий залепил ему второе ухо и пошел ставить банку на место.

Магистр встал с колен, стряхнул с пиджака крошки земли, положил кейс на стол.

Вернулся Савелий.

– Когда вынимать? – слишком громко спросил магистр.

– На третьи сутки, – сказал ему Савелий. – Только водой не смывай.

– Что?

– Водой, говорю, не смывай! Пальцами расковыряй! Или лакеев своих попроси! – закричал ему в лицо Савелий

Магистр кивнул и пошел к лифту

Савелий взял кейс, достал из кармана связку ключей, отпер узкую дверь в стене рядом с холодильником, зажег свет. Он стоял в кубическом помещении, заставленном ящиками с пустыми банками. Из стены выступал круглый люк с винтовым замком. Савелий покрутил колесо, отпирая люк, потянул за скобу. Толстая стальная крышка люка плавно отошла в сторону. Савелий убрал очки в карман, прижал кейс к груди и прыгнул в круглую дыру.

Плавный пластиковый желоб понес его вниз, стал извиваться спиралью и вдруг обвалился вертикально: визжа, Савелий врезался в теплую прозрачную воду и долго всплывал, болтая тяжелыми ботинками и пуская пузыри.

– Ах-ты ебанный-смешной! – раздалось рядом с ним. – Все-таки пожаловал!

Савелий открыл глаза и жадно вдохнул теплый, насыщенный тончайшими ароматами воздух купальни. Над ним простиралась розовая полусфера купола, из центра которого он упал. Вокруг плескались искусственные волны. Трое деток подплыли к Савелию – золотобородый

Тит, лысый вислоухий Вил и широколицый волосатый Кир.

Прижимая кейс к груди, Савелий месил воду ногами, с трудом держась наплаву.

– Что, разучился плавать, рукусуй? – захохотал Вил, обнажая золотые, инкрустированные бриллиантами и сапфирами зубы.

– У тебя жопа с собой? – ущипнул Савелия Тит, – Или ты ее тоже в банке держишь?

– А борода-то, борода! – Кир схватил бороду Савелия своей волосатой ручищей. – Когда вшей вычесывал? После Осеннего ебалова, небось? Глотни, глотни водицы, небойсь!

Кир потянул его за бороду вниз, Савелий скрылся под водой.

– Не балуй, детка! – шлепнул его по лбу Вил. – Кто землю хранить будет?

Кир рывком вытащил Савелия из воды, поднял над собой. Савелий закричал, как раненый заяц – тонко и пронзительно.

– Чего спужался, милай! – Кир поднес его к лицу и сочно чмокнул в лоб.

– Хорош, детка, – шлепнул руками по воде Тит. – Пошли глянем, не хуев ли там сушеных пачка.

Он нырнул, подняв двухметровую волну, и вышел из купальни на позолоченные ступени. Кир и Вил последовали за ним, и через мгновение Савелий стоял на ступенях, истекая водой и все так же прижимая к груди кейс.

Вил хлопнул пухлыми руками, появились шесть голых мальчиков с подвитыми напудренными волосами и шелковыми хитонами. Они вмиг накрыли троих деток, подвинули им сложной формы кресла из позолоченного дерева. Детки уселись – Савелий достал из кармана очки, протер, надел.

– И правда, чего у тебя борода такой длинной стала? – спросил Кир, загребая ручищей с серебряного блюда гроздь винограда. – Ты что ее подстригать не собираешься?

– Прид, пред, предо, – волнуясь, ответил Савелий.

– Он родную речь забыл, – откусил половину яблока Тит.

– Наверно, собственных бздехов наглотался! – усмехнулся Вил и детки громко захохотали.

Мальчики поднесли им золотые кубки с нектаром. Детки залпом осушили их и швырнули в купальню. Трое мальчиков кинулись в воду и вынырнули с тяжелыми кубками.

– Эта смена проворней утренней, – Тит сунул в рот горсть фейхоа,

пожевал и шумно выплюнул. – Ну и с чем ты пожаловал, кладовщик хуев?

Савелий открыл кейс, вынул золотой ящик с залитым сахаром голубым салом, протянул деткам.

Кир взял ящик, посмотрел, потрогал:

– Это леденец?

– Прид, пред, предо, – закивал головой Савелий. Кир переглянулся с Видом:

– Думаешь, в леденце они возьмут?

Вил кивнул и почесал грудь. Кир лизнул ящик, передал Титу. Тит лизнул, протянул ящик Вилу. Вил провел по застывшему сахару большим и длинным языком:

– Вполне.

– Убери, как было, – Тит кинул ящик Савелию, который с трудом поймал его и убрал в кейс. – Ну что. детки, до экзамена не успеем?

– Тринадцать минут осталось, – Вил посмотрел на свои рубиновые часы.

– Обсушите его, – приказал Кир мальчикам. Мальчики стали раздевать Савелия. Под мокрыми толстовкой и парусиновыми штанами оказались длинные синие трусы и голубая майка. Мальчики сняли их и накинули на Савелия хитон.

– Покажи-ка нам свое муде, – рыгнул Вил. Савелий приподнял хитон. Детки неодобрительно посмотрели на его небольшие гениталии. Двумя своими огромными пальцами Вил потрогал мошонку Савелия:

– Не густо. Жопу покажи, Савелий повернулся к ним задом.

– А жопа вполне приличная! – воскликнул Тит. Детки молча потрогали ягодицы Савелия.

– Странно, да? – повернулся Кир к Вилу – Он же всю жизнь сидит на стульях. А жопа красивая-

– Это бывает, – серьезно кивнул Вил и щелкнул пальцами мальчикам. – Накормить и отправить наверх.

– А нам – одеваться! Одеваться! – захлопал в ладоши Тит.

Двое мальчиков повели Савелия к выходу, четверо побежали в платаную.

– Ты чемоданчик-то оставь, мудило! – засмеялся Кир. Савелий испуганно поставил кейс на пол и исчез с мальчиками за янтарной дверью.

Из платаной выбежали шесть слуг в обтяжных, переливающихся блестками костюмах. В руках они держали пульверизаторы, а за собой везли небольшие низкие коляски из чистого золота. Вслед за слугами выбежали трое мальчиков и сняли с деток хитоны. Детки приподнялись со

своих замысловатых кресел. Огромные гениталии их вывалились на пол. Вил с трудом дотянулся и взял оставленный Савелием кейс. Слуги проворно подложили под гениталии коляски, детки пошли в платяную, толкая перед собой коляски с покрасневшими и раздувшимися после купания гениталиями. На ходу слуги принялись поливать гениталии деток духами из пульверизаторов.

– Быстро, быстро, быстро! – подгонял слуг Тит. В платяной деток обтерли насухо и облачили в темно-синие фраки с длинными фалдами. На гениталии надели огромные гульфики под цвет фраков. Волосы деток расчесали и напмадили, на лица наложили грим. В руки деткам вложили золотые посохи с набалдашниками в форме головы мамонта. Церемониймейстер распахнул двери, и детки вышли в коридор. Золотые колеса колясок покатались по полированному граниту. Детки вошли на территорию интерната и оказались возле лектория. У дверей стояла стража со стальными, усаженными шипами дубинами. Двери открылись, детки вошли в лекторий. Огромный, построенный по принципу древнегреческого театра зал был почти пуст. На мраморных ступенях сидели двадцать восемь молодых людей в коричневых хитонах – все воспитанники интерната.

Детки прошли на сцену, уселись на три массивных трона и трижды стукнули посохами по мраморному полу.

В шестом ряду встал воспитанник, прошел на сцену и стал, повернувшись к залу. Все воспитанники встали.

– Благословенна Земля наша Сибирская ныне и присно и во веки веков! – громко произнес воспитанник.

Воспитанники коснулись левой рукой лба, груди, гениталий и пола. Детки приложили набалдашники посохов к своим огромным гульфикам.

– Садитесь, братья! – скомандовал Вил. – Тема сегодняшнего экзамена – «Великое Противостояние 7 сентября 2026 года». Кто пожелает начать?

Поднялось несколько рук. Вил указал посохом на одного из воспитанников. Тот встал:

– Брат Сергей Панитков. К 2026 году среди высших иерархов Ордена Российских Землеёбов наметились серьезные и принципиальные разногласия. Как известно, после исторического размежевания на V-ом Соборе и последующего за ним Позорного Разделения, Орден разделился на южных и северных землеёбов. Южные землеёбы обосновались в Поволжье в теплых черноземных степях близ Урюпинска, северные землеёбы расположились в Восточной Сибири в суровой тайге между Подкаменной и Нижней Тунгусками. Южных возглавлял сочник Василь Битко, северных – землеед отец Андрей Утесов. Южных землеёбов к

сентябрю 2026 года было 3 115, северных – 560. Разделение на V-ом Соборе имущества Ордена прошло в пользу южных – они получили почти 70%. Кроме того, три из четырех Главных Святынь Ордена оказались в руках южных. Подлая и двурушническая...

– Каких Святынь? – перебил Тит.

– Земляного Хранилища, Малой Ебальной Ступы и Святых и Сокровенных Мощей Первого Проебателя Земли Русской Петра Авдеева.

– Хорошо. Вещай дальше, – кивнул Тит.

– Подлая и двурушническая политика Василя Битко всегда была направлена на Позорный Раскол и уничтожение северного крыла Ордена. Деградирующий духовно, ослабленный плотскими излишествами, Василь Битко мечтал только об одном – алмазном наконечнике и медвежьей шкуре Великого Магистра. Последним Великим Магистром перед Позорным Разделением был Его Наивысшее Равновесие Митрофан Болотый, убийство которого 20 ноября 2025 года и привело...

– Неверно! – перебил Вил. Воспитанник замялся и продолжил:

– 20 ноября 2025 года произошло убийство Его Наивысшего Равновесия Великого Магистра Ордена Российских Землеёбов Митрофана Болотого.

– Неверно. Подумай, брат Сергей Панитков. Воспитанник задумался, открыл рот:

– 20 ноября 2025 года в местечке Бобровое Воронежской области во время осенней Ебли Земли Русской произошло убийство Его Наивысшего Равновесия...

– Неверно, неверно! – прикрикнул Вил и воспитанник замолчал.

– Кто скажет правильно? – обратился Вил к аудитории.

Поднялось несколько рук. Вил указал посохом на одного из желающих высказаться.

– Брат Анатоль Большаков, – встал молодой, но седой воспитанник, – 20 ноября 2025 года произошло Подлое и Коварное убийство Его Наивысшего Равновесия Великого Магистра Ордена Российских Землеёбов Митрофана Болотого.

– Верно, брат Анатоль Большаков. Садись. Продолжай, брат Сергей Панитков.

Экзаменуемый продолжал:

– Это Подлое и Коварное убийство и привело к Позорному Разделению Великого Братства Российских Землеёбов. Чтобы сокрушить одним ударом северное крыло Ордена, Василь Битко посылает в далекую Сибирь так называемую Гнилую Троицу – трех своих идеологов по

Разделению и сотоварищей по Блудодействию Окаянному: магистра Зубра, детку Кия и брата Афанасия Петровых. Под видом миролюбивых гостей от южных братьев, прибыли они 4-го сентября 2026 года в пещеру северных, привезя с собой «в подарок» Малую Ебальную Ступу, шесть кубометров поволжского чернозема и четыре тонны сушёной свинины. Отец Андрей Утесов встретил их внешне радушно и приветливо, но внутренним видением своим сразу понял истинную цель Гнилой Троицы. «Это три стрелы, напитанные гноем Разделения и посланные в нас Двuruшником Василем, чтобы сокрушить нас как сосуд пустой, – изрек отец Андрей высшим иерархам северных на тайном бдении в ночь с 4-е на 5-е сентября. – Зальем же Сосуд Братства Нашего Свинцом Единства Нашего, дабы сломались вражьи стрелы». Гнилая Троица выступила с предложением собрать Общее Толковище 7 сентября и обсудить на нем Тайное и Явное. Отец Андрей дал согласие. И вот настало утро Великого Противостояния. Как только солнце позолотило макушки вековых кедров, все 560 братьев вместе с Гнилой Троицей покинули пещеру и взошли на Дающий Холм, Благодатную Землю которого братство орошало семенем своим. Здесь же повелела Гнилая троица ссыпать привезенный ими поволжский чернозем. Отец Андрей по ритуалу предоставил гостям первое слово. Гнилая Троица опустилась на колени и заговорила в один голос...

– О чем? – неожиданно указал посохом на белокурого воспитанника детка Кир. Воспитанник встал:

– Брат Матвей Сорочан. Гнилая Троица заговорила поперву о Традиции и Наследии. Ну, и конечно же – об Истоках Российского Землеёбства. Она, это, сделала упор на то, что Первый Проебатель Земли Русской Петр Авдеев ебал Русскую Землю поперву под Черниговым, а уж потом подался на Север – в земли Псковские и Новгородские. И, опять же, о Дневнике его толковала Позорная Блядская Гнилая Троица, о той записи... кажется... 2009 года, июля месяца... да... июля месяца... и в той записи Первый Проебатель Земли Русской написал...

– Что написал? – посох детки Тита остановился на воспитаннике с монголоидным лицом.

– Брат Толпан Мархид! – вскочил воспитанник. – Великий Проебатель Земли Русской в своем Дневнике написал: «Слаще Черниговских черноземов да Полесских глин не ебалось мне ничего и нигде. По шесть разов на дню пускал в них спермии свои со слезами благими и уханьем безутешным, а вставши, целовал места совокупления с сердечным плачем, потому земли те сладки и проебательны до изжоги духовной».

– Что далее последовало на Великом Противостоянии?

– Далее Позорная Гнилая Троица подняла три разных руки своих и указала перстами на привезенную землю поволжскую и рекла: «Вот, братие северяне, земля истинно достойная Великого Наследия, ибо входят в нее хуи российских землеёбов как нож в масло коровье. Тепла, податлива и благодатна Земля Поволжская, всем жаждущим дает, всех страждущих привечает, всех скорбящих утешает. Ждет она вас, заблудших, на севере студеном обретающихся, кореньями да ягодой пропитающихся, о сопки каменистые свои хуи ломающих, ради упрямства своего, Приидите же к нам в пещеры теплые и просторные, в место Посев, что близ Урюпинска, вонзите замозолившие хуи свои в Теплую Землю Единства Нашего, встаньте под начало Сочника и Землелюба Василя Битко, возложите на хуи его алмазный наконечник, на муде его рубиновые сферы, на плечи его шкуру медвежью, и да обнимемся мы все под сенью его жезла Великого Магистра». На что отец Андрей Утесов ответил...

– Что же ответил Гнилой Троице землеед отец Андрей Утесов? – спросил Вил.

Все воспитанники подняли руки. Детки улыбнулись.

– Брат Сергей Панитков! – скомандовал Вил.

– На что отец Андрей Утесов обнажил десятивершковый хуй свой, лег на Дающий Холм и проебал три раза подряд родную сибирскую землю, с криком и уханьем. Затем встал он и рек: «Братие! Только что на глазах ваших три раза испустил я семя свое в Землю Восточной Сибири, в Землю, на теле которой живем мы, спим, дышим, едим, срем и мочимся. Не мягка, не рассыпчата Земля наша – сурова, холодна и камениста она и не каждый хуй в себя впускает. Посему мало нас осталось, а слабохуи сбежали в земли теплые, всем доступные. Земля наша – хоть и камениста, да любовью сильна: чей хуй в себя впустила – тот сыт ее любовью навек, того она никогда не забудет и от себя не отпустит. Так скажу вам: кто хочет – ступай себе в теплые земли, не держу я здесь никого, так как братья мы, а не невольники. Только мне другой земли не надо – здесь ебал, здесь ебу, здесь ебать буду до червя могильного».

– И что потом произошло? – спросил довольный Вил. – Отвечайте хором, братья.

Воспитанники встали и заговорили хором:

– Так была посрамлена Позорная Гнилая Троица, а вместе с ней Дзурушник и Предатель Василь Битко, которого задушили братия землееды 12 октября 2026 года в пещере Сereчь.

– Садитесь все! – скомандовал Вил. Воспитанники сели. Детки посовещались вполголоса, затем Тит объявил:

– Мы довольны. Брату Сергею Паниткову за серьезную ошибку в толковании Священной Истории Землеёбства Российского – погребение на двое суток.

Воспитанники встали и поклонились. Появились трое слуг в серебристых костюмах, с поклоном отстегнули у деток темно-синие гильфики. Детки остались сидеть на тронах, выставив свои гениталии. Воспитанники стали подходить к ним, прикладываться к головкам членов и тихо, с поклонами выходить из зала.

Когда все закончилось и слуги пристегнули гильфики, детки встали и направились в трапезную.

Здесь был уже сервирован стол в форме треугольника, официанты сняли с блюд серебряные полусферы, зазвучала русская народная музыка, заструился аромат полевых цветов. Официанты кинулись подвязывать деткам накрахмаленные салфетки.

– Детки, я не успеваю, – посмотрел на свои рубиновые часы Вил. – Трапезничайте без меня.

– Детка Вил, – опустил на свое место Тит, – доколе нам быть в неведении?

– Детка Тит, я знаю то, что и ты.

– Может и мне пойти с тобой, детка Вил? – спросил Кир, разламывая пополам фаршированного глухаря и передавая половину Титу.

– Детка Кир, есть Ритуал писанный и неписанный, – держа кейс с голубым салом в одной руке, Вил поднял другой серебряный кубок с густым брусничным соком, осушил одним духом и поставил на стол. – Есть компромиссы и компромиссы.

– Но есть также и общая стратегия Ордена, – захрустел глухариними костями Кир.

– Мы и так последнее время только уступаем, – Тит оторвал голову у жареного кабаненка и привычным движением хрястнул ею о край стола, разбивая череп. – Как бы нам не пришлось переложить муде с золотых тележек на деревянные.

– Сибирь не обеднела золотом, детка Тит. Ты доверяешь мне? – Вил посмотрел в желтые глаза Тита.

– Детка Вил, кому мне доверять, если не тебе! – вздохнул Тит и шумно высосал мозг из головы кабаненка.

– А ты, детка Кир? – Вил тронул кончиками пальцев голову жующего Кира.

– Как своей залупе! – прорычал Кир.

– Тогда положитесь на меня, – Вид медленно развернулся, скрипя

колесами, и вышел с кейсом в руке.

В транспортной Вила давно ждали – восемь рабочих стояли возле готовой к спуску Большой корзины.

– Спуск! – скомандовал на ходу Вил. Рабочие подхватили его на руки, внесли в корзину, раздвинули пол и заскрипели барабанами – корзина, покачиваясь на четырех толстых канатах, стала медленно опускаться вниз. Ее спускали долго по темному сырому колодцу; раскачиваясь, Вил смотрел на каменные стены с сочащейся водой и иногда громко плевал на них. Становилось все темнее.

Наконец корзина коснулась дна. Вил с трудом вылез из нее и двинулся наощупь в темноте – туда, где поблескивал огонь. Коляска его подпрыгивала на неровностях каменистого пола, гениталии сотрясались. Света впереди стало больше, он был изумрудного оттенка. Вил дошел до каменной арки и оказался в зале, стены которого источали все тот же сдержанный зеленоватый свет.

– Приветствую тебя, детка! – раздался голос. – Раздевайся и ступай ко мне!

Появились карлики в зеленой одежде. Они раздели Вила, сняли с его руки часы, вынули из-под гениталий коляску и пригласили его сесть на ковер. Держа кейс и с трудом волоча гениталии по полу, Вил дошел до ковра и сел. Карлики быстро поволокли ковер по полу Вил сидел, полусонно глядя на интерьеры проплывающих пространств; все они были выдержаны в зеленых тонах.

Тянущие ковер карлики остановились перед темно-зеленой дверью.

Двое привратников с автоматами растворили дверные створы, Вил приподнялся и, пыхтя, двинулся вперед, толкая коленями собственные гениталии.

Великий магистр сидел на войлочной подстилке на полу маленькой и совершенно пустой комнаты, стены, пол и потолок которой были из яшмы. Великий магистр был чуть больше прислуживающих ему карликов; маленькая лысая голова его утопала в зеленой, грубо сотканной робе с капюшоном; желтоватое лицо с невыразительными мелкими чертами приветливо улыбалось Вилу

Вил тяжело опустился на колени и, изогнувшись над своей складчатой мошонкой, семь раз достал лбом прохладную яшму пола.

– Садись, детка, – тихим голосом проговорил великий магистр.

Вил сел на пол, положил на гениталии кейс.

– Все ли благополучно наверху? – спросил великий магистр.

– Слава Земле, все спокойно, великий отче, – тяжело дыша, ответил

Вил.

– Ты пренебрег трапезой ради визита ко мне.

– Не дарами Земли едиными жив русский землеёб, но любовью к Матери Сырой Земле.

– Это верно, детка. Но, чтобы любить и ебать Матушку Землю Теплую, нужна энергия. Прошу тебя сердцем любящего отца, раздели со мной скромную трапезу.

– С земным удовольствием, великий отче.

Великий магистр пяткой нажал на пол; яшмовая панель с нежным перезвоном колокольчиков опустилась вниз, в стене открылся проем, из которого стали выходить карлики и ставить на пол агатовые чаши с едой и напитками.

– Здоров ли ты, детка? – спросил великий магистр.

– Слава Земле, здоров, великий отче.

– Готов ли ты к Весенней Ебле?

– Готов, великий отче.

– Стоит ли хуило твоё?

– Стоит, великий отче.

– Покажи, детка.

Вил снял с гениталий кейс и положил его на пол, затем приподнялся, обнял обеими руками свой член, поднял его с пола, перевалил на плечо и стал с силой мастурбировать. Мощные мускулистые руки Вила двигали толстую белую кожу члена, она то наползала, то стягивалась с розовой головки, покоящейся на плече детки.

Карлики, между тем, вышли, проем закрылся.

Великий магистр, сцепив маленькие руки замком, смотрел на трудящегося Вила.

На складчатой коже члена обозначились вены, налились, головка покраснела; член стал расти, головка вылезла из кожи и потянулась к потолку Вил мастурбировал изо всех сил. Мошонка, лежащая на полу, собралась и подтянулась к основанию члена; два огромных яйца полиловели, кожа сжалась вокруг них и залоснилась. Багровая головка коснулась потолка.

– Верю, – произнес великий магистр. – Садись, детка. Вил сел, отчего член его качнулся назад и глухо стукнул в дверь. Створы моментально открылись, привратники навели на Вила автоматы.

– Обор, – тихо скомандовал великий магистр, и дверь закрыли.

Он зачерпнул из чаши горсть белых, похожих на рис муравьиных яиц и протянул Виду. Вил выглянул из-за члена и поспешно протянул ладони.

Великий магистр насыпал в них яиц:

– Расскажи мне, что принес.

Держа на ладонях муравьиные яйца и выглядывая из-за венозной плоти члена, детка заговорил:

– Великий отче, я принес тебе вещество, полученное блядьми в тайном месте. Блядское государство уже дважды пыталось получить это вещество, но попытки провалились. Третья попытка удалась блядям. Это вещество устроено по-другому, чем все сущее на Земле. Оно не может ни нагреваться, ни охлаждаться и всегда такое же теплое, как наша кровь. Его можно резать – оно разрежется, можно рвать – оно разорвется. Но если его вложить в раскаленную печь оно не сгорит и не нагреется, если опустить в ледяную майну – не охладится. Оно вечно. И всегда будет таким же теплым, как кровь людей. Его можно раздробить и развеять по ветру, но частицы его все равно будут в мире, и даже если мир наш замерзнет ледяной глыбой или превратится в пылающее солнце – голубое сало навсегда останется в нем.

Великий магистр задумчиво жевал муравьиные яйца. Член Вила стал постепенно опадать.

– Как блядям удалось получить это вещество?

– Случайно, великий отче. Они делали блядские опыты с восстановлением и выращиванием людей по памяти их костей. Там были люди разных профессий. Но только люди, которые когда-то записывали на бумаге свои фантазии оказались способны произвести голубое сало.

Магистр взял из чаши кусочек торфа, поджаренного в кедровом масле, положил в рот.

Вил, пользуясь паузой, потянулся ртом к своим ладоням с муравьиными яйцами, но уменьшающийся член его стал падать с плеча, он подхватил его обеими руками, муравьиные яйца посыпались на пол.

– Ради Матери Земли, прости меня, великий отче, – пробормотал Вил, опуская член на прохладный пол.

– Покажи мне голубое сало, – сказал великий магистр. Вил открыл кейс.

– Да. Такого света нет в природе, – произнес после долгой паузы великий магистр. – Закрой.

Вил закрыл.

– Ты слышал о воронке времени? – спросил великий магистр.

– Как всякий посвященный, великий отче.

– Знаешь, сколько раз мы ей пользовались?

– Нет, великий отче.

– И не надо тебе знать. Готов ли ты пройти сквозь время для Высших Целей?

– Готов, великий отче.

– Ты пойдешь в середину прошлого века, отдашь голубое сало и вернешься назад, принесешь нашим братьям то, чего они алчут уже сорок два года.

Магистр нажал пяткой на одну из неразличимых панелей пола. Панель опустилась. В комнате оживила невидимая звуковая система.

– Слушай внимательно, – сказал великий магистр. – Это поможет тебе.

Раздались позывные радио; вслед за ними послышалась мелодичная симфоническая музыка и женский голос вкрадчиво произнес:

– Писатели у микрофона.

Симфоническая музыка зазвучала громче, потом стихла, уступая мужскому голосу:

– Здравствуйте, дорогие товарищи! Сегодня у нас в гостях лауреат Сталинской премии, московский писатель Николай Буряк. Только что в издательстве «Гослитиздат» вышла его новая книга рассказов «Паводок». В нее вошли рассказы, написанные Николаем Буряком за последние три года во время многочисленных поездок писателя по стране Советов и по зарубежным странам и континентам. Широко известный прозаик, печатное слово которого так любимо нашим народом, объездил Дальний Восток и Прибалтику, Среднюю Азию и Цейлон, был в Нью-Йорке и Берлине, на мысе Доброй Надежды и на острове Комодо, встречался с рыбаками Камчатки и полярниками Севера, южно-африканскими миллиардерами и бесстрашными офицерами «Люфтваффе». Сейчас вы услышите рассказ из новой книги Николая Буряка «Паводок». Читает автор.

Спокойный, слегка хрипловатый мужской голос стал читать:

Синяя Таблетка

Когда в час сгущения зимних сумерек я чувствую нарастание беспричинной злобы и покалывание в кончиках пальцев, когда жена фальшивым голосом сообщает мне, что она снова должна ехать в Ленинград на консультацию к профессору Лебедеву «по женским делам», когда секретарь Союза писателей приглашает меня к себе на дачу в Переделкино и, прохаживаясь между тоскливо скрипящих сосен, предлагает взяться за самую важную и нужную тему, которая «к сожалению, еще неглубоко вспахана нашей отечественной прозой», когда в школьных брюках сына я нахожу рванный презерватив, когда в ресторане ЦДЛ не оказывается маслин и куриных котлет де-воляй, когда ломаются сразу обе мои пишущие машинки, когда прижатая мною к стене домработница бормочет, что «сегодня неудобный день», когда ночью ко мне вваливается пьяный и плачущий брат по перу, чтобы сначала сообщить «об окончательном разрыве с Соней», а под утро, что «он закрыл тему любовного треугольника», когда, наконец, мне фатально не хватает витамина В-12, я понимаю, что готов открыть мою железную коробку из-под зубного порошка «Свежесть».

Обычно, я открываю ее поздним вечером, заперевшись на ключ в своем кабинете.

Эта коробка полна разноцветных таблеток: желтых и розовых, синих и зеленых, красных и оранжевых. Надо просто выбрать одну из них.

Я поднимаю голову вверх и, глядя на портрет Тургенева, наощупь вынимаю одну из таблеток. Это синяя таблетка. Еще ни разу я не пробовал ее.

Я ложусь на кожаный диван, накрываюсь пледом и кладу таблетку под язык. Нижнюю челюсть сразу сводит и во рту появляется металлическомятный привкус Я глубоко вдыхаю. За ушами мягко давит, руки мои стремительно тяжелеют, в основании затылка раздается приятный сочный треск и я теряю свое старое тело.

Зима. Вечер. Москва. Заднее сиденье машины. Треугольное окно с изморозью на стекле.

Крупными хлопьями падает снег— Черное такси с белыми шашечками, в котором я еду, подруливает к Большому театру Я расплачиваюсь с невзрачным шофером и выхожу, хлопнув дверцей.

На мне легкий водолазный костюм ультрамаринового цвета. Маска сдвинута на голову. Под свинцовыми подошвами хрустит свежавыпавший снег.

Главный театр страны ярко освещен. Вокруг – народ в водолазных костюмах всевозможных форм и расцветок. Я поднимаюсь по ступеням, встаю слева между второй и третьей колоннами, смотрю на водонепроницаемые часы. 19.22. Маши нет. Вокруг снуют поскрипывающие люди: костюмы рифленые, в обтяжку, с напуском, «под кожу», «под рыбью чешую»; свинцовые туфли на шпильке, на платформе, «лодочкой», «козликом», «утиной ножкой», «корабликом», «ракушкой», «фламенко».

– Лишнего не предвидется? – спрашивает обвешанный хрусталем толстяк.

Я отрицательно качаю головой. На глаза мои ложатся белые резиновые ладони. Я накрываю их своими:

– Маша!

– Стоять! Не двигаться! – смеется она.

Я целую ее в уголок серебристо-розовых губ.

– Долго ждешь?

– Очень.

– Бедный! Замерз? Жаль, что не до смерти! На ней прелестный белый обтяжной костюм, белые свинцовые сапожки «казачок», белая маска в форме грызущихся пираний сдвинута наверх.

– Ты страшно красива, – признаюсь я.

– Нравлюсь?

– Не то слово.

– Тогда пошли! – блестит она черными как смоль глазами и тянет меня за руку

Мы входим в вестибюль, я предъявляю билетерше две оловянные пластины, она прокусывает их щипцами. Мы направляемся в гардероб за аппаратами жидкого воздуха. Там столпотворение.

– Сюда! – тянет меня Маша, и мы влезает без очереди. Маша – замечательная девушка. Но я еще не спал с ней. Мы получаем два аппарата, пристегиваем за спины и двигаемся к шлюзам.

– Ты не звонил мне на службу сегодня? – спрашивает

Маша.

– Нет. Я звоню тебе только домой, как условились.

– Представляешь, кто-то дважды звонил. Мягкий мужской голос, как мне доложили. А наша секретарша, эта кобыла, каждый раз отвечала, что...

смотри, смотри: Марецкая!

Мы смотрим на даму в боа поверх серебристого костюма

– Боже мой, как она постарела! – Маша прижимает резиновую ладонь к губам и поворачивается ко мне. – Неужели мы тоже состаримся?

– Никогда! – заверяю ее я, и мы входим в шлюз.

Он похож на огромный лифт. Стальная дверь задвигается за нами. В шлюзе стоят человек пятьдесят. Мы опускаем маски, закрываем рты мундштуками, включаем подачу воздуха. Загорается надпись: **ВНИМАНИЕ! ЗАПОЛНЕНИЕ ШЛЮЗА!**

Снизу бурно поступает мутная жидкость комнатной температуры. Маша делает мне знак рукой в сторону мужчины в костюме саламандры. Под причудливой маской я различаю черты неповторимого Филиппова. Шлюз заполняется до потолка, открывается дверь с другой стороны. И сразу – толчок встречной водяной массы, перепад давления, пузыри нашего воздуха.

Мы покидаем шлюз и оказываемся в зале, пронизанном светом сотен прожекторов.

Зал Большого театра представляет собой главный отстойник московской канализации. Люди, поверхностно знакомые с фекальной культурой, полагают, что содержимое канализации – густая непроглядная масса экскрементов. Это совсем не так. Экскременты составляют лишь 20%. Остальное – жидкость. Она, хоть и мутная, но при сильном освещении вполне позволяет обозревать весь зал, от устланного коврами пола до потолка со знаменитой люстрой.

Пространство зала отливает синевой и пронизано мириадами поднимающихся пузырей. Наверху турбулентные потоки разгоняют скапливающиеся экскременты, чтобы те равномерно распределялись в пространстве зала, позволяя видеть галерке

Я смотрю на тяжелые билеты: ряд 7, места 15, 16. Идеально.

Усаживаемся, подключаем воздухоотводы: во время представления пузыри не должны мешать. Звучит третий звонок. Публика постепенно успокаивается. Над нами – экскременты и редкие пузыри опаздывающих. Гаснет люстра. В оркестровой яме появляется дирижер, взмахивает стальной палочкой.

Звучит увертюра к опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин», Наши чувствительные мембраны улавливают звуки скрипок, виолончелей, валторн и гобоев. Духовые под водой звучат более экстравагантно, чем струнные. Оркестр играет с настроением, он прекрасно сыгран. «Свободное дыхание», – как говорил Стоковский.

Раздвигается освинцованный занавес, и начинается опера.

Пение в подобных условиях – удел подлинных виртуозов, истинных фанатиков оперного искусства. По сложности оно превосходит горловое трехтоновое камлание бурятов, по степени риска – прыжки с трамплина. Пропеть под двадцати метровой водяной толщей, не фальшивя и не захлебнувшись, «Я люблю вас, Ольга!», пользуясь поступающим в нос сжатым воздухом, способны, по словам Марии Каллас, «люди со стальными легкими, русской душой и советским сердцем».

Поют прекрасно. Наконец-то в Большом зазвучали свежие голоса, и нам не приходится краснеть перед иностранцами за главный театр страны. Слава Богу, что поют молодые...

Не так давно отгремел показательный процесс над бывшим руководством Большого, этими отвратительными упырями от Мельпомены, погрязшими в разврате, антисоветчине и коррупции, загубившими не один молодой талант. Семь негодяев и две мерзавки недолго дергались в намыленных петлях на Красной площади под бурные аплодисменты зрителей; их предсмертное пердение прозвучало похоронным маршем бездарности и трубным гласом смены вех: плеяда молодых талантов вошла над квадригою Главного театра.

Прелестная Татьяна, словно сошедшая с бессмертных пушкинских страниц, в пеньюаре поверх водолазного костюма сидит за столом с гусиным пером в руке. «Я к Вам пишу – чего же боле? Что я могу еще сказать?» – доносится сквозь мутноватую многотонную толщу и зал взрывается резиновыми аплодисментами.

Маша показывает мне большой палец. Здорово!

В антракте мы направляемся в буфет. Здесь разгоняющих струй нет и экскременты коричневато-серой массой колышутся под потолком. Когда подходит очередь, показываю продавщице на пальцах 3 и 2: «Шампанское, два раза». Мы получаем по двухсотграммовой бутылочке, приставляем сложные пробки к нашим мундштукам, и превосходное «Romany» струится по нашим пищеводам.

Обнявшись, мы прогуливаемся в холле. Под масками – возбужденные, радостные лица известных и неизвестных людей: дамы в мехах, джентльмены в смокингах, благообразные старики-театралы, пестрая молодежь. Меня узнают, раскланиваются. Маше приятно это: она игриво толкает меня в ультрамариновый бок.

Я покупаю программку Оказывается, сбор от сегодняшней премьеры идет на реставрацию Сухаревской башни.

Ко второму действию прибывает Сталин. Мы долго приветствуем

вождя. Он укоряюще улыбается, жестом руки заставляет всех сесть.

Опера летит дальше, летит на одном дыхании, – исполнители, оркестр, декорации, свет – всё сопряжено в единой гармонии, пьянит и чарует необычайно. Мы хлопаем самозабвенно, как школьники, и тяжелое немецкое слово гезамткунстверк оживает в моей памяти.

Два действия проносятся под непрерывные овации, и вот уже ария Гремينا. Гордость России, наш славный бас, кованым гвоздем прошедший сквозь многослойную кулебяку революционного, предвоенного, военного, послевоенного лихолетья и сверкающим острием вонзившийся в наши сдобные пятидесятые.

Любви все возрасты покорны,
Её порывы благотворны...

Он поет, как ваяет. Я чувствую мощные вибрации водяной толщи. Громадные пузыри воздуха, исходящие из его чувственного рта, сверкая и расширяясь, устремляются вверх, разгоняя пугливо мечущиеся стаи экскрементов. Это поет стихия. «И дышат почва и судьба».

И юноше в расцвете лет,
Едва увидевшему свет,
И закаленному судьбой
Бойцу с седой головой...

Зал снова не выдерживает. Овация. Да такая, что муть от измельченных, расплюснутых ладонями экскрементов заволакивает все. Сталин встает. И мы все встаем. Слезы наворачиваются на глаза. Все-таки Россия выстояла в беспощадном XX веке. Не погиб наш народ, не погибло наше искусство.

Маша подпрыгивает и, зависая во взбаламученном пространстве, показывает два больших пальца. Она прелестна.

Финал, несмотря на дополнительное освещение, различается с трудом. Овации не смолкают. Сцену заваливают освинцованными цветами. Воздухоотводы отсоединены; зал вскипает пузырями. Артисты аплодируют Сталину, он аплодирует им. Маша сжимает мое запястье. Я обнимаю ее, чувствуя сквозь резину упругую грудь нерожавшей женщины.

Толпа выносит нас из зала: шлюз, душ, санобработка, гардероб, и

вот, – сбросив маски, мы целуемся, прислонившись к колонне Большого. Маша тянется ко мне, оступается. Свежий снег хрустит под ее сапожком.

– Спасибо тебе! – шепчет она. Губы ее всегда пахнут яблоками. Взявшись за руки, мы идем к метро. Маша вспрыгивает мне на спину:

– Давай еще выпьем шампанского! В ларьке я покупаю бутылку «Абрау-Дюрсо». Мы пьем, присев на спинку заснеженной скамейки.

– Жутко хочу на «Лебединое», – говорит Маша, закуривая. – Знаешь, это так... замечательно. Это сильнее кокаина. Хочу каждую неделю.

– Здэлаэм! – говорю я с акцентом вождя. Маша отпивает из бутылки и с полным ртом тянется ко мне. Я подставляю немолодые губы и через секунду «Абрау-Дюрсо» шипит у меня в горле. Я глотаю ...и не могу проглотить. В горле клокочет и окукливается что-то, твердеет, волосеет, леденеет, разрывая мою шею, Маша изгибается, прелестные ноги ее скручиваются спиралью, входят в асфальт. Большой театр раскрывается толстой книгой, буквы бегут и прыгают, я глотаю собственную голову и просыпаюсь.

Ночь.

Надо пойти помочиться кровью. Потом сделать себе кофе. И брезгливо вспоминать свою обычную жизнь.

Голос смолк. В комнате наступила тишина.

– Ты все понял, детка? – спросил великий магистр.

– Не все, великий отче.

– Это хорошо. Это очень поможет тебе. Знание частей в твоей миссии важнее знания целого. Ты понял в какой год и куда мы посылаем тебя?

– Москва, Большой театр, 1954.

– Хорошо, детка. Возьми, что принес, и иди за мной. Великий магистр встал, приблизился к двери. Ее тут же открыли, Великий магистр двинулся по коридору. Вил заковылял следом, толкая босыми ногами свои гениталии. Путь был недолгим – перед огромными архаическими железными воротами великий магистр остановился. У ворот стояли двое стражников с автоматами, не обратившие на подошедших ни малейшего внимания. Великий магистр вложил свои губы в большую замочную скважину ворот и внятно произнес:

Йи-ма-хе хшат-ре аур-ва-хе

Ноид ао-тем аон-ха ноид гаре-мем

Ноид заурва-тем аон-ха ноид мерет-йуш

Ноид а-рас-ко дае-во да-то

Прошло несколько минут. В воротах ожили древние запоры, заскрипел ржавый металл и створы стали медленно расходиться.

Великий магистр и Вил прошли в проем и оказались в полной темноте. Ворота за ними так же медленно закрылись. Великий магистр нащупал в темноте лежащий на каменном полу факел, зажег его. Пламя осветило громадную пещеру. Посередине возвышалась необычная конструкция, собранная из камней и деревянных подпорок. Рядом с ней грудились две кучи из почерневших камней и обугленных головешек. Конструкция подпирала массивный конус вытесанный из гранита и перевернутый вершиной вниз. Послышался шорох. Вил пригляделся и в стенах возле ворот увидел небольшие окошки. В них виднелись лохматые человеческие лица, пугливо шарахающиеся от огня.

– Атрекс! – зарычал Вил.

– Не бойся, детка. Это хранители запоров, – пояснил великий магистр. – Они живут в камне и ждут, когда отпереть. Последний раз это было шестнадцать лет назад, Ступай за мной.

Они приблизились к конструкции.

– Полежай наверх в воронку. Когда залезешь – сядь и крикни, – скомандовал великий магистр.

Вил взял ручку кейса в зубы и стал карабкаться наверх по переплетениям деревянных подпорок. Гениталии его отвисли и тяжело раскачивались, задевая подпорки. Наконец он достиг верха, забрался в полый конус, сел, прижав к груди кейс, и громко крикнул.

Великий магистр поднес факел к толстому просмоленному жгуту в основании конструкции. Жгут вспыхнул и затрещал.

Великий магистр бросил факел на землю и побежал к воротам. Приблизившись к ним, он положил на их шершавую поверхность обе ладони и громко произнес:

– Авеста!

В стенах зашевелились хранители запоров, ворота приотворились. Великий магистр быстро вышел из пещеры, Ворота закрылись. Пламя быстро перемещалось по жгуту, разбрасывая зеленые искры. Когда оно исчезло в сердцевине конструкции, раздался сильный, но как бы замедленный взрыв, плавно перетекший в ослепительно-белую вспышку. Когда все кончилось, на полу пещеры дымилась третья куча из раздробленных камней и догорающих деревяшек. Прямо над ней на потолке проступало круглое темное пятно. Рядом с ним, над двумя старыми

кучами виднелись такие же пятна.

Праздничный концерт, посвященный открытию Всероссийского Дома Свободной Любви, проходящий 1 марта 1954 года в Москве, в Большом театре СССР, был в полном разгаре.

Недавно отреставрированный, еще слегка пахнувший лаком, белилами и деревом, театр оказался не в состоянии вместить всех желающих: большая толпа стояла вокруг и, осторожно шевелясь, похрустывая тонким мартовским ледком, прислушивалась к черным раструбам репродукторов, нарушающих недолговечную тишину московской ночи громкими, рассыпчато-переливистыми звуками концерта.

Внутри было жарко, даже душно, от новых батарей парового отопления, выкрашенных рубиновым, под цвет стен, цветом и от шести тысяч человеческих тел, разгоряченных праздником и замороженных происходящим на сцене. Только что завершилась, под взрывы аплодисментов и одобрительные возгласы, долгая, но лихая пляска уральских казаков; багрового бархата занавес опустился и на просцениуме показался Александр Первач – неизменный ведущий всех праздничных концертов, розовощекий и быстроглазый балагур, любимец публики, сумевший шестнадцать лет пробалансировать на коварной проволоке своей профессии и не сорваться, подобно многим конферансье, в болото пошлости и рутины. Дав угаснуть аплодисментам, он быстро шагнул вперед и, изогнувшись своим полным, но очень подвижным телом, заговорил громко, раскатисто и игриво, с непостижимой быстротой и подлинной виртуозностью:

– Итак, дорогие товарищи, дамы, господа, друзья, приятели, добрые и не очень добрые знакомые, коммунисты и беспартийные, миллионеры и совслужащие, военные и гражданские, семейные и холостые, верующие и атеисты, гетеро– и гомосексуалы, поклонники свободной любви и приверженцы старых добрых традиций, москвичи и гости столицы, я спрашиваю вас: что может объединить нас всех в этом прекрасном зале, нас – таких разных и неповторимых, таких радостных и полнокровных?

– Свободная любовь! Партия! Дружба! Праздник! – слышались голоса.

– Праздник! – дернул овальной, густо набриолиненной головой Первач. – Великолепно! Конечно же праздник! А что делаем мы, советские люди, на празднике?

– Выпиваем! – выкрикнул кто-то, и зал грохнул смехом.

– А еще что? – подмигнул Первач, сцепив маленькие холеные руки и

прижав их к груди.

– Поем! Поем песни! –. раздались голоса.

– Поем песни! – воскликнул Первач. – Мы поем пес ни, друзья мои, потому что только песня способна по-настоящему объединить нас всех!

Он выдержал паузу, вытянул руки вдоль тела и слегка подался грудью вперед:

– Выступает народный артист СССР, лауреат Сталинской премии, герой Социалистического Труда Александр Зал замер.

– Пятой!!!

Зал взорвался овацией, зрители встали со своих мест. Занавес взмыл, и со сцены на зрителей хлынул поток нежно-розового, золотисто-медового света. Всё сразу смолкло публика села, и через полминуты абсолютная тишина наполнила театр.

На убранной живыми цветами сцене стояла ванна, вы точенная уральскими камнерезами из цельной глыбы розового гранита. В этой массивной, наполненной полупрозрачной желеобразной субстанцией ванне лежал великий баян России – Александр Пантелеймонович Пятой – живая легенда, певец-самородок, поколебавший славу великого Шаляпина. Родившийся в глухой беломорской деревушке, с детства пораженный редчайшим недугом – размягчением костной ткани, Пятой получил от сурового северного края бесценный дар Баяна, уже четверть века приводящий в трепет россиян.

Он лежал в ванне на спине, прикрыв глаза и размеренно дыша невероятно худой, но широкой грудью.

Прошли несколько долгих минут. Слышно было как слабо потрескивают новые кресла под телами замерших людей.

Медленно приподнимая голову и плечи, Пятой сел в ванне. Большое широкое лицо его, цвета запеченной в углях картошки, было покрыто глубочайшими морщинами, словно прорезанными узким и острым ножом; бледная, истонченная кожа беспощадно обтягивала широкие плечи потомственного помора; большие серо-голубые глаза спокойно смотрели в зал. Он слегка приоткрыл сухой тонкогубый рот и запел. Сильный, мягкий и проникновенный голос потек как бы ниоткуда, как свет. Но не успел Пятой пропеть первую фразу, как в зале раздался странный звук, словно оборвалась киноплёнка на кадре, запечатлевшем взрыв тяжелой бомбы. Что-то быстро мелькнуло в проходе между сценой и партером, треснул паркет, хрустнули обтянутые бархатом доски сцены и облако каменной пыли осело на первых рядах.

Зал недоумевающе ахнул. Люди встали со своих мест.

Между сценой и первыми рядами партера, раздвинув паркет и задев край сцены, торчала полупрозрачная воронка, ростом с человека. В воронке виднелось что-то розоватое.

Пятой прекратил петь.

В зале вспыхнул свет. Вокруг странной воронки стал собираться народ. Шум усиливался.

– Товарищи! Прошу не поддаваться панике! – раздался зычный голос из правительственной ложи.

Шум стал стихать, все повернулись к ложе. В ней, опершись на бархатное перило парапета, стоял Вячеслав Молотов – высокий, широкоплечий, с густой, черной как смоль бородой, большим умным лбом и красивым решительным лицом. Рядом с ним сидела его жена – княгиня Воронцова, хрупкая женщина с болезненно тонкими чертами лица; здесь же находились другие члены правительства и члены их семей.

– Что это, Вячеслав Михайлович? – выкрикнул из партера золотопромышленник Рябушинский. – Провокация эсеров?

– Подарок дамам к международному женскому дню! – нервно пошутил главный редактор «Правды» Кольцов.

– Товарищи! Это лед! – громко констатировала девушка с красной косынкой на голове.

– Господа, а вдруг это бомба? – воскликнул граф Сумароков-Эльстон.

– Прошу минуту тишины! – поднял руку Молотов, и голоса стихли. – А теперь попрошу всех занять свои места!

Набежавшая публика стала покидать партер. Когда в зале наступила тишина, Молотов заговорил своим громким голосом:

– Я прошу всех успокоиться. То, что случилось сейчас – не провокация эсеров, не террористический акт и не шутка. Это уникальное явление, чрезвычайно важное для нашего Советского государства. У вашего правительства нет секретов от своего народа. Завтра вы все узнаете из газет, а теперь необходимо как можно скорее убрать этот предмет из зала и поместить его в морозильник. Вы уже заметили, что это лед. Так вот, этот лед ни в коем случае не должен растаять. Я прошу сильных мужчин, сидящих в партере, помочь вынести *это* из зала.

Возникла пауза. В зале появились солдаты охраны. В первых рядах поднялись несколько человек, осторожно приблизились к воронке.

– Товарищи! Ничего не бойтесь! – успокоил их Молотов. – Это просто лед. Но очень важный лед.

Солдаты и мужчины-добровольцы облепили ледяную воронку, медленно вытянули из развороченного пола, при подняли и понесли к

выходу

– Товарищ Молотов! И все-таки, что же это такое? –раздался женский голос из соседней ложи.

– Вы не хотите потерпеть до завтра? – улыбнулся Мо лотов.

– Нет! Не хотим! Говорите сейчас! – послышались голоса с мест.

Молотов обвел зал взглядом своих черных глаз:

– В таком случае, я предоставляю слово специалисту Лаврентий Павлович, объясните товарищам, что произошло.

Сидящий слева от него Берия, встал, снял пенсне и неторопливо протер его замшевой тряпочкой. Это был высокий худощавый человек с большой яйцеобразной почти безволосой головой, узко скошенными плечами и длинными руками с выразительными тонкими пальцами; лицо его, узкое и вытянутое книзу, всегда имело выражение рассеянной углубленности в себя, которое встречается обычно у людей искусства. Небольшие зеленые глаза подслеповато щурились, полные губы блестели со вкусом подобранной помадой. На Берии был превосходный темно-синий фрак с орденом Красного Знамени в алмазном венце. Очень высокий стоячий воротник красиво поддерживал узкие худые скулы министра госбезопасности.

Берия надел пенсне на свой тонкий небольшой нос и заговорил тихим четким голосом:

– Это так называемый ледяной конус, посланный нам из недалекого будущего Орденом Российских Землеёбов. Орден будет сформирован из многочисленных сект землеёбов в 2012 году. В 2028 члены Ордена обоснуются в Восточной Сибири, на Лысой горе, в подземельях которой обнаружатся следы поселения сибирских зороастрийцев – потомков небольшой секты, которая ...кажется, в конце VI-го века до нашей эры бежала из великой империи Ахеменидов на север. И постепенно оказалась в тайге, между двумя Тунгусками, на Лысой горе, в гранит которой они благополучно углублялись в течении четырех веков. Зачем? В поисках так называемого Подземного Солнца, лучи которого, по их верованию, уничтожат различие между добром и злом и вернут род человеческий в райское состояние. Сибирские зороастрийцы изобрели машину времени, способную посылать небольшие объекты в прошлое. Один из этих объектов вы видите здесь.

Берия замолчал, шевеля губами и оглядывая зал.

– Товарищ Берия! – встал с места Алексей Стаханов. – Ты скажи прямо – это хорошо, или плохо?

– Конечно, хорошо, – сдержанно улыбнулся Берия. – Это уникальное

явление.

– И часто они, эти... зем-ле-ёбы будут швырять по нам такими глыбами? – спросила Ольга Чехова, обмахиваясь черным китайским веером.

– Могут же быть жертвы, господа! – с трудом приподнялся десятипудовый Мика Морозов. – А если б эта штука вылезла не в проходе, а прямо здесь, среди нас?! Или на галерке? И натурально свалилась бы на наши головы?! Это же... катастрофично!

– Мика Саввович, от вас ли слышать такие речи? Вы же писали, что привыкли смотреть опасности в лицо? – спросил генерал-полковник МГБ Фриновский, и весь зал засмеялся.

Смех снял со всех напряжение. Глыбу благополучно протиснули в дверь и вынесли.

– Лаврентий Павлович, а что там внутри, в этой la pyramide glaciée de Cheops? Какое-то мирное послание нам? Или – объявление войны? – спросила княгиня Урусова.

– Ультиматум? – привстал, глядя на Берию, ее супруг в морской форме.

– Что же это нашим голубокровым всё войны мерещутся?! – хлопнул по своему пухлому колену народный артист СССР Андреев. – Никак уж дважды отвоевались, слава тебе, Господи! Да попридержите же рысаков, господа гусары!

Все снова засмеялись.

– На счет ультиматума – не уверен, – продолжал Берия. – Впрочем, посмотрим. Читайте газеты, товарищи.

– Тогда подскажите, где нам ждать следующего ледяного привета из будущего? – усмехнулся писатель Павленко.

– Следующего, по всей вероятности, не будет, – ответил Берия. – Зороастрийцы оставили в своих пещерах всего три установки. Первый ледяной конус был обнаружен летом 1908 года неподалеку от Торжка. В нем была книга из оленьей кожи с описанием истории и устава Ордена. Бездарное правительство Николая 11-го посчитало это розыгрышем. Сохранились только части книги. Вторым конусом был разрушен поезд Москва-Владивосток 29 июля 1937 года. На лед тогда никто не обратил внимание. Зато мерзавец Ежов не преминул воспользоваться этим крушением, в результате чего возникло фальшивое «дело железнодорожников», унесшее в три раза больше жизней, чем само крушение. И вот сегодня, здесь – последняя попытка.

– А что было во втором конусе? – спросила Ольга Чехова.

– Там было тело существа, получеловека – полуживотного. Мальчик

шести лет с рогами, копытами, хвостом. А на лбу татуировка: «Дитя блядского мира». Труп сильно пострадал во время крушения, но к счастью был сохранен одним умным и честным сотрудником НКВД. Рискуя жизнью, он заспиртовал и спрятал тело.

– Господин Берия! – встал чемпион мира по шахматам Алехин. – Какое же объяснение этому феномену дали наши ученые?

Молотов решительно встал, тряхнул курчавой головой:

– Дорогие товарищи, имейте терпение! Лаврентий Павлович и так сказал вам достаточно.

– А где товарищ Сталин? – закричал с галерки молодой голос.

– Да! Где Сталин? – встал, словно опомнившись, Павленко.

– Где Сталин? Сталин! Почему он не с нами? – раздались голоса.

В правительственной ложе показалась внушительная фигура Микояна, поднимающегося со своего места. Широкоплечий, полный, чуть выше среднего роста, он выбрался из кресел и встал, опершись на парапет. Микоян улыбнулся и обвел зал взглядом небольших, но невероятно живых и молодых глаз; совершенно лысая голова его и гладкое желтоватое лицо бодро лоснились, серый френч с двумя орденами Красного Знамени плотно обтягивал крепко сбитую фигуру.

– Вы хотите знать почему товарищ Сталин не наслаждается вместе с нами этим отличным концертом? – быстро заговорил он с легким кавказским акцентом. – Отвечаю: товарищ Сталин после церемонии открытия Дома Свободной Любви слегка устал и захотел отдохнуть. Мы, большевики, хоть и сделаны из особого материала, но у нас тоже иногда болят головы.

В зале засмеялись и зааплодировали. Микоян успокаивающе поднял руку:

– А вот аплодировать, друзья мои, надо не мне, а нашему великому певцу, которому мы все, – он глянул на карманные часы, – уже почти десять минут активно мешаем работать,

Зрители как по команде повернулись и посмотрели на сцену. Все это время Александр Пятой сидел в ванне, следя за происходящим. Заметив, что все смотрят на него, он высунул из желе свою беспомощную, похожую на вынутого из моря осьминога руку и покачал ею.

– Погасите свет! – скомандовал Молотов. Зал погрузился в темноту. Подождав недолго, Пятой полуприкрыл глаза и запел:

Ах, как и зимним утром да январским
Постучались мне в дверь стальную,

Я ни жив ни мертв лежу безответный,
А жена моя, Маруся, отвечает,
Отвечает-вопрошает скрозь стальную дверь:
А и кто стучится, кто там ломится?
Говорят три юных гласа да за дверью:
Открывайте, отворяйте, люди добры,
Мы не сделаем вам подлого-худого.
Отворила тяжку дверь моя Маруся,
Три сестрицы милосердья на пороге,
Все в халатах белых да с крестами,
Все в резиновых перчатках да в сапожках.
А одна из них высока-черноглаза,
А другая толстовата-рыжий волос,
Ну а третья вся задумчива-прозрачна.
Вот заходят три сестрицы милосердья,
Саркофаг мой страстотерпный обступают,
Примеряются, берутся за прихваты
Да на двор меня, болезного, выносят.
На дворе стоит-трещит мороз крещенский
Да шофер рябой машину прогревает.
Отворили двери враз машины белой,
Саркофаг мой внутрь машины задвигают,
Да садятся рядом три сестрицы.
Черноглаза да высока – в изголовье,
Толстовата– рыжий волос – по середке,
Ну, а третья, что задумчива-прозрачна
Возле ног моих болезных примостилась.
Вот поехала машина по пришпекту,
Все прямехонько да прямо из столицы вон,
По Смоленской по широкой по дороге.
Как проехала машина верст за десять,
Так на право-то с дороги своротила,
Своротила-повернула в лес мохнатый
Да по просеке поехала по узкой.
Как проехали еще версты четыре,
Заглушил шофер горячую машину
Три сестрицы ухватились за прихваты,
Из машины саркофаг со мной выносят
Да несут вперед по просеке по снежной

В недремучий лес наш подмосковный.
На поляну непросторную выходят,
Саркофаг мой в снег глубокий опускают,
Достают замысловатый чемоданчик,
Вынимают из него три узких шприца.

Зрители начали слегка подтягивать Пятому. Он сделал паузу, вдохнул полной грудью и запел громче и протяжней:

Один из злата красного, из горна хрусталя
С иглой новой, иглой острой,
Иглой золотою.

Другой из серебра белого, из дорога стекла
С иглой новой, иглой острой,
Иглой серебряной.

А третий из черна-железа, дешевого стекла
С иглой старой, иглой ржавой
Иглой затупленной.

Волнение охватило зал. Зрители стали громко подпевать, раскачиваясь. Пятой продолжал. Голос его, набирающий силу все больше и больше, рассекал поющие массы, как ледокол:

Как брала сестрица черноглаза
Узкий шприц-потяг злата красного,
В подколенную жилу мне втыкала,
Полный шприц моей крови набирала,
Шла-брела по лесу вокруг поляны,
По колено в снег глубокий провалилась,
Ко деревьям крепко спящим приникала,
Да колола шприцем в кору мерзлу,
Да впускала теплу кровь мою в деревья.

В каждый ствол еловый,
В каждый ствол сосновый,

В каждый ствол осиновый
Да в каждый ствол дубовый.
Кровь мою больную,
Кровь мою гнилую,
Кровь мою багровую,
Да кровь мою густую.

Как брала сестрица толстовата
Узкий шприц-потяг из серебра белаго,
В становой хребет да мне его втыкала,
Костяной мозг полным шприцем набирала,
Шла-брела по лесу вокруг поляны,
По лядвии в снег глубокий провалилась,
Ко деревьям крепко спящим приникала,
Да колола шприцем в кору мерзлу,
Да впускала костный мозг мой в те деревья.

В каждый ствол еловый,
В каждый ствол сосновый,
В каждый ствол осиновый
Да в каждый ствол дубовый.

Мозг мой внутрикостный,
Мозг мой почернелый,
Мозг мой позагнивший
Да мозг мой перепрелый.

А как брала сестра задумчива-прозрачна
Узкий шприц-потяг железа черна,
Во простату мне иглу втыкала,
Полный шприц простатным гноем набирала,
Шла-брела по лесу вокруг поляны,
По грудя во снег глубокий провалилась,
Ко деревьям крепко спящим приникала,
Запускала гной мой да в деревья.

В каждый ствол еловый,
В каждый ствол сосновый,
В каждый ствол осиновый

Да в каждый ствол дубовый.

Гной мой испростатный,
Гной мой перепрелый,
Гной мой забродивший
Да гной мой застарелый.

Зал пел, раскачиваясь. Но шесть тысяч голосов были не в силе
заглушить голос народного Баяна:

И склонились надо мною три сестрицы,
И промолвили, мне в очи прямо глядя:
Как придет весна-красна, согреет землю,
Оживут-проснутся мертвые деревья,
Забуруют в них живительные соки,
Пораскроются их стиснутые почки,
Зашумят их молодые листья.
Ну, а те деревья, в чьи стволища
Мы вонзили-запустили наши иглы,
Превратятся сразу в отроков прекрасных,
На тебя обличем похожих,
А характером – на содержание шприцев.
Те, что от крови – те будут полнокровны,
На работу да на удаль тороваты,
Те, что от мозга – те будут мозговиты,
Воровать, начальствовать сумеют,
Те, что от гною простатного родятся –
Похотливы станут аки вепри,
Заебут, перебрюхатят пол-России...
Тут я с силушкой да с мыслию собрался,
Приподнялся на локтях на полусгнивших
Да спросил сестриц спокойно-молчащих:
Как же звать вас, милосердные сестрицы?
Черноглазая ответила: Я Вера.
Толстовата-рыжий волос: Я Надежда.
Ну а та, что так задумчива-прозрачна
Отвечала кротко мне: Зовусь Любовью.

Пятой смолк и в изнеможении повалился навзничь в ванну.

Зал неистовствовал; все встали, овация сотрясала театр. На сцену полетели цветы.

– Пятой! Пятой! Пятой! – скандировала галерка Члены правительства тоже встали.

– Вот как надо петь, Клим! – толкнул локтем седобородый Маленков невысокого задумчиво хлопающего Ворошилова.

– Наши песни сложнее, – улыбнулся Ворошилов; умное, тяжелой лепки лицо его с решительным подбородком, упрямыми губами и тончайшей полоской усов под горбатым носом казалось совершенно непроницаемым и равнодушным к народному ликованию; но в прищуренных глазах светилась неподдельная радость.

– Необходимо немедленно ехать к Сталину, – сказал Берия Молотову

– Да, да. Конечно... – Молотов оглянулся. – Анастас, Клим, поехали к Сталину

Каганович, Маленков и Булганин с готовностью посмотрели на Молотова.

– Товарищи, вас я прошу остаться. Концерт продолжается, не хорошо, если мы уедем все сразу.

– Дорогой, это до утра? – спросила жена Молотова.

– Вероятно, милая, – он быстро поцеловал ей руку и тепло улыбнулся сидящей рядом супруге Берии – полноватой даме с невыразительным, но всегда приветливым лицом.

Четверо попрощались с оставшимися, оделись и вышли из ложи. Охрана, состоящая из младших офицеров госбезопасности, быстро двинулась следом, рассыпалась по пустому коридору

– Слава Богу, что без жертв, – на ходу перекрестился Молотов.

– У меня с утра было предчувствие, что что-то случится, – застегивал красивый белый плащ Берия. – Счастье, что в Большом театре широкие проходы.

– Екатерина Великая не экономила на кубатуре! – усмехнулся Молотов.

– Это камень в мой огород, Слава? А где теперь эта чертова глыба? – спросил Микоян, натягивая серые замшевые перчатки.

– В Кремле, – ответил Берия.

– Постой, разве Иосиф нынче не на «ближней»? – сощурился Ворошилов.

– Он в Кремле, Клим, – ответил Молотов.

Они вышли через служебный вход, сели в четыре черных

бронированных «зима». Следом и впереди тронулись «эмки» охраны. Машины осторожно миновали скопившуюся возле театра толпу, проехали по улице Карла Маркса до Манежной площади, повернули налево и въехали на Красную площадь.

Черное мартовское небо с едва различимой россыпью звезд тяжело нависало над подсвеченным прожекторами Кремлем. Красный флаг трепетал над зданием правительства, рубиновые пентакли грозно светились на башнях. Громадный портрет Сталина висел на музее Истории СССР, а фронтон ГУМа украшала огромная красно-белая надпись: ПАРТИЯ – БЕССМЕРТИЕ НАШЕГО ДЕЛА.

Эскорт миновал Спасские ворота, въехал во двор здания правительства и остановился. Посередине двора, недалеко от памятника Ленину на открытом кузове грузовика лежал ледяной конус, накрытый брезентом. Рядом стояли шесть солдат с автоматами и два офицера МГБ.

– А, это здесь уже... – пробормотал Ворошилов, проворно выбираясь из машины и подходя к грузовику – Лаврентий, а ты не боишься? Вдруг там яд, например? Может у этих землеобов одна цель – отравить советское правительство и радикально изменить ход всемирной истории.

– Зачем? – спросил Берия, подходя к нему и доставая портсигар. – Двойная спираль времени не существует. Тройная – да.

– А если они этого не знают? – поежился Ворошилов.

– Судя по кожаной книге – знают.

– Ну, смотри. Тебе видней.

– Безусловно, – усмехнулся Берия, закуривая папиросу

– Не растает она ? – спросил Микоян.

– Господь с тобой. Теперь заморозки... вон ледок хрустит... – Молотов с хрустом наступил на лужу.

Ворошилов сощурился на светящиеся окна сталинской квартиры:

– Вроде не ложился еще.

– Пойдемте, товарищи, – Берия повернулся и направился к жилому корпусу

Молотов, Ворошилов и Микоян последовали за ним. Они вошли в здание, поднялись по лестнице на второй этаж. Возле дверей сталинской квартиры стояли двое старших лейтенантов МГБ. В стенной нише за тумбочкой с телефоном сидел полковник. Офицеры отдали честь членам правительства, Берия кивнул полковнику. Тот поднял трубку телефона:

– Товарищ генерал-майор, здесь товарищи Берия, Молотов, Микоян и Ворошилов,

– Дай-ка мне товарища Берию, – раздался в трубке голос начальника

охраны Сталина Власика.

– Вас, товарищ Берия. – протянул полковник трубку

– Слушаю, – Берия взял трубку, выпуская папиросный дым через узкие ноздри.

– Власик, товарищ Берия. – зарокотала трубка, – Тут у нас ЧП небольшое. С детьми.

– Что такое?

– Опять с платьями. И товарищ Сталин там... разбирается.

– Доложи, что очень срочно.

– Я-то доложу, товарищ Берия, да эфиоп вас не пропустит.

– Это наша забота, – Берия положил трубку на рычажки.

– Чего там, Лаврентий? – спросил Микоян. – С Надей?

– С детьми, – Берия сунул окурочек в подставленную полковником пепельницу.

Дверь отперли изнутри и открыли. Четверо членов правительства вошли в небольшую прихожую. Стены и потолок были выкрашены в сдержанно-синий цвет. Здесь стояли: Власик, простой советский стул, столик-тумбочка с телефоном и бочка с солеными огурцами. Власик козырнул вошедшим и открыл перед ними резную, молочного стекла дверь, ведущую во вторую прихожую. В ней интерьер был совсем другим: белый потолок, черные панели эбенового дерева, позолоченные кроше для одежды, в виде змей, фарфоровые китайские светильники, стоящие по углам. Две гувернантки-узбечки в узбекских шелковых платьях, шароварах и тюбетейках быстро сняли верхнюю одежду с вошедших и пригласили их в гостиную. Стены ее были обтянуты шелком цвета слоновой кости; не слишком высокий потолок с карнизами из розового мрамора выгибался и сходил к чудесной серебряной люстре в виде ветви цветущего апельсинового дерева; диваны белой кожи с позолотой окружали низкий стеклянный стол, толстая, идеально прозрачная столешня которого поддерживалась основанием в форме массивной волны; на столе стояли золотое скифское блюдо с виноградом, хрустальная пепельница, хрустальный подсвечник с зажженной розовой свечой и лежал завтрашний номер газеты «Правда»; во всю гостиную был постелен черно-серо-розовый египетский ковер; на стенах висели три картины Филонова, поодаль стояла деревянная скульптура Коненкова «Смеющийся Ленин». В углу дивана спала, свернувшись на бархатной розовой подушке, левретка Антанта.

Перед дверью, ведущей в личную гостиную Сталина, спал на ковре негр Сисул – личный слуга вождя. Из-за двери слышались резкие голоса.

Вошедшие направились к этой двери.

– Нельзя идти, – сказал Сисул с сильным акцентом, не открывая глаз.

– Срочное дело, – с ненавистью посмотрел на него Берия.

– Вождь не принимать сегодня.

– Что значит – не принимать?! Мы уже здесь! – повысил голос Берия, но Молотов взял его под руку, отодвинул в сторону и присел на четвереньки возле лежащего слуги:

– Сисул, это действительно очень важно,

– Товарищ Сталин решает семейный дело. Нельзя идти. Молотов устало провел ладонью по своему широкому лицу:

– Ты не понял, Сисул. Это действительно очень важно. Очень.

Негр молчал.

– О, God damn you... – теряя терпение, Берия заходил по гостиной, упреков длинные руки в узкие бедра..

– Слушай, дорогой, что это в самом деле? – заговорил Микоян. – Ты государственный человек, или нет?

– Тебе сказали – очень важно! – пнул лежащего Ворошилов.

– Не надо Клим, – Молотов придержал ногу Ворошилова, приблизил свое лицо к иссинь-черному лицу Сисула и продолжил: – От этого дела зависит здоровье всей нашей страны. И мое, и твое. И товарища Сталина. Если мы промедлим – нам всем будет плохо. Очень плохо.

Сисул открыл большие красивые глаза, быстро встал, словно и не спал вовсе. Он был высок и статен, в абиссинском национальном костюме, щитом золотыми и серебряными нитями; из-за зеленого пояса торчали рукоятки двух кинжалов. Обведя визитеров своими темными выразительными глазами, Сисул вынул из рукава ключ, отпер дверь и вошел в нее, плотно притворив за собой. Послышалась его приглушенная речь.

– А, вот и хорошо! – послышался чистый и громкий голос Сталина. – Очень хорошо, что они здесь! Вот пусть и посмотрят на вас! Проси!

Сисул вышел, открыл дверь, с поклоном и ритуальной фразой, произнесенной на безупречном русском:

– Товарищ Сталин сердечно просит вас пожаловать к нему.

Молотов, Микоян, Берия и Ворошилов вошли в личную гостиную вождя. Сисул закрыл и запер за ними дверь.

Личная гостиная была раза в три меньше главной. В интерьере преобладало розовое и эбеновое дерево; мягкая мебель алого шелка стояла на китайском ковре теплых тонов, по углам виднелись большие китайские вазы; на сероватых стенах висели две картины: «Ленин и Сталин на псовой

охоте», кисти Кустодиева и портрет Сталина в швейцарских Альпах, написанный Бродским. Огромный матовый плафон на потолке освещал гостиную ровным неярким светом.

Сталин встал с кресла и, не глядя на вошедших, подошел к окну. Вождь был высокого роста, хорошо сложенным, с открытым, умным, словно выточенным из слоновой кости лицом; черные, коротко подстриженные волосы его были с проседью, высокий лоб плавно переходил в залысины, красивые черные брови плавно изгибались над живыми, пронзительными карими глазами; небольшая горбинка не портила носа, волевые большие губы выступали над небольшим, но упрямым раздвоенным подбородком; гладкие щеки были слегка впалы. На вид Сталину было лет пятьдесят. Он был одет в белую шелковую косоворотку, подпоясанную серебряным поясом, и узкие брюки белого бархата, заправленные в белые лаковые полусапожки с серебряным шитьем.

Посередине гостиной стояли сыновья Сталина – Яков и Василий, узнать которых было трудно из-за женских платьев и париков, надетых на них. Худую, стройную фигуру Якова обтягивало длинное вечернее платье черного бархата с бриллиантовым скорпионом и белыми пятнами на худой груди; кудрявый каштановый парик утопал в накинутах на голые плечи синим боа; на тонких женственных руках были черные сетчатые перчатки до предплечий, одна из которых была разорвана; пальцы и запястья украшали три кольца белого золота с сапфирами и изумрудами и два платиновых браслета с мельчайшими бриллиантами; худое, чрезвычайно похожее на отца, лицо его было сильно напудрено, что не скрывало припухлость правой подбитой скулы; подведенные синей тушью глаза смотрели в пол; под мышкой он держал узкую дамскую сумку из змеиной кожи. Невысокий, полноватый Василий был одет в бежевое крепдешиновое платье со стойкой и высокими плечами, ниспадающее мелкими складками и расшитое на груди персикового тона розами; на тонкой золотой цепочке висела большая жемчужина; полные руки обтягивали бежевые лайковые перчатки, выпачканные уличной грязью; светлые волосы парика с нарушенной укладкой были, тем не менее, перехвачены перламутровым гребнем; полноватую шею Василия стягивала черная шелковая лента; нарумяненное пухлое лицо со ссадиной на подбородке, во многом повторяющее материнские черты, тоже смотрело в пол; на плече младшего сына вождя висела на массивной золотой цепи лакированная сумка.

– Друзья мои, могучие правители могучей страны, – заговорил Сталин грудным чувственным голосом, – посмотрите на детей великого Сталина.

Внимательно посмотрите.

Члены правительства посмотрели на двух травести.

– Чем я провинился перед Богом и Россией? За что мне послано такое наказание? – Сталин оперся о мраморный подоконник и приподнялся на носках. – Почему я и именно я должен быть унижен детьми своими?

– Отец, я прошу тебя... – поднял голову Яков. – Молчи, молчи... – Сталин закрыл глаза и прижал свой большой лоб к пуленепробиваемому оконному стеклу – Ты не достоин ударов палкой, не то что слов. Тебе тридцать два года. И ты до сих пор – ничто. Мерзкое, грязное, мизерабельное ничто, способное только гнить заживо и разлагать брата и сестру

– Отец, я очень прошу тебя, не продолжать этого разговора при посторонних, – проговорил Яков.

– Посторонних? – Сталин резко повернулся, быстрой размашистой походкой подошел к Якову и заговорил, вплотную приблизив свое выразительное лицо к некрасивому белому лицу сына: – Здесь нет посторонних, кроме тебя! Здесь только мои друзья, товарищи по партии, по великому делу, да еще мой младший глупый сын, подпавший под твое гнусное влияние! Они мне не посторонние! Это ты – посторонний! Навсегда мне посторонний!

– Папа, ей-богу, ну прости нас, – конфузясь, забормотал Василий – Я тебе обещаю, я клянусь, что больше...

– Не клянись, не клянись, черт тебя побери! – сморщился Сталин, словно от зубной боли. – Ты не знаешь, что такое настоящая клятва! Они, – указал тонким пальцем на членов правительства, – знают, что это такое! Вы – нет! Они знают, что такое честь и совесть! Вера и преданность! Что такое – высшее! То высшее, что позволяет нам оставаться людьми! Высшее! Настоящее, подлинное высшее! А не это, не эта... мразь, мразь, мразь! – обеими руками он вцепился в подола платьев своих сыновей и поднял их вверх, разрывая. У Якова обнажились стройные тонкие ноги в черных ажурных чулках, у Василия – полные, кривоватые, в капроне под цвет тела.

Сталин с силой толкнул их, сыновья стали падать; Яков зацепился высоким каблуком за кресло и упал, сбив головой узкий бронзовый торшер; Василий, пытаясь, рухнул спиной на китайскую вазу и раздавил ее, как яйцо.

Сталин сел на диван, открыл стоящую на журнальном столе сандаловую коробку, достал не очень толстую сигару, срезал кончик, прикурил от свечи хрустального канделябра, выпустил голубоватый дым широкой струей и привычным, до боли знакомым всем движением потер

себе переносицу:

– Что мне делать с ними?

Стоящие хранили молчание. Только стонал, держась за затылок, Яков, да всхлипывал, ворочаясь в фарфоровых осколках, Василий.

– Вот, полюбуйте, – Сталин взял с журнального стола лист бумаги с грифом МГБ. – Начальник отдела наружного наблюдения МГБ СССР, генерал-лейтенант Рюмин докладывает: по оперативным данным 1 марта 1954 года в 18.32 Сталин Василий Иосифович (в дальнейшем В) прибыл на квартиру Сталина Якова Иосифовича (в дальнейшем Я). Из квартиры Я и В вышли в 20.45 через черный ход в женской одежде. Выйдя с улицы Грановского на Манежную площадь, они стали громко обсуждать в какой ресторан идти. В предлагал «Берлин», «потому что там много немецких офицеров», Я возражал ему и говорил, что «у немцев после потсдамской конференции стоит еще хуже, чем у коминтерновцев после высылки иудушки Троцкого». Таким образом, Я уговорил В идти в «Метрополь». В ресторане «Метрополь» Я и В заняли стол на четверых, заказали бутылку шампанского «Редерер 1948», рыбное ассорти, два салата из крабов, две котлеты по-киевски, мороженое, кофе. Я был приглашен на танец сотрудником посольства Испании Рамоном Гомесом. Вскоре Гомес и его московский приятель владелец антикварного магазина «Атриум» В. Г. Пожарский пересели за стол к Я и В. Гомес заказал еще 3 бутылки шампанского, Я достал из сумки кокаин и угостил новых знакомых. В от кокаина отказался. Гомес предложил поехать к нему домой, но В сказал, что с Пожарским он не поедет, потому что «принципиально не дает бородатым». Я стал уговаривать В, просил его «засунуть свои принципы в пизду поглубже». На что В обозвал Я «Спасскими воротами» и предложил себя Гомесу. Я плеснул в лицо В шампанским. В полез драться на Я, но Пожарский удержал его и сказал, что он готов сбрить бороду. Тогда В подозвал официанта и потребовал принести бритвенный прибор. Официант отказался. Тогда В вынул сто рублей и дал официанту. Официант принес бритвенные принадлежности и безопасную бритву. В сказал, что «слово не воробей» и потребовал, чтобы Пожарский сейчас же за столом побрился. Пожарский ответил, что шутка зашла слишком далеко, и что ему пора идти. Тогда В сказал, что сумеет отрезать ему уши и безопасной бритвой. Я стал удерживать В, но В бросил в лицо Я мороженое. Пожарский выбежал из зала. Я стал бить В. Гомес пытался разнять их. Официанты вызвали наряд милиции. Я, В и Гомес были доставлены в 12 отделение милиции. Гомес вскоре был отпущен. В отделении В и Я грубо вели себя с сотрудниками милиции, оскорбляли их честь и достоинство.

Сталин бросил лист на стол, стряхнул пепел в хрустальную пепельницу, глянул на притихших сыновей:

– Может их посадить? На пятнадцать суток. Пусть метлой помашут. А, Лаврентий? – он посмотрел на Берия и на остальных. – Что вы стоите, как в гостях? Садитесь, садитесь.

Члены правительства сели.

– Иосиф, – заговорил Берия, – случилось, наконец, то, чего мы ждали шестнадцать лет. Это событие трудно переоценить. Необходимо...

В это время за дверью послышались веселые женские голоса и голос Сисула. Щелкнул замок, дверь открылась и вошли жена Сталина Надежда Юсуповна Аллилуева с дочерью Вестой. Супруга и дочь вождя были одеты в русском стиле. На Аллилуевой было вечернее платье абрикосового шелка, с соболиной оторочкой и жемчужным ожерельем, перехваченным снизу большим рубином; темно-каштановые, красиво уложенные волосы облежала жемчужная самшюра; в ушах светились рубиновые в бриллиантах подвески, на полноватых руках золотился тяжелый браслет и сияли два изумительных бриллиантовых кольца императрицы Марии Федоровны. Стройную фигуру дочери красиво облегал узкий, шитый золотом, серебром и жемчугом, бело-серо-сиреневый сарафан; голову Весты украшал жемчужно-бриллиантовый кокошник, в длинную черную косу были вплетены коралловые нити; в ушах синели серьги из бирюзы и жемчуга, пальцы сверкали изумрудами и бриллиантами.

– Иосиф, какой ты концерт пропустил, – заговорила Аллилуева своим насмешливым, но приятным голосом, не обращая внимания на сидящих на полу сыновей. – Как сегодня здорово было! Какая молодец Русланова! Клим Ефремыч, а? Да и все! Пятой, Массальский, Бунчиков и Нечаев... А этот молодой сатирик... Майкин, Байкин ...как его? Какой талантливый парень! Про мясо в соплях? «Куда интеллигенту сморкаться, как не в антрекот?» Зайкин?

– Гайкин, кажется, – подсказала дочь, перешагивая через ноги Якова, подходя к отцу, садясь рядом и целуя его. – Папка, а мы сегодня не с правительством сидели. Вот!

– Да? – рассеянно спросил Сталин.

– Мы с артистами сидели. В мхатовской ложе. Яншин такой смешной! Ты знаешь, оказывается, у него на подоконнике живет настоящий...

– Надя, – вдруг перебил дочь Сталин, – я принял сейчас решение. Я отдаю Василия в интернат. Пусть заканчивает одиннадцатый класс в интернате для трудновоспитуемых. Это первое. Второе: если я еще раз узнаю, что ты даешь Якову деньги, я переселю тебя к нему.

Аллилуева посмотрела на Якова, глянула в глаза Сталину, подошла к белому телефону, сняла трубку:

– Машину, пожалуйста.

Положив трубку, она подошла к двери, ведущей в детскую половину квартиры, открыла:

– Веста, Василий, идите спать.

Веста вышла. Василий, встал, хрустя осколками, и побрел за сестрой, Аллилуева закрыла за ними дверь, подошла к Якову, помогла ему встать:

– Жди меня в машине.

Яков, пошатываясь и держась за затылок, подошел к двери, стукнул три раза. Сисул отпер ее и выпустил Якова.

Аллилуева вынула из сумочки золотой портсигар, достала папиросу. Берия поднес зажигалку. Аллилуева затянулась, устало выпустила дым в сторону Сталина:

– Не стоит прикрывать свою тупую мещанскую ревность заботой о воспитании детей. Твои руки заточены на народные массы, а не на детей. Так что оставь моих детей в покое.

Она вышла.

Сталин курил, глядя в окно. Стали бить часы на Спасской башне.

Молотов посмотрел на свой брегет:

– У! Полночь...

– Иосиф, землеёбы прислали нам третий конус, – заговорил Берия. – Он здесь, во дворе. Надо принимать решение.

– Пусть живет у него, – произнес Сталин. – Анастас. Как ты думаешь?

– Я думаю Иосиф, что пора от семейных дел перейти к государственным, – ответил Микоян.

Сталин посмотрел на него так, словно увидел впервые этого грузного серьезного человека.

– Ты понял, что произошло? – спросил Берия.

– Что? – спросил Сталин, переводя тяжелый взгляд на Берию.

– Землеебы прислали третий конус.

Сталин сощурился, оттопырив губы, и осторожно положил недокуренную сигару в ложбинку пепельницы. Затем медленно повернул голову вправо и посмотрел на стоящий рядом с диваном кусок дорической, изъеденной временем колонны, высотой около полуметра. На пожелтевшем мраморе лежал узкий золотой пенал. Сталин взял его в руки, открыл и вынул маленький золотой шприц и маленькую ампулу. Ловким лаконичным движением он преломил ампулу, набрал шприцем прозрачную жидкость,

открыл рот, воткнул шприц себе под язык и сделал укол. Затем убрал шприц и пустую ампулу в пенал и снова положил его на мрамор. Вся эта процедура, давно ставшая частью жизни вождя, тысячи раз описанная и пересказанная на десятках языках мира, сотни раз снятая на киноплёнку, запечатленная в бронзе и граните, выписанная маслом и акварелью, вытканная на коврах и гобеленах, вырезанная из слоновой кости и на поверхности рисового зерна, прославленная поэтами, художниками, учеными и писателями, воспетая в простых застольных песнях рабочих и крестьян, была проделана Сталиным с такой поразительной легкостью, что присутствовавшие, как и бывало с ними раньше, оцепенели и опустили глаза.

– Повтори еще раз, Лаврентий, – произнес Сталин, беря сигару
– Землеебы прислали нам третий конус. Он находится теперь под окнами. Прими решение.

Сталин задумался. Щеки его медленно розовели, в глазах появился мягкий блеск.

– Это те самые сибирские землеебы, что пустили в тридцать седьмом поезд под откос? – спросил он.

– Те самые, – кивнул Берия, закуривая.

– Значит, их машина времени – не бред наших академиков.

– Не бред.

– И что ...на этот раз? Опять лед?

– Да. Большой кусок льда.

– И куда они его бухнули? Жертвы были?

– Слава Богу, нет. Это появилось в Большом театре, во время концерта.

– Вот как? – усмехнулся Сталин. – Жаль, что я не пошел. Ну и что ... этот лед?

– Там есть что-то внутри. Как и в последний раз.

– Опять мальчик рогатый? – Сталин встал, потянулся и прошелся по гостиной.

– Мы не знаем, что там. Но внутри точно что-то есть. Просто лед они бы не прислали. Надо принимать решение.

– А что ...решение. Вызывайте специалистов. Это же по твоему ведомству. Причем здесь товарищ Сталин?

– Ты хочешь сказать, что тебя это не интересует?

– Меня это крайне интересует. Но что ты конкретно хочешь от меня? Чтобы я снял трубку и позвонил в Академию наук?

Берия переглянулся с Молотовым.

– Иосиф, но это дело государственной важности, – заговорил

Молотов. – Мы полагали, что теперь, после третьего послания, ты более внимательно отнесешься к этому феномену

– И в полной мере осознаешь свою ошибку тридцать седьмого года, когда Ежову удалось тебе доказать, что версия с машиной времени – ложь, придуманная вредителями-железнодорожниками для оправдания крушения поезда, – вставил Берия.

– Моя ошибка, товарищ Берия, – подошел к нему Сталин, – заключается в том, что я поверил. Но не Ежову в 37-ом. А Великому Ленину в 32-ом, предложившему Ежова на пост наркома внудел и лично поручившемуся за него. Но, к сожалению, Великий Ленин сам заплатил за мою ошибку Своей жизнью. Когда его креатура Ежов подослал к нему убийц. Так товарищ Сталин однажды поплатился за свою слепую доверчивость вождям. Ты хочешь, чтоб он поплатился снова?

– Речь не об этом, Иосиф, – встал Ворошилов. – Просто, нам кажется, ты до конца не осознаешь важности того, что случилось сегодня.

– Секта людей, сбегавших от цивилизации в 2068-ом году, чтобы ебать сибирскую землю, прислала нам в 1954-ый кусок льда. Осознать это явление далекому от науки товарищу Сталину действительно не просто. Он же учился всего в двух университетах и не кончал Академию Генштаба, как товарищ Ворошилов.

– Что за абсурд, Иосиф? – поморщился Ворошилов.

– Все фармацевты мира говорят «что за абсурд, Иосиф?» И ты с ними? В гостиной наступила полная тишина.

За дверью послышалось поскуливание собаки. Сисул впустил проснувшуюся и соскучившуюся по хозяину Антанту. Левретка стремительно внеслась в гостиную и с разбегу прыгнула Сталину на грудь.

– Ну, ну, я здесь, здесь... – подхватил Сталин собаку, отводя в сторону руку с сигарой. – Выспалась, моя красавица. Собака восторженно лизала вождю лицо.

– Ступай в ванну, пописай, – он приоткрыл дверь, ведущую на свою половину квартиры,

Собака юркнула в проход.

Сталин стряхнул пепел в китайскую вазу, повернулся к сидящим:

– Чего вы ждете, товарищи?

Сидящие переглянулись с угрюмо молчащим Ворошиловым.

– Кто занимается проблемой мягкого времени? – спросил Сталин.

– Ландау, Сахаров и Вернадский, – ответил Берия.

– Вот и вызови Ландау, Сахарова и Вернадского. Пусть они сделают заключение. Берия подошел к телефону:

– Может, вызвать только Ландау и Сахарова?
– Почему?
– Вернадский пожилой, не совсем здоровый человек. Не хочется тревожить его ночью.
– Вызови двоих, – Сталин из окна посмотрел на стоящий во дворе грузовик. – И перевези эту штуку куда-нибудь. Кроме Кремля другого места нет?

Надежда Аллилуева и Яков Сталин лежали на громоздкой двуспальной кровати красного дерева и курили. Необъятная восьмикомнатная квартира Якова была погружена в темноту. В сильно захламленной спальне на тумбочке горел синий ночник и стояло серебряное ведро с бутылкой шампанского.

– У тебя в спальне почему-то всегда пахнет ванилью, – произнесла Надежда, разглядывая профиль Якова. – Почему?

– Это от пылесоса.

– Как?

– Явдоха каждый день пылесосит ковер. Я ей запретил что-либо трогать и убирать в моей квартире. Разрешил только полы мыть, да пылесосить. Вот она и старается. А пылесос почему-то выпускает сладкий воздух.

– Надо же! А я думала, ты тут лежишь и целыми днями ешь пирожные.

– Я теперь практически не ем сладкого.

– Это почему же? – она провела пальцем посередине его лба, носа и губ. – Ты и так худой, как щепка.

– А это плохо?

– Мне нравится. Я люблю между ребер целовать, – она стала медленно целовать его грудь, спускаясь к ребрам.

– Его ты тоже любишь между ребер целовать?

– Сейчас укушу, – пригрозила Надежда.

– Только не за яйца, – зевнул Яков и кинул папиросу в ведро. Окурок зашипел во льду.

– Поеду-ка я в Венецию, – Яков повернулся к ней. – В Москве весной так погано.

– В Венеции сейчас не лучше. Поезжай лучше в Испанию. Там в середине марта все цветет. А мы с графом к тебе приедем.

– Я не люблю втроем, ты знаешь.

– Ну, я одна приеду.

– Не смеши, – он потрогал свою распухшую щеку. – Connard de merde!
– Mon chat ...tu es fatigüe?
– Mais non, putain de merde... Васька стал решительно невыносим. Он пьянеет от одного бокала и ведет себя как свинья. Сегодня вообще... полез на меня с кулаками из-за какого-то мудака испанца. Мало ему Эренбурга. Все, зарекаюсь брать его в кабаки, – Яков трижды перекрестился.
– Не зарекайся, – Надежда стянула простыню с бледного-синего от света ночника тела Якова, осторожно взяла в руку его член. – Родным по крови надо все прощать.
– Он полуродной. И полубезумный.
– Он вышел отсюда, – Надежда взяла вялую руку Якова и прижала к своим бритым гениталиям, – значит – родной,
Она сжала безвольную руку Якова бедрами и опять взяла его член:
– Жаль, что я тебя не родила.
– А ты попробуй с Васей. У него толстый хуй. В отца. Не то, что у меня. Хочешь попробовать?
– Пока нет, – ритмично сжимая бедрами его руку, Надежда ласкала член. – Ты меня сегодня не хочешь?
– С набитой мордой как-то... не очень.
– Тебя же часто бьют твои любовники.
– Это кто тебе сказал?
– Не важно. Они тебя бьют. а потом сношают. Сношают Яшеньку в попку. А Яшенька плачет и стонет, плачет и стонет, плачет и стонет.
Приподняв голову, Яков посмотрел на нее, откинулся на подушку и засмеялся:
– Дура! Вот дура!
Член его напрягся, пухлая рука Надежды умело ласкала его.
– Это охрана тебе горбатого лепит? – Яков налил себе шампанского, выпил. – Меня последний раз ты ударила. Полгода назад. И то – в шутку.
– А, на Яблочный Спас? Когда ты так мерзко испугал меня? Надо было тогда тебе сломать что-то. На память.
– Боишься мертвых?
– Сейчас оторву тебе скипетр.
– Скажи, а ты боишься именно мертвых, или смерти вообще?
– Заткнись, поросенок... не то... вот так... – она с силой сжала его член; головка набухла и побагровела. Яков поморщился:
– Иии... У тебя сильные руки... оой... слушай, а почему он дважды женился на левшах? Вот загадка для биографов...
– Задушим... задушим твоего зверя... как собаку-Тито... басовой

струной от рояля...

– Слушай, а может, ты мне все врешь?

– Ааа... mon petit neoglobaliste... voila, et ici... – увлеченно продолжала она, глядя на разбухающий член.

– Может, он просто перестал тебя есть? А Пастернак тебе больше не дает?

– Что? – спросила Надежда, не выпуская члена из руки.

– Я говорю, может он уже давно... – с улыбкой заговорил Яков, приподнимая голову, но, встретившись со взглядом ее зеленых насторожившихся глаз, осекся.

Она посмотрела на него как на труп давно забытого, но родного человека, встала и вышла из спальни. Слышно было, как она долго идет босая через всю квартиру в прихожую – ко второму телефонному аппарату

– Nadine! – нехотя крикнул Яков, глядя на свой фиолетовый член. – Это очень глупая шутка... pardonne-moi! Надежда взяла трубку.

– Машину, пожалуйста, – донесся до Якова ее слабый голос.

– Говно, connard de merde... – он со вздохом откинулся на испачканную его помадой и тушью подушку. – Если с утра – говно, то и весь день – говно. Полное говно.

К половине второго ночи в Кремль были доставлены академики Ландау и Сахаров. Глыбу просветили, убедившись, что в ней – монстр с чемоданчиком на коленях. Были оперативно взяты пробы льда. В нем не обнаружили ни яда, ни радиации. Решено было поместить глыбу в теплое помещение, дожидаться полного естественного размораживания и посмотреть на замороженного монстра. Сталин предложил совместить это с ужином. Ледяной конус внесли в Грановитую палату и положили в большой медный поддон, доставленный из Монетного двора. К глыбе приставили четырех охранников с автоматами. Рядом на стулья сели два профессора – микробиолог и физик-релятивист.

Помимо Молотова, Ворошилова, Берии, Микояна, Ландау и Сахарова, Сталин пригласил на ужин Булганина, Кагановича, Маленкова, князя Василия, сахарозаводчика Гуриновича, писателей Толстого и Павленко, композитора Шостаковича, художника Герасимова и кинорежиссера Эйзенштейна. Гости были введены Берией в курс дела.

Когда все уселись за длинным, изысканно сервированным столом, Сталин встал с бокалом шампанского в руке. На нем был темно-зеленый, бутылочного оттенка костюм, идеально подчеркивающий стройность его фигуры; напояженные волосы были гладко уложены, высокий

белоснежный воротник стягивала широкая полоса бриллиантового ожерелья со знаменитым тридцатикаратным изумрудом, подаренным вождю шахом Ирана; породистое точеное лицо светилось бодрым вниманием к происходящему.

– Товарищи, – заговорил Сталин, – мы собрались здесь по поводу уникального, феноменального явления. Такими подарками окружающий мир балует нас не часто. Уже дважды россияне третьего тысячелетия пытались связаться с нами. И дважды им мешали. В 1908 году помешало бездарное царское правительство, в 1937-ом – преступник и враг народа Ежов. Сегодня, похоже, людям будущего впервые удалось до нас достучаться. Свое послание нам, советским гражданам, они прислали в этом куске льда в день открытия Всероссийского Дома Свободной Любви, что само по себе символично. Великолепный дворец любви, освобожденной от вековых предрассудков, мы строили почти шесть лет. День открытия его золотых ворот стал всеобщим праздником, торжеством свободы и новой советской морали. И именно в этот славный день мы получаем третье послание из будущего. Я не знаю, что прислали нам наши праправнуки, но мой внутренний голос, к которому я прислушиваюсь всю мою сознательную жизнь, подсказывает мне, что это послание связано с нашей трудной и беспримерной работой по освобождению человека, с тем великим путем, которым идет наш великий народ. Поэтому я предлагаю выпить за Россию. Россию прошлого, настоящего и будущего.

Все встали. Сталин протянул бокал и стал чокается с рядом сидящими. Хрустальный перезвон поплыл под расписными сводами Грановитой палаты. Все выпили и сели.

Стол был прелестный: на бело-голубой домотканной скатерти русского стиля стояла золотая и серебряная посуда Александра I; обильная русская закуска дразнила своим многообразием; здесь были копченые угри и заливная осетрина, паштет из оленины и фаршированные рябчики, простая квашеная капуста и телячьи языки с мозгами, соленые рыжики и заливные поросята с хреном; в центре стола высился золотой медведь, держащий на плече коромысло с двумя серебряными ведерками, наполненными черной, маслянисто блестящей белужьей и мелкой, сероватой стерляжьей икрой.

Парни в кумачовых рубахах внесли деревянную доску с горячими филипповскими калачами и принялись обслуживать гостей, накладывая каждому полюбившейся икры и намазывая калачи вологодским маслом.

– Между первой и второй промежуток небольшой! – громко заметил Каганович, приподнимаясь с рюмкой водки.

Хитроватое лицо его, наполовину скрытое гладкой седоватой бородой,

было подвижным и плоским, как у монгола; небольшие искрометные глазки весело блестели, в светлосерой тройке с сине-зеленым галстуком и белой гвоздикой Каганович напоминал шафера на купеческой свадьбе.

– Я, как человек наиболее легкомысленный из всех присутствующих, а следовательно, вполне заслуженно наименее отягощенный, как выразился поэт, «чугунной властью государства», предвидя нарастание вашего тотального внимания после каждой опрокидываемой здесь рюмки к процессу таяния этого зловещего айсберга, хотел бы все-таки напомнить вам о дне сегодняшнем, о его непреходящих ценностях, о главном его событии. Сегодня я после церемонии открытия Дома Свободной Любви сразу посетил его, Товарищи дорогие! Я давно не ебал с таким самозабвением! Я пускал сперму три раза и три раза плакал, понимая, какое великое дело сделали мы во главе с товарищем Сталиным. Но я предлагаю выпить не за нас и не за товарища Сталина. А за тех безымянных женщин, мужчин и детей, покорно и с удовольствием разводящих прелестные ноги во всероссийском храме свободной любви! За женщин, мужчин и детей, товарищи!

Все выпили,

– Редкий болван, – шепнул полный, флегматичный Шостакович на ухо худощавому, всегда болезненно-желчному Герасимову.

– И именем эдакого фетюка названо наше метро? – пробормотал сидящий рядом с ними щеголеватый альбинос Эйзенштейн.

– Между прочим, креатура Ильича, – потянулся к поросенку Герасимов. – Говорят, он Ленину натурально рассосал две геморроидальные шишки. Такое в нашем возрасте не забывается.

– Ильич умел благодарить. Не то что нынешний... – Шостакович захрустел рыжиком.

– Товарищ Толстой, почему не закусывайте? – спросил Сталин, отправляя в рот солидную порцию стерляжьей икры, – Ученые предупредили – ждать долго придется.

Узколицый, тихий, скромно одетый Толстой навел лорнет на таящую глыбу, покачал головой:

– Товарищ Сталин, кусок в горло не лезет. Страшновато как-то ... рядом с этим.

– Не бойтесь. Если товарищ Берия с нами – все обойдется. Попробуйте белорыбицы нашей северной. Frutti di mare вам наверно оскомину набили.

– Нет, не верю, что этот лед из будущего! – воскликнул грузный, громкоголосый Гуринович. – Что хотите со мной делайте, господа, хоть, pardon, подвесьте за яйца, – не-по-ве-рю!

– Если подвесим – поверите, – заметил Берия, с хирургическим равнодушием кромсая заливное.

– Вас просто разыгрывает какая-то заокеанская сволочь! – тряс брылами Гуринович. – Тамошние плутократы уже полвека тянутся к нашим рынкам, а для этого все средства хороши!

– А при чем здесь лед? – спросил Маленков.

– Да притом, батенька, что тамошние жиды поумнее наших! Вон, – Гуринович ткнул вилкой в сторону льда, – у этого ублюдка на коленях чемоданчик! А что в нем? Процентные векселя по царскому долгу! С датами этого две тыщи мохнатого года, печатями и подписями! Они же спят и видят, чтобы мы продлили договор по плану Маршала! Векселя – как туз пик из будущего и стальная петля дяди Сэма в настоящем! Не понимаете?! Ничего! Когда ваши болонки захрустят кубинским рафинадом, а не моим – тогда поймете! Тогда все спляшем «янки дудль»! Блядям будем доллары в бюстгальтеры совать! – он в сердцах хватил кулаком по столу.

– Товарищ Гуринович явно торопит события, – улыбнулся Молотов. – Содержимое этого чемоданчика – большая тема для дискуссии, но бесперспективная.

– Это почему же? – насупился Гуринович.

– Потому что через пять часов мы его с вами откроем, – Берия вытер кружевной салфеткой свои полные чувственные губы. – Так что, не стоит прежде времени стулья ломать.

– И все-таки сомнение велико, товарищи, – заметил Шостакович, глядя на Сталина. – Кто поручится, что это посылка действительно из будущего? А не из ЦРУ?

– Вы меня спрашиваете? – усмехнулся Сталин. – Среди нас два академика.

– Три! – засмеялся Герасимов, поднимая рюмку с водкой и чокаясь со своим носом.

– Живопись – не точная наука, товарищ Герасимов, – парировал Сталин. – А значит сегодня – вы не в счет. Товарищ Ландау, рассейте сомнения.

– Господа, – поспешно дожеввал буженину полный, кучерявый и круглолицый Ландау, – этот конус послан нам из 2068 года И это научно подтвержденный факт.

– Каким же образом он подтвержден, позвольте вас спросить? – вставил сигарету в перламутровый мундштук князь Василий.

– Только, боже упаси, без формул! – попросил Гуринович.

– Корпус транспортируемой части машины времени сибирских

зороастрийцев вырублен из гранита. При транспортиции сквозь мягкое время он превращается в пыль. Частицы этой гранитной пыли есть на поверхности льда. Мы проверили ее возраст методом изотопов. Выяснилось, что этот гранит не имеет возраста. А такого быть не может. Граниту – сотни миллионов лет.

За столом возникла пауза.

– Да, но ведь гранит, из которого рубили эти самые *les misérables* зороастрийцы, все же имел возраст? – спросил князь Василий.

– Имел в будущем, безусловно, – по детски непосредственно улыбнулся Ландау. – Но при прохождении сквозь мягкое время лептоны антиатомов аннигилируют свободные электроны в молекулах гранита, образуя антинейтроны, которые за 896 секунд как раз успевают распасться на антипротоны и позитроны. Позитроны временно деформируют поля исходных электронов, поворачивая их спин на 180 градусов, соответственно изотопы в кусках такого гранита перестают распадаться. А антипротоны в процессе обратной бета-конверсии поглощают энергию и замораживают пары воздуха. Все крайне просто.

– Этого я не понимаю, – обиженно пробурчал Гуринович, оторвал дужку от калача, обмакнул ее в рюмку с водкой, затем в хрен и сунул в рот.

– А когда вы успели проверить эту пыль на изотопы? – спросил князь Василий. – Сейчас? Сегодня ночью?

– Товарищ Ландау сделал это еще в 37-ом году, – пояснил Молотов. – Когда землеёбы прислали второй конус.

– За что и был посажен врагом народа Ежовым на два года, – добавил Микоян, с аппетитом поедая рябчика, фаршированного гусиным паштетом.

– Но у товарища Сахарова другое обоснование, – заметил Берия.

– Вот как? Интересно, – Сталин посмотрел на Сахарова, пьющего квас из серебряного кубка.

Широкоплечий статный Сахаров встал, привычным движением смуглой большой руки огладил свою щегольскую рыжеватую эспаньолку:

– У нас с Львом Давидовичем принципиальное расхождение по этому вопросу. Я постараюсь объяснить проще. В современной релятивистской физике существует три концепции мягкого времени: Ландау, Гейзенберга, которые после феномена-37 и сегодняшних событий не выдерживают никакой критики, и, наконец, – моя. Концепция Ландау основана на утверждении, что мягкое время – это подвижная лагуна в жестко структурированном временном потоке. Проще говоря, это как подводное течение в реке: пока человек плавает по поверхности, он движется вместе с рекой, но как только он ныряет, то начинает плыть против течения. Я

доступно объясняю, товарищи?

– Вполне, – кивнул Сталин. – И что же вас не устраивает в теории Ландау?

– Меня, в принципе, не устраивает концепция времени как линейного потока. Время – не река.

– А что же это? Болото? – спросил Каганович.

– Время, по-моему, это огромный бесконечный качан капусты, а его листья – это годы, часы, микросекунды, в которых мы живем. Каждое событие нашего мира привязано к конкретному листу этого кочана и обитает на нем, ну, скажем, как тля. А мягкое время – это червь, который способен проедать ходы в кочане, свободно перемещаясь по ним.

– И переносить тлей на своей жирной спине? – спросил Сталин.

– Совершенно верно, товарищ Сталин! – рассмеялся Сахаров и указал на глыбу льда: – Вот одна из этих самых тлей, *bitte, meine Herrschaften!*

Все засмеялись.

От глыбы отвалился оттаявший кусок льда и громко упал в поддон. Поддон загудел.

Все стихли.

– Обижается, что его тлей называли, – заметил Сталин, и все снова засмеялись.

Сталин поднял рюмку, намереваясь встать, но сидящий рядом Берия предупредительно взял его руку:

– Позволь мне, Иосиф.

– Уступаю силе тайной полиции, – улыбнулся Сталин. Берия встал с бокалом хереса, который он предпочитал другим напиткам:

– Друзья. Мне хотелось бы сказать несколько теплых слов о наших замечательных советских ученых, двое из которых присутствуют здесь. Благодаря нашей науке, страна Советов из отсталой аграрной империи стала индустриальным гигантом. Благодаря нашей науке, у нашего народа появился ядерный щит, способный окоротить любого агрессора. Наконец, наши ученые вплотную подошли к разгадке феномена времени. Представляете, что ждет всех нас, когда советские люди смогут управлять временем? Я сам человек хладнокровный, не поддающийся эмоциям. И тем не менее, товарищи, у меня дух захватывает, когда я думаю об этом. Выпьем же за здоровье наших ученых!

Все встали и выпили.

– Да. Значит, в споре товарищей Ландау и Сахарова должна родиться истина? Так товарищ Сахаров? – Сталин сел, положил себе кусок белорыбицы, зачерпнул хрена золотой ложечкой.

– Ganz Genau, Genosse Stalin! – захрустел соленым огурцом Сахаров.

– Okay, Genosse Sacharoff, – Сталин покрыл белорыбицу ровным слоем хрена, отрезал кусочек и отправил в рот. – С одной стороны – истина родится. А с другой – кто-то из вас двоих будет вынужден констатировать: Ich habe meine Sache auf Nichts gestellt.

– Без этого в науке не бывает, товарищ Сталин! – оживленно закивал Ландау. – Фундаментальному открытию предшествует множество ошибок. К счастью, в советской физике есть кому их поправить.

– Слава Богу, товарищ Ландау К сожалению, нам, советским политикам, остается только завидовать вам, советским физикам.

– Не понимаю вас, товарищ Сталин, – круглолице улыбался Ландау – Чему же вам завидовать?

– Методам исправления ошибок, товарищ Ландау. Предположим, ошибся товарищ Сталин в решении национального или крестьянского вопроса. Как надо поправить товарища Сталина?

Все молча посмотрели на него.

Сталин обвел гостей взглядом своих живых карих глаз, блеснувших теперь сильнее обычного:

– Так как же? Что вы молчите?

– Ну, – нерешительно зашевелился Толстой, – вероятно, необходимо посоветовать... покритиковать вас.

– Покритиковать? – поднял красивые брови Сталин и быстро опустил голову, готовясь рассмеяться своим знаменитым сталинским смехом.

Смех этот был особенным, не похожим ни на какой другой. По плечам Сталина прошла судорога, красивая голова его дернулась, Сталин резко откинулся назад, на спинку стула, с шипением втянул сквозь сжатые зубы воздух и так же стремительно дернулся вперед с невероятным звуком, напоминающим рев морского котика; затем опять откинулся назад, всосал воздух и заревел; раскачивания его стали убыстряться, звук рева укорачивался, становясь все более отрывистым, переходя в род хрюканья; вдруг тело его забило между столом и спинкой стула, хрюканье перешло в нестерпимый, потрясающий сердца визг, Сталин словно окостенел в сильнейшей судороге; все тело вибрировало мельчайшей вибрацией, голова постепенно откинулась назад, сильно побледневшее лицо с выпученными глазами уставилось в низкий сводчатый потолок и из широко раскрытого рта вождя вырвался нечеловеческий крик:

– Ясауууух пашооооо!!! Сразу все облегченно засмеялись. Сталин достал из кармана платок алого шелка, вытер свое лицо и громко высморкался.

– Нет, товарищ Толстой, – продолжил Сталин, успокоившись. – Покритиковать за ошибки могут у вас на пленуме Союза писателей. А у нас, политиков, по-другому. И если товарищ Сталин ошибся, его надо не критиковать, а объявить врагом народа, высечь бычьей плетью на Лобном месте и повесить на кремлевской стене, чтобы московские голуби расклевали его никчемное тело.

В зале наступила мертвая тишина.

– Что вы нас пугаете, товарищ Сталин, – с трудом заговорил Эйзенштейн.

– Так вот инфаркты и случаются! – тряхнул брылами Гуринович.

– Товарищи, у меня есть актуальный тост по поводу ошибок, – начал приподниматься со своего места Микоян, но Сталин поднял руку:

– Повремени, дорогой Анастас. Мне нужно.

Микоян понимающе кивнул и сел.

Сталин взял лежащий рядом с ним на столе колокольчик, позвонил. Сразу же появились четверо младших офицеров МГБ: трое везли тележку с куском той самой мраморной колонны, четвертый нес золотой пенал со шприцем. Они поставили колонну рядом со Сталиным, положили на нее пенал и вышли, увозя тележку.

Сталин взял пенал, достал золотой шприц, ампулу и как всегда изящно уколол себя в основание языка. Гости опустили глаза.

– Прощу тебя, Анастас, – Сталин положил футляр со шприцем на колонну.

Микоян встал с бокалом красного вина:

– Друзья, я хоть и восточный человек по крови, но никогда не умел говорить тостов. Отсюда вывод – никакой я не восточный человек, а типичный неромантический москвич и к тому же 1-ый зам. пред. Совмина по совместительству.

Все засмеялись.

– Так вот, этот москвич с восточной кровью давно уже обратил внимание на один любопытный факт, – Микоян с лукавой улыбкой посмотрел на сидящих. – Каждый раз, когда товарищ Сталин говорит о...

Вдруг от глыбы отломился солидный кусок льда и с грохотом обрушился в поддон. Гул от загудевшего поддона поплыл по залу.

Все притихли. Микоян стоял с бокалом в руке.

– Будто колокол вечевой, прости Господи... – перекрестился Герасимов.

– Товарищ Берия! – позвал микробиолог. Берия встал, подошел к глыбе, глянул. На месте отвалившегося куска виднелась часть ноги

замороженного.

– Что там, Лаврентий? – спросил Сталин.

– Показалось колено этого бастарда, – Берия наклонился поближе.

– Товарищ Берия, лучше руками не трогать, – предупредил микробиолог

– Стоит посмотреть? – спросил Сталин, с наслаждением потягиваясь.

– Пока ничего интересного, – выпрямился Берия и повернул свое умное лицо к микробиологу – Сколько ждать еще?

– Лед рыхлый, товарищ Берия, часа через два должен отпасть.

– Через два? – услышал Сталин.

– Через два, товарищ Сталин, – поправил очки микробиолог.

– Что ж, – потрогал свои стремительно розовеющие щеки Сталин. – Тогда, парни, подавайте горячее.

Слуги в кумачовых рубашках, стоящие неподвижно у стен, сорвались с мест, скрылись в дверях.

– Можно мне взглянуть, товарищ Сталин? – встал Толстой.

– Мы все посмотрим, товарищ Толстой. Когда по-настоящему будет на что. Садитесь, пожалуйста. Анастас, извини, что тебя снова перебили. Мы слушаем тебя, топ амі.

– Да у меня как-то ...весь запал вышел! – засмеялся Микоян.

– Мы понимаем тебя, дорогой. Это крайне неприятно, когда перебивают, – качнул головой Сталин. – Мой покойный отец никому этого не прощал. Скажи просто – за кого нам пить?

– За правду.

– Превосходный тост! – неожиданно громко воскликнул Сталин, вскочил с места и пошел к Микояну – За правду! Великолепно, Анастас! Просто великолепно! За правду! Превосходно!

Он трижды расцеловал Микояна в его гладкие желтые щеки, щелкнул пальцем:

– Шампанского! Непременно шампанского! За правду! Пьем за правду! Господи! – Сталин прижал ладони к пылающим щекам. – Многие годы, даже десятилетия я мучительно ждал, чтобы кто-то из вас хоть раз произнес этот простой, как плач ребенка, тост. Хоть кто-нибудь, хоть раз! Один-единственный раз!

Он замолчал и быстро прошелся вдоль стола. Все смотрели на него. Слуги, подошедшие было к серебряным ведеркам с бутылками шампанского, замерли. Слышно было, как шуршит каменный пол под подошвами узконосых ботинок вождя да часто капает в поддон талая вода.

– Правда... правду... ничего, кроме правды... – задумчиво произнес

Сталин. – Сколько людей сидели за этим столом. И ведь не простые люди. Советская элита. Сливки общества. И ни один из них ни разу не додумался поднять тост за правду.

– Лучше поздно, чем никогда, Иосиф, – улыбнулся Микоян.

– Молчи! – резко одернул его Сталин, подошел к столу и посмотрел на сидящих так, словно видел их впервые.

Взгляд его дошел до Толстого.

– Так что же случилось, господа? – спросил Сталин, глядя ему в глаза.

Толстой медленно встал. Его сутуловатая худая фигура в старомодном стального оттенка костюме с двубортным пиджаком и золотыми пуговицами с двуглавыми орлами нависла над сверкающим золотом и хрусталем столом. Узкое, мучнисто-белое лицо непонимающе смотрело на Сталина белесыми глазами навыкате.

– Вы же мастер слова, не так ли? – спросил Сталин.

– Я... член Союза писателей, товарищ Сталин, – глухо произнес Толстой.

Сталин пристально заглянул ему в глаза, сделал шаг назад, размахнулся и ударил Толстого кулаком в лицо. Толстой размашисто упал на стол, узкая лысоватая голова его гулко ударила в золотого медведя и опрокинула его. Остатки икры, вылетев из серебряных ведерок, попали на костюмы Кагановича, Маленкова и Булганина. Сталин схватил золотую чашу с оленьим паштетом, нахлобучил на голову ворочающегося на столе Толстого, затем схватил писателя за мосластую руку, потянул со стола:

– Стоять!

Толстой, давя хрусталь, слез со стола и встал, пошатываясь. Золотая чаша сияла у него на голове, выдавленный паштет валился писателю на плечи и грудь, кровь текла из разбитых губ.

– К сожалению, вот так выглядит современная советская литература, – показал Сталин на Толстого, подошел к своему месту и сел. – Идите, товарищ Толстой, приведите себя в порядок и присоединяйтесь к нам.

Толстой, пошатываясь, вышел.

Каганович, Маленков и Булганин принялись салфетками счищать икру со своих костюмов.

– Я давно уже не читаю толстых журналов, – усмехнулся Булганин. – Открываешь какой-нибудь «Новый мир», читаешь одну страницу, другую, третью... а на двадцатой понимаешь, что это никакой не новый мир. А очень, очень старый.

– Золотые слова, Николай, – кивнул Сталин и пристально посмотрел на Маленкова. – А тебе, mon petit chat, если ты будешь *продолжать*, я

когда-нибудь здесь, под этими сводами, при всех вот этим ножом отрежу яйцо, посолю, поперчу и заставлю тебя съесть. И если ты, *salaud*, тогда поморщишься, я велю тебя зажарить, как Бухарина. Но не на костре, а на углях. А потом приглашу сюда твоих аппаратчиков, усажу за этот стол и заставлю этих ублюдков съесть шефа под красным соусом. А потом Манизер тебе отольет памятник. Из говна благодарно переваривших тебя сотрудников. Понял?

– Понял, – отвел узкие бурятские глаза Маленков. Молотов нетерпеливо вздохнул.

– Что ты? – угрюмо посмотрел на него Сталин.

– Иосиф, ты нас обижаешь.

– Почему, Вячеслав?

– Почему ты все время говоришь – я, да я – Я прикажу. я отрежу Большинство из присутствующих здесь товарищей с удовольствием отрезали бы Маленкову все, что можно и что нельзя. А я бы лично, – Молотов взглянул на побелевшее широкоскулое лицо Маленкова, – лично зажарил бы его на углях. На медленных углях.

– Может мне уйти? – встал Маленков.

– Sit down! – скомандовал Сталин, и Маленков сел. Сталин склонил голову:

– Многоуважаемые товарищи члены Политбюро. Я приношу вам свои искренние извинения. А тебе, товарищ Молотов, – персонально. И от души. От всей моей души...

Он помолчал, сидя со склоненной головой, и вдруг выпрямился, громко хлопнул в ладоши:

– Перемена скатерти!

Тотчас восемь слуг подошли к столу, взяли скатерть, подняли вместе со всей посудой и закусками, стоящими над головами гостей, и вмиг унесли, оставив пустой стол красного дерева.

Вскоре появилась другая скатерть – красно-белая, с советской символикой; на нее проворные руки слуг поставили новую посуду – дулевского фарфора, расписанную Малевичем. Посередине стола возникло огромное стальное блюдо с целиком зажаренной свиньей; морда ее была препарирована особым образом: на переносице торчало большое бутафорское пенсне, пятачок был сглажен, подслеповатые глазки хитро щурились, желтые зубы злобно торчали из-под презрительно изогнувшихся губ.

Все сразу узнали в свинье иудушку Троцкого.

– Пора бы его самого так вот подать на блюде! – воскликнул Булганин

– Не все враги хороши мертвыми, – заметил Сталин, дегустируя поданное ему в бокале вино. – Рекомендую всем «Киндзмараули» 45-го года.

Слуги вонзили в спину свиньи дюжину ножей и вилок и отошли к стене.

– Прошу вас, товарищи, – пригласил всех Сталин. – Теперь – самообслуживание. Любой кусок – ваш. Жареная свинина с картошкой – правильная советская еда.

Все встали, потянулись к свинье.

Вошел Толстой. Узкое бледное лицо его было спокойно; нижняя губа сильно распухла, на пиджаке виднелись следы паштета и крови.

– Садитесь, товарищ Толстой, – кивнул ему Сталин. Толстой прошел на свое место.

Молотов плюхнул в тарелку вождя громадный кусок свинины.

– Это тебе, Вячеслав, – Сталин подвинул ему свою тарелку. – У Троцкого я ем только уши.

Члены Политбюро засуетились, и в тарелке вождя появились два темно-коричневых свиных уха.

– Мы так и не выпили за правду, – напомнил Ворошилов, поднимая бокал с «Киндзмараули».

– Да-да! – задвигался Молотов. – Иосиф, ты забыл про главный сегодняшний тост.

– Что? – рассеянно прищурил глаза Сталин.

– За правду. Тост Анастаса за правду, – напомнил Молотов.

Сталин внимательно посмотрел на него:

– А что такое правда?

– Правда? – засмеялся, обнажая большие белые зубы Молотов, – Это – правда!

– Ну, а все-таки? – смотрел ему в глаза Сталин.

– Правда... это то, на чем мир стоит, – серьезно ответил Молотов,

Сталин брезгливо вздохнул и повернулся к гостям:

– Кто-нибудь может дать точное определение правды? Все молчали.

Сталин подождал минуту, поднял бокал:

– Не стоит пить за то, что не определимо.

– За что же тогда? – осторожно спросил князь Василий.

– Хватит этих тостов, – сказал Сталин и молча выпил. Все последовали его примеру.

– Замечательное вино! – причмокнул от удовольствия Шостакович. – Одного не могу понять – сколько раз был на западе, никогда не видал в

тамошних винных магазинах наши грузинские вина. Никогда! Почему плутократы не продают их?

– Буржуи любят французские вина, – заметил Микоян, отправляя в рот сочный кусок свинины.

– В крайнем случае – итальянские и испанские, – кивнул Эйзенштейн.

– У плутократов вкус испорчен католиками. У них же в причастии – только сухие вина. А у нас – сладкий «Кагор»! – откликнулся Каганович.

– Поэтому они и полусладкого шампанского терпеть не могут, – пробормотал Берия.

– Но все-таки это странно, товарищи, – Шостакович поднял пустой бокал, и парень в красной рубаше тут же наполнил его. – Такое вино – и не пить?

– Все дело в сахаре. Только в сахаре. Грузинский виноград слишком сладкий для плутократов, – жевал Каганович. – У них у всех диабет!

Гости засмеялись.

– Дело вовсе не в сахаре, – проговорил Сталин, разрезая свиное ухо.

– А в чем же, товарищ Сталин? – спросил Шостакович.

– В 46-ом я угощал де Голля превосходным «Ахашени». Выпили с ним одну бутылку, начали другую. Why not, fuck you slowly? Наконец допиваем вторую. Приносят третью. И де Голль спрашивает: «Иосиф, что это за вино?» Я говорю: «Ахашени». Тебе не нравится?» – «Да нет, – говорит, – *мне-то* как раз нравится. Но оно никогда не понравится французам». – «Почему?» – спрашиваю. «Потому что у него привкус крови». На том и расстались. О сахаре этот Couillon de Couillon ничего не сказал. На каждое Рождество я посылаю ему ящик «Ахашени». А он мне – ящик своего любимого бургонского «Chardonnay».

– Чего ждать от этих лягушатников! – махнул ножом Каганович.

– А от пархатых? – спросил Сталин и захрустел ухом.

– Иосиф, я, между прочим, – еврей, – неловко улыбнулся Каганович.

– Я тоже, – ответил Сталин. – Но только наполовину. Маленков, что у нас со сталью?

– В каком смысле, товарищ Сталин?

– Вот в таком, – Сталин взял с тарелки недоеденное свиное ухо и показал Маленкову.

Все смолкли. Только Толстой, не обращая ни на кого внимания, остервенело кромсал, совал в рот и жадно жевал свинину, чавкая и бормоча что-то нечленораздельное.

Маленков вытер губы салфеткой, встал:

– В первом квартале наши домны выдадут не менее двух миллионов

тонн стали, товарищ Сталин. Сталин молча разглядывал свиное ухо.

– Интересно... – проговорил он после затянувшейся паузы. – Вот это – жареное свиное ухо. Если посмотреть с нормального расстояния. А если приблизить его совсем к глазу... – он поднес ухо к своим пристально блестящим глазам, – тогда человек может и не знать, что это всего лишь жареное свиное ухо... Здесь открывается такой поразительный ландшафт... горы какие-то... плавные горы... словно их кто-то оплавил... может там взорвали водородную бомбу? – он поднял голову – Сахаров! Вы же работали над водородной бомбой?

– Да, товарищ Сталин, – кивнул Сахаров. – Мы с Курчатовым.

– А где Курчатов? Умер?

– Он... жив, товарищ Сталин.

– Почему?

– Что? Я ...не понимаю... – заморгал Сахаров.

Сталин внимательно посмотрел на Сахарова и протянул ему ухо:

– Возьмите.

Берия передал ухо Микояну, тот – Ворошилову, Ворошилов – Кагановичу, Каганович – Ландау, Ландау – Сахарову Сахаров взял ухо.

– Посмотрите... что там... – с тяжелым вздохом потер свои розовые щеки Сталин.

– Ну... это... ухо свиньи, товарищ Сталин... – посмотрел Сахаров.

– Посмотрите ближе, ближе, ближе... Сахаров непонимающе смотрел на Сталина.

– Посмотрите в упор, товарищ Сахаров, – посоветовал Микоян.

Сахаров поднес ухо к глазам.

– Ну, говорите, говорите! – нетерпеливо сморщился Сталин. – Что там было, кто взорвал, почему там... такие вот волны оранжевые... или это море... море окаменело... и куда девались люди... люди мирного труда...

Сахаров внимательно смотрел. Высокий лоб его покрылся испариной.

Теряя терпение, Сталин переглянулся с Берией.

– Товарищ Сахаров, расскажите просто и доходчиво, что вы конкретно видите, – посоветовал Берия.

– Я вижу... поджаренную свиную кожу, – произнес Сахаров, поднимая голову

Сталин угрюмо кивнул. Лицо его сразу как будто постарело. Он потер переносицу и посмотрел на огонь стального, стилизованного под серп и молот подсвечника. Пламя толстой красной свечи отражалось в его глазах, лучилось на бесчисленных гранях бриллиантового ожерелья, играло в светло-зеленой глубине изумруда.

Глаза Сталина наполнились слезами. Все сидели, замерев. Даже Толстой прекратил чавкать и, оттопырив разбитую нижнюю губу, тупо уставился на столбом стоящего Маленкова,

Из глаза Сталина выкатилась слеза и упала ему на руку Сталин посмотрел на свою руку, поднес ее ко рту и слизнул слезу

– Соль мира... – тихо сказал он.

Тонкие ноздри его дрогнули, слезы покатались из глаз. Он опустил лицо в ладони и беззвучно заплакал. Несколько гостей оторопело встали со своих мест, но Берия предупредительно поднял руку:

– Спокойно.

Сталин рыдал; плечи его беспомощно вздрагивали, голова тряслась, сквозь побелевшие тонкие пальцы сочились слезы.

Берия встал:

– Товарищи, я прошу вас удалиться.

Члены Политбюро и гости осторожно двинулись к выходу Молотов, решив остаться, сделал Берии знак рукой, но министр Госбезопасности непреклонно покачал головой. Молотов нехотя повернулся и последовал за остальными. Берия кивнул замершим у расписной стены слугам, они неслышно выбежали.

В зале со сводчатым потолком остались только Сталин, Берия и шестеро возле ледяной глыбы.

Берия сел рядом со Сталиным, достал портсигар и закурил.

Сталин рыдал долго. Спазмы накатывали как волны, заставляя его сгорбленную фигуру сильно дергаться или исходить мелкой дрожью.

Берия курил, разглядывая яркую роспись потолка.

От глыбы отвалились сразу несколько кусков. Сталин вздрогнул и стих. Берия положил ему на шею свою длинно-палую белую руку Сталин достал платок и прижал его к покрасневшему лицу:

– Не смотри на меня...

Берия встал, подошел к глыбе, глянул. Глыба треснула и готова была развалиться на две части

– Иосиф, тут дело идет к финалу, – Берия потрогал трещину

Не отнимая платка от лица, Сталин нащупал лежащий на столе колокольчик, позвонил. Вбежали двое слуг.

– Make-up, – скомандовал Сталин.

Появилась полноватая женщина в форме майора МГБ, с чемоданчиком, под села к Сталину и стала приводить в порядок его лицо.

– Какая все-таки гнида Маленков, – заговорил Берия, прохаживаясь возле глыбы. – Каждый раз, когда вижу его, теряю самообладание. Как ты

его терпишь?

– Он хороший технарь. Знает производство... – глухо отозвался Сталин.

– Но он чудовищный интриган. Скольким людям он кровь испортил. Мало ему Куйбышева, Постышева и Косиора. Теперь давит Косыгина. Piece of shit...

– У него колоссальный опыт.

– Косыгин знает тяжпром не хуже его. Вся эвакуация заводов на нем держалась. Деловой парень, денди, из рода чугунных магнатов. Живой, контактный. В гольф играет блестяще.

– Это важно для зам. пред. Совмина?

– Да! – оживился Берия. – Я раньше думал как Маяковский: «Мне – бильярд, отращаваю глаз; ему же шахматы – они вождям полезней». Шахматы для руководителей – великая вещь. Они учат стратегическому мышлению. А гольф – учит тактике. Во времена Ленина и в тридцатые годы все определяла стратегия. Сейчас, в начале пятидесятых, актуально тактическое мышление. Косыгин – перспективный кадр.

– Не знаю... надо подумать. Маленков много сделал для страны. Хоть он и редкая сволочь... – Сталин встал, глядя в круглое зеркальце, потрогал свою бровь. Женщина тоже встала.

– Да... а что там с «делом банкиров»? – спросил Сталин.

– Я же докладывал тебе утром.

– Сегодня? – Сталин отдал зеркальце женщине.

– Да.

– А что... – Сталин проводил взглядом уходящую женщину, – там с этой канальей Шиповым?

– Работаем. Он пока молчит.

– У тебя и молчит?

– Есть разные люди, Иосиф. Не все так мягкотелы, как Бухарин.

– Значит, Шипов – мужественный человек?

– Просто упрямый.

– Странно. По нему не скажешь.

– Мы его вчера подвесили. Я думаю, завтра... то есть – сегодня он заговорит.

Сталин подошел к поддону с глыбой.

– Видишь, она треснула, – показал Берия. – А чего же мы ждем? Надо вбить клин, и она развалится. – Сталин потрогал трещину.

– Опасно, товарищ Сталин, – привстал со стула микробиолог. – Можно объект повредить.

– Давайте клинья, – не глядя на него пробормотал Сталин. – Я здесь до утра торчать не буду.

Принесли топор и полено, охранники вытесали четыре клина, вставили в трещину, стали бить топором. Глыба затрещала.

– Вы бы отошли подальше, товарищ Сталин, – посоветовал физик.

– Давай, давай, – Сталин угрюмо смотрел на трещину. Ударил раз, другой. На третий глыба громко треснула и развалилась на куски. В поддоне среди талой воды и кусков льда остался сидеть замерзший верзила с чудовищными гениталиями и с черным чемоданчиком на коленях.

– Кто это? – спросил Сталин после продолжительной паузы и посмотрел на микробиолога.

– Пока не знаем, товарищ Сталин.

– Что это у него с яйцами?

– Похоже на слоновость, товарищ Сталин. А может и результат облучения, – близоруко щурился микробиолог.

– Если это землѣбы, – заговорил Берия, – значит у них у всех такие фаллосы. Вероятно, это не случайно.

– Ты хочешь сказать, фаллосы большие оттого, что они совокупляются с землей? – спросил Сталин.

– Именно.

– А с женщинами они уж не живут?

– С такими размерами... абсолютно исключено... Такая елда в корову не влезет, – зевнул Берия и посмотрел на часы.

– Да... – задумчиво качнул головой Сталин. – Как же они любят родную землю. А может у них все-таки есть женщины с огромным влагалищем?

– В первом послании они писали, что в их общине нет ни одной женщины.

– Вот как... – Сталин обошел поддон вокруг, рассматривая замороженного. – Громадный детина. Какие ножищи... Сколько в нем росту?

– На глаз... минимум два двадцать, – заключил Берия.

– Тот в 37-ом был рогатый. Этот с яйцами по два пуда... неужели такое будущее ждет нашу страну? – Сталин брезгливо потрогал лысину великана.

– Надо посмотреть, что в чемоданчике, – Берия кивнул охранникам. – Вынимайте. Только осторожно.

Охранники стали топором выковыривать изо льда чемоданчик. Когда его вытянули, Сталин подошел к столу с остатками трапезы, схватил край скатерти и резко потянул. Все съехало со стола, с шумом попадало на пол.

Пенсне, соскочившее с носа свиньи, покатилося к стене; охранник подхватил его.

Берия положил чемоданчик на стол.

– Может минеров вызвать? – спросил Сталин.

– Я не чувствую подвоха во всей этой истории, – Берия жестом пригласил Сталина открыть чемоданчик. – Ты глава государства.

Сталин, помедлив малость, подошел и осторожно открыл чемоданчик. Сдержанный голубой свет поплыл из него, осветив лицо вождя. Сталин и Берия разглядывали содержимое – двенадцать кусков голубого сала, залитых сахаром.

– Товарищи ученые, подойдите сюда, – пригласил Сталин.

Физик и микробиолог подошли.

– Что это? – спросил Сталин.

– Трудно сразу сказать, товарищ Сталин, – ответил микробиолог.

– Нужен подробный анализ, – нахмурился физик.

– Вы свободны, – произнес Сталин, не отрываясь глядя в чемоданчик.

Ученые вышли.

– Это типа фосфора что-то, – Берия потрогал затвердевший сахар, покрывающий голубое сало. – Необычный свет, правда?

– Очень, – Сталин пристально смотрел.

– Я возьму, а утром отдадим на исследование.

– погоди, – произнес Сталин.

– Что? – не понял Берия.

– Пусть у меня побудет. Пока.

– Но... надо же выяснить, что это такое?

– Выясним еще десять раз. Мне... как-то хорошо от этого света.

Берия молча посмотрел на озаренное голубым лицо вождя.

– Ты хочешь... – начал было он.

– Да, да, – перебил его Сталин. – Я хочу это взять с собой.

– Хорошо, – кивнул Берия. – Давай коньяку выпьем?

– Я спать поеду, – Сталин закрыл чемоданчик, взял его за ручку – Холодный еще.

– Что?

– Я говорю, холодный саквояж. Не нагрелся еще, – сказал Сталин, глядя в глаза Берии,

– Why not? – устало улыбнулся Берия.

– С добрым утром, Лаврентий, – Сталин повернулся и пошел с чемоданчиком в руке. – Машину!

Охранник скрылся в невысокой арочной двери. Берия бросил

недокуренную папиросу на пол и наступил красивым английским ботинком.

Когда серебристо-черный сталинский «Роллс-Ройс» в сопровождении двух «ЗИМов» охраны выехал из Спасских ворот, толстая женщина в лохмотьях кинулась наперерез кортежу, с диким криком. В руках охранников появилось оружие.

– Не стрелять! – приказал Сталин. – Это ААА. Останови, Кorteж остановился.

– Раздави! Растопчи! Кишки мои на шины намотай! Кровищу мою гнилую в радиатор залей! Ровней понесет тебя конь твой стальной! – вопила толстуха, падая на колени.

Широкое круглое, с перебитым носом лицо ее было плоским, маленькие глазки сияли безумием; из-под бесформенных мокрых губ торчали мелкие гнилые зубы; невероятные лохмотья висели на приземистом, уродливо расширяющемся книзу теле; седые грязные волосы выбивались из-под рваного шерстяного платка; босые ноги были черны от грязи.

Сталин вышел из машины, с сигарой в зубах.

Завидя его, ААА испустила протяжный хриплый крик и ударила своим круглым лицом о мерзлую брусчатку Красной площади.

– Здравствуй, ААА, – проговорил Сталин, ежась на промозгом мартовском ветру.

– Здравствуй, отец родной! Здравствуй, свет не вечерний! Здравствуй, спаситель наш! – запричитала ААА.

Охранник набросил на плечи Сталину длинное пальто темно-зеленого кашемира.

– Что ж ты под колеса кидаешься? – спросил Сталин.

– Ради всех мозгов! Ради всех кусков! Раздави, раздави, раздави!

– За что ж мне тебя давить?

– За все, что было, за все, что есть да за все, что будет, отец родной!

– Что ж ты за наградой не идешь? Твой орден у Молотова в столе давно лежит. Или брезгуешь заботой нашей?

– Разорви пизду мне сопливую стальными крюками, запри губищи мои стальными замками, посади на кол медный, заставь жрать порошок вредный, жги меня углями, бей батогами, запусти пчел в носовую полость, сошли в Чертову волость, за сисяры потные подвесь, с кислым тестом замесь, наголо обрей, белены рюмку налей, вервием задуши, на плахе топором обтеши, в смоле свари, а рублем не дари!

Сталин усмехнулся:

– Кого же одаривать, коли не тебя?

– Достойных у тебя хоть жопой ешь, отец родной! Я под себя срать и ссать не перестану! Не на тех дрожжах подымалась!

– Ты знаешь, что Хармс своими глистами канареек кормит? – Сталин обвел глазами пустынную Красную площадь.

– Мне ли эту срань не знать? – радостно ощерилась ААА.

– Что с ним делать?

– Пошли его на север-северок! Там все его глисты враз повымерзнут!

– Встань, ААА, что ты в ногах валяешься. Чай, не старые времена.

– Времена не старые, а наше дело навозное, отец родной! – она заворочалась на брусчатке.

– Мне активно не нравится «Молодая гвардия», – стряхнул пепел с сигары Сталин.

– А кому ж она может понравиться, отец родной?

– Очень, очень не нравится... С другой стороны – человек заслуженный. Сразу ноздри рвать не хочется.

– И не рви, отец родной! – подползла к нему ААА. – Много чести для сиволапого! Подари ему свой браунинг золотой с одним патроном.

– И то верно, – задумался Сталин.

– Да и не он один гноем исходит! Там рыл полтыщи даром кокаин нюхают! Зажирили на довоенной пашаничке, ублюдки, а новую борозду вспахать – харч слабоват! На что ж они тебе такие?

– Я думаю, ААА.

– Долго думаешь, батюшка! Ежели снег вовремя не вычистить – он льдом зарастет! А лед колоть тяжкими ломами надобно!

Она подползла к ногам вождя. Густой запах застарелых нечистот оглушил Сталина. Он отвернул лицо, посмотрел на редкие звезды.

– Позволь! – требовательно прохрипела внизу ААА. Не глядя на нее, Сталин поднял правую ногу ААА принялась жадно вылизывать подошву его остроносого ботинка. Сталин посмотрел на освещенный Кремль. На Спасской башне пробило четверть пятого. Сталин поднял левую ногу. ААА вылизала и левую подошву.

– Я ж к тебе с благовестью приползла, – она икнула и вытерла губы грязной рукой. – Рожаю нынче.

– Что ж ты молчала?

– А что зря языком молоть? – засмеялась она.

– Что от меня нужно? – серьезно спросил Сталин.

– Что б ты жил, отец родной!

– Я постараюсь.

Сталин бросил сигару, пристально посмотрел на ААА, повернулся и пошел к машине.

– Знаешь, что Борис твою жинку больше не топчет?

– Знаю, – ответил Сталин, садясь в лимузин. Охранник закрыл за ним дверь, побежал к «ЗИМу». Машины заурчали, кортеж резво тронулся, обогнул собор Василия Блаженного и скрылся.

– Из твоих говн престол новой правды воздвигну, да не размочит его моча небесная! – поклонилась ААА, жадно ловя широкими ноздрями выхлопной дым исчезнувшего кортежа.

– В Архангельское, – приказал Сталин шоферу, когда три машины выехали на Кремлевскую набережную.

– Ой, а я вас на ближнюю везу, товарищ Сталин! – жеманно воскликнул красивый молодой шофер в белой кожаной куртке и щегольском желто-сиреновом платке на тонкой шее.

Сталин посмотрел на его блестящий от помады затылок:

– Сережа, почему москвичи покупают «Бугатти» больше, чем «Хорьх»?

– Вот загадка, товарищ Сталин! – посерьезнел шофер. – Все помешались на этих «Бугатти»! Там и с подвеской всегда проблемы были, и мотор новый, никто не знает – как он по нашим колдобинам? А все как с ума посходили – «Бугатти» да «Бугатти»! Красивая машина, говорят! А по мне – двухместный «Мерседес» довоенный лучше всех!

– И лучше нового «Хорьха»?

– Не обижайтесь, товарищ Сталин, – лучше! Там мотор, – шофер зажмурился от удовольствия, – как женщина! Я, товарищ Сталин, утром чаю выпью, пойду в гараж, капот открою, встану и смотрю. Вот красота, какой там Рембрандт! Отец покойный его в 42-ом у Михоэлса купил, он 32 тысячи прошел, а Михоэлс этот, ясное дело, человек творческий, ни разу капота не открыл! Там зажигание напрочь сбито было и клапана стучать начали. Мы карбюратор прочистили, цепь поменяли, отец все ворчал: ну, жидяра, чуть такую машину не угробил! И вот, товарищ Сталин, двенадцать лет – и не соринки в жопе! Вот эта машина! Как топор! А на «Бугатти» я посмотрю через двенадцать лет!

Выехали на улицу Горького.

– Товарищ Сталин, разрешите обратиться, – заговорил сидящий рядом с шофером штурман – широкоплечий полковник МГБ с простым крестьянским лицом.

– Валяй, – Сталин с удовольствием откинул голову на лайковый

подголовник.

– У меня, товарищ Сталин, «Форд-универсал», 51-го года выпуска. Мы летом с женой на нем во Францию поехали и под Марселем с этим самым спортивным «Хорьхом» столкнулись. Слава Богу – не в лоб. Нам – почти ничего, а у него вся кабина всмятку. Водитель этот, француз, кровью харкал. Вот вам и «Хорьх»!

– Ты б еще в него на «Победе» врезался, ёб твою мать! – воскликнул шофер. – Сравнил жопу с пальцем! «Форд», блядь! Вози на нем картошку да поварих из вашей столовой! «Форд»! Я б, товарищ Сталин, американцам вообще бы импорт машин запретил! У них ни одного авто приличного нет! Лучше уж на нашей «Победе» ездить!

Выехали на Ленинградское шоссе. Замелькали одноэтажные деревенские дома. Редкие машины рассекали фарами сырую тьму

Кортеж неся, как всегда, на предельной скорости. Свернули на Волоколамское шоссе. Когда проехали Павшино, Сталин потянулся:

– Останови. Мне нужно.

Кортеж остановился. Охрана выскочила из «ЗИМов», обступила лимузин Сталина.

Сталин вышел, хрустнул пальцами:

– Давай на воздухе.

Из «ЗИМа» с трудом вынесли колонну с золотым пеналом.

Сталин посмотрел по сторонам. Кругом торчали подорожные, забрызганные обледенелой грязью кусты, поодаль темнел край спящей деревни и начинались холмистые поля с перелесками. Мутная луна слабо освещала унылый подмосковный пейзаж. Редкая ледяная крупа сыпалась с черного неба.

Сталин вынул шприц из пенала, преломил невидимую в темноте ампулу, высосал иглой, открыл рот и сделал быстрый укол.

Мимо проехали два грузовика и мотоцикл.

Сталин вздрогнул всем телом, посмотрел на тускло блестящий шприц, положил его в пенал. Охрана потащила колонну к багажнику «ЗИМа».

Сталин посмотрел на свою ладонь. Две ледяные крупинки упали на нее. Он слизнул их языком, шумно и бодро выдохнул и протянул руку к «Роллс-Ройсу»:

– Связь.

Штурман щелкнул крышкой телефонного аппарата, протянул в окно черную трубку на толстом резиновом шнуре:

– Есть, товарищ Сталин.

– Берию, – проговорил Сталин в трубку, прислоняясь спиной к

лимузину и глядя на сломанную березу.

– У аппарата, – раздался в трубке сонный голос Берии.

– Лаврентий, а ведь это плохо, что у наших ученых до сих пор нет единой теории времени.

– Ты полагаешь? – спросил Берия.

– Время – не лингвистика. И даже не генетика.

– Согласен. Это оттого, что со временем до этих трех посылок из будущего ничего не происходило. Проще говоря – стимула не было! – усмехнулся Берия.

– А теория относительности?

– После сегодняшнего дня ее можно окончательно сдать в архив.

– Жаль. Эйнштейн – симпатичный человек. Большая умница. Умеет не только говорить, но и слушать. Со вкусом ест и пьет.

– Да и ебет тоже не как на проспекте росший, – зевнул Берия. – Знаешь, меня, признаться, и самого такая ситуация не устраивает: вода или качан капусты? Суточные щи какие-то...

– Как ты сказал? – осторожно спросил Сталин.

– Я говорю – суточные щи, а не концепция времени. Сталин выпустил трубку из руки и пошел по грязному снегу к сломанной березе. Охранники кинулись за ним. Он подошел к дереву, взялся теплыми руками за ледяной шершавый ствол и замер. Охрана замерла вокруг.

– Иосиф? Иосиф? – шуршало в качающейся трубке. Сталин согнул колени, сгорбился и прижал лоб к березе. Плечи его дернулись, хриплый рык вылетел изо рта. Сильнейший трехминутный приступ хохота сотряс тело вождя.

– Ясаууух пашооо!!! – выкрикнул Сталин так сильно, что две вороны, дремавшие в зарослях боярышника, поднялись и с сонным карканьем полетели в Москву

Простившись со Сталиным, ААА побрела домой.

В Москве стояла тяжелая предрассветная тишина. Даже дворники еще не просыпались. Лишь изредка проезжали одинокие угрюмые машины.

Напевая и бормоча что-то себе под нос, ААА шлепала задубевшими ступнями по припорошенному ледяной крупой асфальту. Дойдя до площади Дзержинского, она поклонилась черному памятнику, обошла справа фасад величественного здания министерства Госбезопасности, завернула за угол и направилась к Варсонофьевскому переулку.

Вдруг в громадных воротах внутренней тюрьмы МГБ заскрежетали запоры, отворилась узкая железная дверь и из черного проема на свободу шагнул высокий, крепко сложенный человек в длинном, небрежно

распахнутом габардиновом пальто цвета яичного желтка со сливками. Такого же цвета шляпа косо сидела на его маленькой голове, переходящей в толстую длинную шею с грязным белым воротом, небрежно повязанным мятым, апельсинового цвета галстуком. В руках человек держал сетку с грязным исподним.

– Ништяк, тесный мир! – радостно выкрикнул человек голосом, известным каждому советскому поклоннику высокой поэзии, подкинул сетку с бельем и размашисто, по-футбольному пнул ее крепким немецким ботинком.

Сетка перелетела через неширокую площадь и повисла на рекламном щите «Продмага N40»,

– Осип... – хрипло выдохнула ААА и всплеснула заскорузлыми руками. – Что б мне сухой пиздой подавиться! Что б на своих кишках удавиться!

Освобожденный посмотрел на нее мутными, серо-голубыми глазами, медленно приседая на сильных ногах, разводя длинные хваткие руки:

– ААА... ААА? ААА!

– Оська!!! – взвизгнула она и лохматым комом полетела к нему в объятия.

– ААА! ААА! ААА! – сильно сжал ее рыхлое тело Осип.

– Значит, не уебал Господь Вседержитель! – визжала ААА, повисая на нем и пачкая его светлое пальто.

– И не уебет, пока не изменим! – хохотал Осип, раскачивая ее.

– Красавец! Приап золотокудрый! Ты сохранил гнойную дистанцию свою!

– Сохранил, неженская моя! – он с удовольствием втянул носом идущий от нее смрад. – Все по-старому! Текучую стихию не допускаешь до себя, мраморное тесто?

– Что будет с солью, ежели помыть ее? – ощерилась ААА.

– В Москве! – двинулся с ней на руках Осип. – Я снова в Москве, ебанные гады! О, этот грубый город! Извилистым паразитом проник я в перестальт твоих угрюмых улиц! Как обжигающ, как по-кислотному беспощаден желудочный сок твой, но как по-бабьи сладка кровь твоя! Как разрушительно приятно сосать ее! Это не трупная кровь Петербурга! Это кровь молодого, свободного города! О как я люблю тебя, Москва!

Заметив на торце магазина «Детский Мир» громадный портрет Сталина, делающего себе укол под язык, Осип разжал руки и побежал к нему ААА упала на асфальт и восторженно заулюлюкала, глядя как профессионально, по-спринтерски несется Осип в своем развевающемся

пальто.

Добежав, Осип рухнул на колени и посмотрел на громадный портрет, слегка колышущийся на сером здании.

– Слова мои неловки, как пердеж на похоронах, но искренни, как вопли на допросах... – в волнении он зашарил у себя на груди толстыми сильными пальцами с обкусанными ногтями. – Тебе, попирающему сонную пыль Земли, тебе, потопившему корабли старых мифов, тебе, разорвавшему Пизду Здравого Смысла, тебе, брызнувшему на Вечность спермой Свободы, тебе, разбудившему и взнуздавшему Русского Медведя, тебе, плюнувшему в морду гнилого Запада, тебе, перемигивающемуся со звездами, тебе, ебущему Великий Народ, тебе, слюной своей окропившему клитора многослойных советских женщин, тебе, разворотившему анусы угловатых советских мужчин, тебе, Исполину Нового Времени – нет равных на планете нашей!

Осип поклонился и поцеловал грубую парусину портрета.

Сзади подошла ААА.

Осип легко вскочил с колен, провел руками по продолговатому, небритому, грубой лепки лицу с необточенными, варварско-непосредственными чертами и вдруг расхохотался, откинувшись назад. Шляпа слетела с его лохматой головы и светло-оранжевым пятном покатила по площади Дзержинского.

– Я опять всех заложил! – хохотал он, шатаясь от восторга. – Я всех, всех, всех, всех заложил!

ААА прижалась к его спине, с наслаждением ощущая трепет этого сильного, мускулистого тела.

– Я заложил даже тебя! Даже тебя!

– Так поздно?! – обиженно хрюкнула она. – Гондон вареный! В первый раз не догадался? Я всеми и самой собой заложена-перезаложена! У меня клейма Позора Мирового даже на торцах волос сияют! Срежь их сейчас – через минуту вновь проступят!

– О как приятно закладывать родных и друзей! – раскачивался, прикрыв глаза Осип. – Какая это девственная сладость! Какое это невыносимое наслаждение! Сколько в этом подлинного и высокого!

– Заложить – ото сна жизни проснуться! Самого себя до изжоги выебать! Друзей закладывать – себя не помнить! А врагов – Бога забыть! – хрипела ААА.

– И ее заложил! Ее, голубицу фарфоровую, мастерицу взоров виноватых, хранительницу холодного пота отказа! Отказала она мне, да не откажет палачам лубянским! Забьется в сухих руках их лебедушкой

ощипанной, белотелой! О, еще солнце не встанет, как затрещат на дыбе кости твои, Восторонукающаяся Любовь Моя! Закричишь белым криком, оросишь мочой пол бетонный! Мне бы дать кожу на сапог испанский, на твою бледную ногу натягиваемый!

Осип схватил себя за грудь, рванул. Треснула, разошлась грязная голландская сорочка и свежая, еще кровоточащая татуировка сверкнула в свете луны и редких фонарей на его мощной груди: девушка, разрываемая цепями, с надписью внизу:

MEA CULPA

– Жаааждуу!!! – прокатился по спящей Москве дикий крик Осипа.

– Вся кровь Родины в бокал Ярости Нетерпения твоего! Смешай ее со слезами Заложенных тобой да со спермой тобою Опустошенных! А моей Мочой Высшего Служения смой чернила непросохших Черновиков твоих: чай, не чернилами писать тебе, Щегол Неземных Пределов! – прорычала ААА, поднимая рваный подол свой и показывая большие, отвислые, лохматые, грязные гениталии с вывороченными, изъязвленными алыми губищами.

Осип остервенело глянул, скрипнул зубами:

– Дай денег, мраморное тесто!

– Господи! От тебя ли, Сокрушитель Стен, слышать такое?! – всплеснула руками ААА. – Деньги! Это же листья со спиленных дубов Заратустры! Яйца костоеда Гамлета! Фаустовская пыль!

– Дай денег, сестра! Мне разгон нужен! – рывкнул Осип.

– Возьми все, возьми, возьми, возьми! – она стала вынимать из лохмотьев пачки денег и кидать ему.

Осип жадно ловил их широкими сильными ладонями, пихал в карманы:

– Разгон! Разгон! Высокого жажду!

– Все твоё! Все твоё на земле нашей! Бери без оглядки!

– Не привыкли мы с тобой оглядываться, мраморное тесто! Из высшей глины замесил нас Вседержитель не скуделью хрупкой, а Столпами Стальными, его звездное небо подпирающими! Не на кого, кроме Него нам оглядываться!

Засунув последнюю пачку, он яростно огляделся.

– Куда теперь свое высшее тело кинешь?

– В «Берлин»! По рулетке размажусь! Потом к блядам в «Ощипанный

павлин»! Наебусь до рвоты! А уж после – в «Стрельну», всей гоп-компанией – и до утра! Обчитаемся! А утром поползем морду Толстому бить! *Partie de plaisir*, ёбанные мощи!

– Да сколько можно, Оська! Избейте лучше Борьку: он больше королеву не ебет!

– Правда? – осклабился Осип. – *Motu proprio?*

– Не думаю.

– А, тюлень переделкинский! Не все тебе в высокие пизды мычать!

– Избить, избить его надобно! Он нас золотого крючка лишает!

– Борьку не бить, а ебать нужно! Он от запоров чудит... такси! такси! – заревел он, заметив серую «Победу» с белыми шашечками.

Машина объехала по кругу памятник Дзержинскому и остановилась возле них.

– Дружище, сделай милость, помоги! – схватившись за сердце, Осип упал на колени. – Умираю!

Пожилой заспанный шофер вылез из кабины:

– Чего такое, уважаемый?

– А вот чего! – Осип хлестким ударом сбил шофера с ног.

– Оська... ну это же... *mauvais ton!* – хохотнула ААА. Осип схватил старика за седые волосы и стал кровожадно бить головой об асфальт:

– *Ad patres! Ad patres! Ad patres!* Лицо таксиста быстро превратилось в кровавую кашу. Осип бросил его, залез в машину:

– *Finita!* Полгода никого по рылу не бил! Люблю шершавую эстетику! *Уебония furioso!* Поехали к трем вокзалам, вша духовная!

– Оська, я рожаю сегодня.

– Поехали, мраморное тесто! Потом родишь!

– Не могу, *mon cher*, меня наследники ждут! Да и зачем тебе к трем вокзалам? Ты же в казино хотел?

Небритое лицо Осипа сладострастно расплылось, в мутных глазах сверкнули тайные огоньки:

– Знаешь, что такое утренний мужицкий хуй с трех вокзалов?

– Знаю, щегол беспредельный!

– А знаешь, так чего спрашиваешь? Он захлопнул дверцу, выглянул в окно:

– Приходи вечером в «Стрельну»! Я *тюремное* читать буду! Новая книга, ААА! Ради этого и сажился, ёбанный в рот!

– Господь да укрепит рафинад мозга твоего! – перекрестила его она.

Осип сильно, с рычанием потянул носом и сочно харкнул из окна машины. Густой плевок его звучно врезался в холодный асфальт.

– Bonjour, ААА!

Он лихо развернул машину и унесся по улице Кирова.

Переступив через окровавленный труп таксиста, ААА опустилась на колени перед плевком Осипа, светло-зелено выделяющимся на черном асфальте:

– Харкотиной твоей небесной земное убожество уврачуем...

Она тщательно сгребла плевков в горсть, встала и пошла по просыпающейся Москве. Во дворах уже слышались сонные метла дворников, шуршащие по мерзлым мостовым. Милиционеры в белых валенках с галошами и черных полушубках выезжали на свои посты. Серо-голубые машины с горячим хлебом ехали в булочные. Красно-зеленые фургоны везли пахнущие свинцом газеты. Поползли первые трамваи и автобусы.

ААА прошла министерство Речного флота, свернула на Неглинную, дошла до Столешникова, поднялась по нему и оказалась на улице Горького. Первые прохожие сонно смотрели на нее. Некоторые из них опускались на колени и целовали мостовую, по которой прошлепали ее босые ноги. На Пушкинской площади молодая дама в каракулевой шубе и шапке с песцовой оторочкой побежала за ней:

– Благослови, непричастная!

ААА серьезно плюнула ей в лицо.

– Без «Реквиема» твоего спать не ложусь! – радостно растерла дама плевков по лицу.

Возле казино «Минск» двое бледных щеголей оторвали по куску от ее лохмотьев.

– Куды прешь, биядь? – усмехнулся, глядя на нее узкоглазый дворник в чистом фартуке поверх ватника, выходящий с ведром песка из арки своего двора.

– Пшел, татарская морда! – съездил его по широкоскулому лицу худощавый кадет в пенсне и побежал за ААА. – Благословите, великая! Благословите, единственная!

– Хуй на рыло! – ААА побежала напрямик через улицу Горького.

Милицейский «воронок» резко притормозил перед ней, из кабины высунулся розовощекий постовой в ушанке, сунул в рот блестящий свисток и переливисто засвистел.

– Я вот тебе свистну, каналья! – погрозил ему из саней кулаком в белой перчатке Митрофан Владимирович Пуришкевич, едущий из «Яра» на Сретенку к своей любовнице Целиковской.

ААА свернула на Тверской бульвар. Здесь никого не было, лишь две

бездомные лохматые собаки пытались ловить полусонных голубей. ААА дошла до церкви Большого Вознесения, в которой венчался Александр Пушкин, потрогала ступени и приложила руку к ноздрям:

– Дух похоти твоей еще не выветрился, арап тонконогий!

На улице Герцена острая родовая схватка согнула ее пополам.

– Не здесь, Прозерпина... – застонала она, опускаясь на четвереньки.

– Эй, квашня, чего задумалась? – пнул ее разносчик калачей.

ААА с криком приподнялась и, схватившись за живот, побрела вверх по Герцена – к Садовому кольцу. Поравнявшись со зданием Центрального Дома литераторов, она заголила увесистый нечистый зад, сунула указательный палец в заросший калом и полипами анус, вынула и коряво написала по бледно-желтому фасаду здания:

DO UT DES

Пройдя дворами на улицу Воровского, она прошлепала еще шагов пятьдесят и оказалась возле своей роскошной, серо-бежевой виллы в стиле модерн, с садом и обсерваторией на крыше. Шатаясь и крича от боли, ААА подошла к воротам с ажурной решеткой и кулаком нажала кнопку звонка. Ореховая застекленная дверь распахнулась, по парадной лестнице сбежал толстый швейцар в фиолетовой ливрее, отпер ворота и подхватил ААА под руки:

Матушка... матушка...

– Оох! Насилу доползла... – облокотилась на него она своим грузным телом.

На пороге двери показались две дамы. Одна маленькая, невзрачная, в глухом сером платье. Другая очень высокая, худая как палка, затянутая в черное трико, с белым костистым лицом, длинным, похожим на вороний клюв, носом и толстыми очками.

– Господи! Мы уже... Господи! – маленькая дама проворно сбежала по ступеням, подхватила ААА своими маленькими, проворными руками. – И думать боюсь! Господи! Да что же это?!

Высокая опустилась на четвереньки и ловко, по собачьи перебирая длинными руками и ногами, сбежала вниз, завертелась у ног ААА, визжа и лая.

ААА ввели по лестнице в дом, Большая, отделанная орехом, розовым мрамором и медью прихожая была полна подростков. Мальчики и девочки лежали на полу, сидели вдоль стен. Увидя ААА, они зашевелились, вставая.

– Сколько? – морщась от боли в животе, спросила ААА маленькую даму.

– 38, светлая, – доложила та. – Двое ушли, у одной падучая, другого я выгнала.

ААА обвела подростков угрюмым взглядом. Они смотрели на нее с подавленным восторгом, переходящим в страх.

– Осипа выпустили! – объявила ААА.

Вздохи и стоны восторга вырвались у собравшихся.

– Сердце надвое порвал, мучитель сладкий! – перекрестилась маленькая дама и сухонькими ладонями закрыла брызнувшие слезами глаза.

Высокая дама завизжала, заюлила и высоко запрыгала, пытаясь достать зубами люстру. ААА пнула ее и разжала свой грязный кулак с плевком Осипа:

– Причаститесь харкотиной великого! Подростки юными языками потянулись к ее ладони, и через полминуты темная шершавая ладонь опустела.

– Воды, воды, воды! – громким грудным голосом закричала ААА, раздирая лохмотья на пухлой груди.

Швейцар и маленькая дама подхватили ее под руки и повели наверх в опочивальню.

– До полудня рожу, чует сердце! – стонала ААА.

– Рожай, великая, рожай, непорочная... – бормотала маленькая дама.

– Будет ли достойный? Сыщится ли? – трясла тяжелой головой ААА.

– Сыщится, королева, сыщится, Дева Света... – успокаивала дама.

Высокая прыгала по ступеням, обгоняя поднимающихся и восторженно визжа.

В опочивальне было тесно, но уютно; на обитых синим шелком стенах висели портреты Пушкина, Данте, Гумилева и Сталина. Рядом с широкой кроватью с бархатным балдахином стоял полковой походный складень-иконостас, подаренный хозяйке дома командованием Ленинградского военного округа. У окна разместился небольшой красного дерева письменный стол, заваленный книгами и рукописями; в углу возвышалась мраморная ванна на золотых ножках в виде ангелов с крыльями. Ванна была полна воды.

ААА подвели к ванне, она опустилась на колени и с размаху погрузила свою голову в воду. Часть воды вылилась на пол. Высокая прыгнула к ААА и, изогнувшись, стала лизать ее черную пятку.

Маленькая дама пнула ее в худые ребра:

– Отступи, Лидка!

Высокая с воем отбежала в угол и легла на меховую подстилку.

– Великолээпно! – подняла голову ААА. Маленькая дама накрыла ее приготовленным полотенцем, стала осторожно вытирать.

– На кровать, на кровать... – простонала ААА, – уж подступает...

Швейцар и дама подхватили ее, подвели к кровати. ААА завалилась навзничь.

– Ежели в беспамятство провалюсь – жги мне свечей руку, – пробормотала ААА, закрывая глаза. – Хочу наследнику в глаза глянуть. А уж потом – к Господу в подмышки потные...

Маленькая дама сделала знак швейцару Он вышел. Дама присела на край кровати, взяла безвольную тяжелую руку ААА в свои ручки и, склонившись, поцеловала.

– Све-то-но-сец! – проговорила по слогам ААА и, дернувшись всем своим грузным телом, закричала страшным нутряным голосом роженицы.

Кортеж Сталина подъезжал к Архангельскому Здесь, в великолепном дворце, выстроенном еще при Екатерине II, жил граф и бывший член Политбюро ЦК КПСС Никита Аристархович Хрущев, отстраненный от государственных дел октябрьским Пленумом ЦК.

Громадную территорию дворца опоясывал каменный забор с чугунными, в классическом стиле решетками, каждое звено которых украшал родовой герб Хрущевых – пентакль, циркуль и три лилии.

Еще издали, с Ильинского шоссе Сталин заметил свет над черным ночным лесом – сегодня дворец был освещен, 52-летний Хрущев праздновал свои именины.

Кортеж подъехал к воротам, за которыми располагался КПП личной гвардии Хрущева, круглосуточно охранявшей графа. Это подразделение, насчитывающее почти шестьсот человек, состояло из преданных Хрущеву офицеров-капелевцев, выпускников диверсионной школы «Великий Восток» и черкесов прославленной «дикой» дивизии. Оно содержалось графом, было расквартировано на территории его имения и подчинялось исключительно Хрущеву

Из «ЗИМа» вышел генерал Власик с двумя охранниками, приблизился к воротам и сделал знак трем стоящим на вахте черкесам. Бородатые, темнолицые, одетые в долгополые бурки и лохматые папахи с зеленой лентой, они недоверчиво смотрели на подъехавший кортеж и на генерала. Один из черкесов заглянул в каптерку. Вышел капитан в черной каппелевской форме, подошел к воротам, коротко переговорил с Власиком

и скрылся в каптерке – доложить графу

– Вот головорезы! – усмехнулся шофер Сталина, глядя на черкесов. – Что они в Берлине творили... мне, товарищ Сталин, брат рассказывал. У них пытка есть – человека на змею посадить. А в Берлине, как только зоопарк взяли, змей этих – полным полно расплодилось. Ну и, говорит, едем с командующим, глядь – немецкий полковник по земле катается, а черкесы из «дикой» дивизии стоят кружком и смеются. А это они, оказывается, ему в жопу...

– Заткнись, – перебил его Сталин.

Ворота отворились, капитан вышел из каптерки, взял под козырек. Черкесы нехотя приложили смуглые руки к папахам.

Кортеж въехал на территорию поместья. Сразу за вахтой в ельнике виднелись два дота с пулеметами. На высоких соснах смутно различались замаскированные наблюдательные пункты и огневые точки.

Кортеж по плавно изгибающейся дороге подъехал к красиво освещенному дворцу и остановился перед высокой въездной аркой в виде греческого портала с четырьмя колоннами и изящной решеткой ворот. Возле них стояли с автоматами четверо великовосточников в зимних камуфляжных комбинезонах. Ворота стали медленно притворяться, и кортеж въехал во внутренний двор хрущевского дворца, окруженный полукруглой, подсвеченной снизу колоннадой.

«Роллс-Ройс» подкатил к невысокому мраморному крыльцу, Сталин вышел с чемоданчиком в руке и сигарой в зубах.

– Здравия желаю, товарищ Сталин! – выбежал на крыльцо и щелкнул каблуками высокий красавец поручик с аксельбантами. – Прощу вас!

Он распахнул перед Сталиным дверь. Сталин вошел в громадную прихожую залу, сверкающую розовым и белым мрамором, золотом и хрусталем.

– А вас, господа, прошу сдать оружие и расположиться в гостевом флигеле, – обратился поручик к отставшей охране

В прихожей Сталина ждал камердинер графа Алекс – невысокий, чрезвычайно подвижный человек в белом, по случаю торжеств, фраке и с запоминающимся лошадиноподобным лицом.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – быстро кивнул он. – Граф чрезвычайно рад вашему приезду. Они ждут вас в подвале-с. Позвольте ваш саквояж,

– Это останется со мной, – Сталин уверенно направился к подвальной лестнице. – Он что, опять пытается?

– Так точно-с. Пытают-с. – поспешил за Сталиным Алекс. – Позвольте,

проводжу вас.

– А гостей бросил, стало быть?

– Гости давно разъехались.

– Не может быть!

– Граф уже шутили-с по этому поводу, – тараторил Алекс, семеня короткими ногами. – Раньше, говорит, его боялись задерживать, а теперь у него задерживаться бояться.

– Не понял юмора, – зевнул Сталин.

Мраморная лестница, ведущая в подвал, перешла в небольшую площадку со стальной дверью, возле которой стояли двое черкесов. Они по-военному молча приветствовали Сталина и потянули за толстую ручку двери. Толстая тридцатисантиметровая дверь стала бесшумно отворяться, и душераздирающие крики донеслись из полутемного проема.

Сталин шагнул вперед, Алекс остался стоять позади, черкесы закрыли дверь за вождем.

Подвальная тюрьма с пыточной камерой, вырытые еще прапрадедом Хрущева, в XIX веке пришли в полнейшее запустение и были восстановлены и переоборудованы молодым графом сразу после завершения Гражданской войны. Это была анфилада с тремя круглыми помещениями, отделанным простым грубым камнем. В первом размещалась охрана, во втором – тридцать шесть одиночных камер с заключенными, третье было пыточной камерой.

Сталин миновал вахтенную и последовал по неширокому коридору за молчаливым «великовосточником» в черном костюме ниндзя. Крики раздавались все громче. Кричал один и тот же человек: то пронзительно, переходя на обезьяний визг, то нутряным, кабаньим рыком, перерастающим в бульканье и клёкот.

Сталин вошел в ярко освещенный круглый каменный зал со сводчатым потолком. В грубый пол были вмурованы железная кровать, пресс, железное кресло и железная «кобыла», к которой сейчас был привязан за ноги и за руки голый, побагровевший и вспотевший от боли и крика молодой человек. Над хорошо освещенной спиной его склонился граф Хрущев. Рядом стоял столик-инструментарий на колесиках. Палача не было – граф всегда пытал в одиночку.

– Здравствуй, mon cher! – громко произнес Сталин, морщась от крика.

Граф нехотя обернулся:

– Иосиф...

И снова склонился над молодой мускулистой спиной.

Сталин встал рядом, опустил чемоданчик на пол и скрестил руки на

груди.

Хрущев был большим мастером пыток, и мастерство его сводилось к умению избежать крови, вид которой он не переносил. Он подвешивал людей на дыбе, разрывая им плечи, растягивал на «шведской лестнице», пока они не сходили с ума от боли, жег углями и паяльной лампой, давил прессом, медленно душил, ломал кости, заливал в глотки расплавленный свинец. Но сегодня граф уделил внимание своему любимому истязанию – пытке штопорами. Дюжина самых разнообразных стальных штопоров его собственной конструкции лежала на столике, Штопоры были длинные и совсем короткие, с двойными и тройными спиралями, сложными ручками на пружинах, самоввинчивающиеся и замедленного действия. Граф так умел вводить их в тела своих жертв, что ни одной капли крови не выступало на поверхности тела.

Из спины несчастного уже торчали две стальные рукоятки: один штопор был ввинчен ему в плечо, другой в лопатку. Руками в резиновых перчатках граф медленно поворачивал рукоятки, вводя глубже беспощадный металл.

Сталин искоса посмотрел на него.

Граф Хрущев был горбат, а поэтому невысок, с тяжелым продолговатым лицом, стягивающимся к массивному носу, напоминающему клюв марабу. Умные пронизательные глаза влажно шевелились под кустистыми, с проседью, бровями. Седые длинные волосы были идеально подстрижены. В большом ухе неизменно сверкал бриллиант. Цепкие сильные руки доходили графу до колен. На Хрущеве был брезентовый фартук, из-под которого выглядывала белоснежная сорочка с длинными, обтягивающими запястья манжетами и изумительными запонками в форме жуков скарабеев, сделанных Фаберже из золота, сапфиров, бриллиантов и изумрудов.

Граф неожиданно резко повернул оба штопора. Юноша взвизгнул и потерял сознание.

– Пределы... пределы... – сосредоточенно пробормотал граф и бросил на Сталина быстрый взгляд. – Что ж ты так поздно?

– Извини, топ cher, дела. Поздравляю тебя

– Подарок? – глянул граф на чемоданчик.

– Подарок здесь, топ cher, – Сталин с улыбкой положил руку себе на левую сторону груди.

– В сердце?

– В кармане. Но здесь я тебе его вручать не буду.

– Aber natürlich, mein König, – граф поднес к ноздрям юноши пузырек

с нашатырным спиртом. Юноша лежал неподвижно.

– Пределы... – граф стал лить нашатырь юноше в ухо. – В принципе, все определяется только пределами. Все, и во всем.

– Кто этот парень? – спросил Сталин, раскуривая потухшую сигару

– Актер из моей труппы.

– Плохой?

– Великолепный. Лучший Гамлет и лучший князь Мышкин Москвы. Я никогда так не плакал и не смеялся... Мейерхольд все тянул его к себе.

– А ты?

– А я положил ему такой оклад, который ни один Мейерхольд не сможет дать.

– И... за что же ты его?

– В смысле?

– Ну, за что ты его пытаешь? – Сталин с наслаждением выпустил сигарный дым.

– Я никогда не пытаю *за что-то*, Иосиф. Я говорил тебе. И не раз.

Юноша дернулся всем своим прекрасным телом.

– Вот и славно, – граф погладил его по мокрой от пота и слез щеке и взял со столика большой штопор со сложной толстой спиралью.

– К пятидесяти годам я понял, что самый важный орган у человека – это печень, – заговорил граф, примеряясь. – Чистота крови – вот что важно для хорошего здоровья. Большинство наших болезней происходят из-за ослабленной функции печени, которая плохо фильтрует кровь. И вся дрянь не оседает в печени, а гнусно булькает в нашей нечистой крови. А кровь, – он ловко воткнул штопор юноше в область печени, – это, как говорил Гиппократ, «начало всех начал».

Юноша дико закричал.

– Да ведь не больно еще, чего ты вопишь? – с сосредоточенным лицом налег на рукоятку граф.

Широкий, многослойный винт штопора стал медленно входить в трепещущее тело. От крика у Сталина засвербило в ушах. Он отошел, разглядывая орудия пыток.

– Предел, предел... как поворот винта... – бормотал Хрущев.

Сталин потрогал стальные цепи дыбы, затем подошел к железному креслу с вмонтированной внизу жаровней для поджаривания жертв и сел на него, закинув ногу на ногу.

Агония охватила тело юноши. Он уже не кричал, а конвульсивно дергался; глаза закатились, из красивого чувственного рта капала слюна.

– У тебя бы Шипов давно заговорил, – произнес Сталин. – А у Берии

он уже неделю молчит.

– Шипов? Сергей Бенедиктович? – граф, внимательно прислушиваясь, поворачивал штопор, как поворачивает ключ на колке настройщик рояля. – На этого достойнейшего джентльмена у меня никогда не поднялась бы рука. И вообще, Иосиф. Должен заметить тебе, что ваше «дело банкиров» – колосс на глиняных ногах, Центробанк давно вышел из-под контроля партии, я об этом не раз говорил и боролся с его монетаризмом всеми доступными способами. Но то, что вы делаете с Лаврентием – не только некорректно, но и стратегически опасно. Авторитет партии и так подорван историей с Бухариным, а вы... – Хрущев вдруг замолчал, потрогал сонную артерию юноши. – Вот и все, мой строгий юноша.

Он стал громко сдирать резиновые перчатки со своих больших рук.

– А мы? – напомнил ему Сталин.

– А вы подрываете и расшатываете партию еще сильнее. И отпугиваете от нее уже не только аристократов, но и буржуа. Пошли наверх... фондю есть.

Хрущев снял с себя фартук и размашистой походкой орангутанга двинулся к выходу.

– В тебе сейчас говорит твоя голубая кровь, – Сталин с чемоданчиком и сигарой в ровных зубах последовал за ним.

– Она во мне всегда говорила. И когда я семнадцатилетним вступил в РСДРП. И когда под Царицыным косил из пулемета конную лаву Мамонтова. И когда вместе с тобой боролся с Троцким и его бандой. И когда мерз в осажденном Ленинграде. И когда подписывал мирный договор с Гитлером. И когда видел атомный гриб над Лондоном. И когда душил басовой струной подлеца Тито. И когда у тебя на даче топил в ванне жирного Жданова. И когда, – он резко обернулся и остановился, – летел из Фороса на ваш октябрьский Пленум.

Сталин подошел к нему. Они молча смотрели в глаза друг другу.

– Моп аті, партия – не место на трибуне мавзолея, – проговорил Сталин.

– Но и не братская могила в Бутово, – ответил Хрущев. – Знаешь какая там земляника растет? Во!

Он поднес к холеному сталинскому лицу свой костистый волосатый кулак.

– Партия карала, карает и будет карать, – спокойно, не глядя на кулак продолжал Сталин. – В больших крестьянских странах вероятность энтропии обратно пропорциональна количеству убиенных. Великий Мао понимает это. Я тоже.

– Вовсе не обязательно распространять этот закон на банкиров– Их в сто раз меньше, чем крестьян.

– Моп аті, мы можем открыть еще пять тысяч героаптек и десять тысяч кокскафе, но это ни на йоту не укрепит гарантию нашей безопасности. Страна кишит врагами. И басовым струнам все равно кого душишь.

– Иосиф! – разочарованно вздохнул граф и двинулся вверх по лестнице. – Я всегда знал, что ты великий эмпирик масс и не очень дальновидный стратег.

– Я тебе в затылок за эти слова не выстрелю, – проговорил сзади Сталин.

– Только попробуй! – засмеялся Хрущев. – У меня во дворце тридцать восемь пулеметных гнезд. А на крышах – огнемечики.

– Пулемет – не самый веский аргумент в современной войне, – усмехнулся Сталин. – А огнемеч – вообще декоративное оружие...

Из гостевой залы они поднялись на бельэтаж, миновали анфиладу просторных залов, обустроенных в богатом, но строгом классическом стиле, и вошли в парадную столовую. Это был огромный зал в коричневатых тонах, с окнами на террасу обставленный немногочисленной ореховой мебелью, китайскими вазами и античными скульптурами. Главную стену столовой украшали два полотна Тьеполо – «Встреча Антония и Клеопатры» и «Пир Клеопатры». Длинный стол на шестьдесят человек был богато и со вкусом сервирован. На столе лежала только легкая закуска, сыры, фрукты и две тарелки с приборами на противоположных концах. Как из-под земли появился неизменный телохранитель Хрущева монгол Аджуба с непроницаемым лицом, литыми мускулами и двумя револьверами на узких кожаных бедрах. Он встал за спиной графа, скрестив тяжелые руки на груди.

– Voila! – граф жестом пригласил Сталина. – Сегодня здесь было не очень весело. Надеюсь, хоть ты развлечешь затворника.

Сталин достал из внутреннего кармана изумительную бриллиантовую заколку в форме совокупляющихся эльфов и протянул ее графу:

– Позволь, моп cher аті, сим скромным куском неживой материи приветствовать тебя в день твоих славных именин.

– Благодарю, Иосиф.

Они трижды, по-русски, расцеловались.

Слуги внесли четыре серебряные кастрюли с горелками для фондю, белое вино, мелко нарезанный швейцарский сыр, золотые спицы, чеснок и оливковое масло.

– Прелестно, – Хрущев бегло разглядел заколку и небрежно нацепил ее на ворот своей сорочки. – Выпьем.

Слуга наполнил шампанским два бокала.

– За тебя, *mon cher*, – поднял бокал Сталин.

– Нет, нет, – покачал головой граф. – Мои именины прошли. Утро. И посему я хочу выпить за одно твое удивительное качество, которому всегда завидовал.

– Неужели во мне есть что-то, способное вызвать твою зависть? – улыбнулся Сталин.

– Есть, Иосиф. Твое умение жить настоящим.

– Первый раз слышу!

– Да, да. Николай II умел жить прошлым, Ленин – будущим. А ты – живешь настоящим. Живешь полной грудью. И вместе с тобой живет настоящим советский народ.

Сталин серьезно посмотрел во влажные, глубоко посаженные глаза Хрущева. Они чокнулись и выпили.

Слуги, между тем, проворно готовили фондю – топили сыр в кипящем вине, быстро размешивая его специальными ложками.

Двое охранников подземной тюрьмы внесли на мраморной доске отрубленный торс только что умершего юноши. Торс сочился парной кровью. Повар с ножом и двузубой вилкой склонился над ним и вопросительно посмотрел на графа.

– Вырезку. На уровне почек, – приказал Хрущев. Повар принялся вырезать из торса два узких куска.

– *Cela vaudrait le coup d'aller a Archangelskoe pour gouter une vrai fondue!* – засмеялся Сталин, садясь за стол. – Я, признаться, только что поужинал.

– *Мое фондю я готов есть в любое время суток*, – граф сел на противоположный конец стола. – Такого в *вашем* Кремле не попробуешь... Опять, небось, свинину ели? Или этих дурацких рябчиков в сметане?

– *Mon cher*, ты культивируешь в себе желчь.

– Я культивирую в себе гастронома. У вас не осталось ни одного хорошего повара. Ежов и Берия пересажали всех.

– Приходи к нам на 8-е марта. Будет прекрасный французский стол. И куча дам, которых ты так не любишь.

– Дважды в кремлевскую воду не входят... Расскажи лучше про эту амнистию.

– По «ленинградскому делу»?

– Да. Что это за метания? Вы полагаете, что ждановское

противопоставление убогих ярмарок продовольственным советским магазинам не было ошибочным? И Вознесенский не занимался промышленным вредительством?

Сталин осторожно стряхнул пепел с сигары в аметистовую пепельницу:

– Вознесенский действительно был вредителем и работал на англичан. А насчет ярмарок для народа у Политбюро мнение изменилось.

– Вот как? – притворно поднял брови граф. – Значит, ждановские ярмарки – не реставрация лапотной Руси?

– В них было много действительно лапотного, архаического... эти показательные казни на Сенной, четвертования, битье батогами... массовые совокупления на льду... Но. Сама идея устройства зимних ярмарок не была антисоветской.

– Гениально! – Хрущев ударил своими костистыми ладонями по столу и длинный, черного дерева стол угрожающе загудел в гулком и прохладном пространстве зала. – Ленин и Сталин освободили забитого русского человека, сделали внутренне и внешне свободным! Но счастье ему обеспечат не медикаментозные разработки наших химиков, а коллективные пляски, свальный хлыстовский грех и поклонение Перуну на Сенатской площади! «Припадем к корням и напьемся древней радости предков!» Эту бухаринскую крамолу раньше протаскивали Жданов и Постышев. А теперь кто? Маленков?

– Маленков здесь ни при чем.

– А кому же пришло в голову амнистировать «ленинградцев»?

– Мне.

Хрущев тяжело посмотрел на него. Сталин ответил спокойным немигающим взглядом. Хрущев отвел глаза в сторону повара и слуг:

– Ну и что?

– Все готово, ваше сиятельство, – выпрямился бритоголовый повар.

– Подавай.

Вмиг перед Сталиным и Хрущевым были поставлены кастрюли с кипящим оливковым маслом и нехотя булькающим расплавленным сыром, тарелки со специями и с мелко нарезанной человечиной.

Хрущев воткнул спицу в кровавый кусок, быстро обжарил его в масле, затем посыпал свежемолотым перцем, обмакнул в сыр, отправил в рот и сразу же запил добрым глотком ледяного «Chateau Rieussec». Сталин выбрал небольшой кусочек человеческой вырезки, обжарил в масле, sprыснул лимоном, долго и неторопливо окунал в тягучий сыр, вынул, покрутил спицей в воздухе, остужая, и так же не спеша поднес к губам и

попробовал:

– Ммм... Incroyable.

Некоторое время они ели и пили молча.

– Значит, Жданов тоже будет реабилитирован? – спросил Хрущев.

– Возможно... – Сталин любовался мясом, стремительно меняющим свой цвет в кипящем оливковом масле. – Послушай, mon ami, я давно тебя хотел спросить: почему ты не держишь собак?

– Я не люблю животных, – сухо ответил Хрущев.

– Странно. Такой гедонист – и не любит животных.

– Я не гедонист, – граф зло посмотрел на Сталина.

– Еще одна новость! А кто же ты, mon cher?

– Раб Сталина, – угрюмо процедил граф, открыл рот, вывалил свой мясистый, с беловато-желтым налетом язык и, закатив глаза, завибрировал им, издавая низкий гортанный звук.

Сталин замер с золотой спицей в руке. Тонкие пальцы его разжались, спица с нанизанным куском сырой человечины упала ему на колени, соскользнула на пол и завертелась на блестящем паркете. Голова вождя дернулась назад, пальцы вцепились в стол и после долгого приступа хохота хрипло-пронзительное «Ясаух пашо!» разнеслось по пустынным залам дворца.

ААА разродилась к восьми утра. Она лежала, подплывая кровью, на своей громоздкой кровати с поднятым к потолку балдахином и слезящимися глазами смотрела на плод – черное матовое яйцо, чуть меньше куриного, покоящееся на ладонях коленопреклоненной маленькой дамы. Большая дама, посаженная на цепь возле ванны, билась и надсадно выла, чуя нехорошее. Роды были смертельны для ААА. Жить ей оставалось не долго. Кровь сочилась из ее развороченной матки, и не было на земле силы, способной остановить ее. Швейцар, опустившись на колени, беззвучно плакал.

– Зовите... пускай попытаются... – прохрипела ААА. Швейцар неловко поднялся с колен и вышел к собравшимся подросткам:

– Ступайте...

Подростки стали робко подниматься по лестнице.

– Только по одному... по одному... – хрипела ААА.

– По одному, – высморкался в кулак швейцар и угрюмым Цербером встал в дверях спальни.

Первым вошел толстый веснушчатый мальчик.

– Как звать? – спросила ААА,

– Роберт... – произнес мальчик и, увидя черное яйцо, оцепенел от ужаса.

– Давай, Роберт. Первому всегда легче... – она прикрыла веки.

Но ужас прижал мальчика к стене. Пухлое лицо его побелело, губы стали серыми. Выпученные глаза вперились в яйцо. На зеленых брюках проступило пятно и под начищенным до блеска ботинком показалась растущая лужица.

– Ну, что... что же ты... – прошептала ААА.

– Он обмочился, – ответила маленькая дама. ААА открыла глаза.

– Я бэ-бэ-бэ... я не-не-не... – заговорил Роберт, трясая головой.

– Пошел вон, – сказала ААА.

– Но я го-го-го... я го-го-го...

– Пшел! – прохрипела ААА.

Пятясь, он вышел.

Следующим вошел лохматый щербатый парень в истертой вельветовой куртке со значком ГТО. С решительным лицом шагнул он к ААА, но, увидя яйцо, вскрикнул и закрылся руками.

– Вон! – выдохнула ААА.

Третьей была девочка в школьной форме с белоснежным накрахмаленным фартуком и комсомольским значком. Взглянув на яйцо, она вздрогнула всем телом и, прижав пальцы с обкусанными ногтями к потрескавшимся губам, произнесла, словно разубеждая себя:

– Нет.

Маленькая дама протянула ей руки с яйцом.

– Да нет же! – засмеялась девочка, пятясь, словно ходячая кукла.

– Вон! – скомандовала ААА.

Ухватистая рука швейцара выволокла девочку за дверь. Послышалось ее громкое рыдание.

Четвертого мальчика вырвало на туркменский ковер. Пятый рухнул навзничь, гулко стукнувшись головой о край ванны. Впавшего в истерику шестого кулаками успокаивал швейцар. Седьмая наложила в шерстяные рейтузы. Восьмого и девятого бурно рвало. Одиннадцатого снова бил швейцар.

– Не вижу! Никого не вижу, блядская мать! – хрипела ААА, откидываясь на мокрую от смертельного пота подушку. – Неужели засохнет живой корень?!

Наконец в заблеванную, пахнущую кровью и мочой спальню вошли последние трое: двое мальчиков вели под руки худенькую девочку с изуродованными полиомиелитом ногами, засунутыми в уродливые,

скрипящие ботинки.

– Кто? – спросила ААА.

– Белка, – ответила бледная девочка.

– Женя, – пробормотал белобрысый горбоносый мальчик.

– Андрюха... – с трудом разлепил маленькие узкие губы другой.

– Почему все?

– Непричастная, можно мы втроем? – девочка прижала малокровные руки к груди и забормотала, захлебываясь своим страхом. – Одному... одному великое наследие принять надо, это конечно... это святое... но друг... друг рядом... друг и гад, друг и гад... ведь мои друзья... друзья мои... уходят... и друг ведь рядом... друг... он не уйдет... легко принять за остроту ума... если... если... если...

– Что у тебя на ногах? – спросила ААА.

– Это... котурны, – улыбнулась девочка кривой, затравленной улыбкой обезьянки.

– «Красный скороход» не выпускает котурны, дура, – мрачно смотрела на нее ААА. – Чего стоите? Ну?!

– Женька... Женька... Женька... – девочка оттолкнулась от парней и, скрипя ботинками, сделала шаг к яйцу. Затем второй.

На третьем ужас согнул ее пополам, и она рухнула на заблеванный ковер.

Горбоносый парень уперся руками в свои худые бока и изо всех сил подтолкнул себя к яйцу. Ноги его, словно пораженные параличом, с невероятным усилием перенесли трепещущее тело на полметра вперед, но голова стала запрокидываться назад, изо рта потекла слюна, и Женька повалился навзничь, забился на полу.

Оставшийся мальчик с круглым лицом и тонкими губами стоял, прижавшись к стене и закрыв глаза.

– Нет... не вижу. Никого не вижу. О блядские матери и подлые отцы! – с тоской простонала ААА.

Стон ее словно подтолкнул Андрюху. Как сомнамбула, с закрытыми глазами двинулся он вперед, дошел до ладоней коленопреклоненной дамы, уперся в них животом и остановился. Маленькая дама с мольбой посмотрела на него и стала медленно поднимать ладони с яйцом. Но по мере приближения их к круглому лицу Андрюхи, мелкая дрожь стала охватывать его тело, словно через него пропустили электрический ток. Зубы мальчика намертво сжались, из носа потекла кровь, испарина выступила на побелевших щеках. Он всхлипнул, неловко взмахнул руками, обхватил голову скрюченными пальцами и громко выпустил газы.

– Вон! Вон! Всех вон! – зарыдала ААА. – Боря прав! Боря прав, свиньи!

Швейцар принялся выволакивать подростков.

– Никого! Во всей империи – ни одного восприемника!

– Что же будет, Господи? – простонала маленькая дама.

– Разорвется цепь золотая, – ААА бессильно посмотрела в потолок. – Будете прыгать по земле, как блохи, и не знать, что такое звезды...

Высокая дама залаяла и забилась, кусая свои голенастые ноги.

Дверь скрипнула, приотворившись, и в спальню вполз маленький толстый мальчик.

– Что? – открыла глаза ААА.

– Он в тряпках прятался, – запоздало пояснил швейцар. Мальчик встал. Он был рыжим, с отвратительным красным лицом; большие водянистые глаза близко сидели возле толстого мясистого носа; из отвислых мокрых губ торчали неровные зубы.

– Кто ты, обмылок? – спросила ААА.

– Иосиф, – ответил мальчик неприятным фальцетом.

– Откуда?

– Из Питера.

– Чего тебе надо?

Мальчик без признаков страха посмотрел на яйцо, шмыгнув носом:

– Я хочу.

ААА и маленькая дама переглянулись. Большая дама перестала скулить и замерла. Швейцар напряженно подглядывал в дверную щель.

Яйцо матово чернело на маленьких женских ладонях.

Мальчик подошел, опустил на колени. Его уродливое лицо нависло над ладонями. Он открыл большой как у птенца рот и проглотил яйцо.

– Свершилось! – произнесла ААА сдобным как филипповская булка голосом и облегченно вытянулась на мокрой от крови кровати. – Подойди.

Мальчик подполз к кровати, на коленях.

ААА положила ему на рыжую голову свою тяжелую грязную руку:

– Те, кто пытался, будут просто рифмовать. А ты станешь большим поэтом. Ступай.

Мальчик встал и вышел из спальни.

– Мне пора домой, – произнесла ААА и навсегда закрыла глаза.

Белка, Женя и Андрюха оторопело стояли неподалеку от особняка ААА, когда маленький и толстый Иосиф вышел из ворот. Они посмотрели на него и по его еще более красному, беспокойно-невменяемому лицу

поняли что произошло. Опустив выпученные глаза, он осторожно обошел их и побежал прочь на коротких ногах.

– Все... – бессильно опустила худые руки Белка. – Иосиф сожрал.

– Блядь! Как везет этому рыжему, – закусил губу Женя.

– Не завидуй другу, если он богаче... – упавшим голосом пробормотал Андрюха, провожая Иосифа тоскливым взглядом.

– Боже, за что мне... за что мне все это... – захромала Белка.

– Поехали ко мне портвейн пить, – двинулся за ней Женя.

– Я не смогла... это все... это все... нет! Господи! Это все не со мной! – Белка обхватила лицо руками. – Это сон какой-то! Это все не со мной происходит! Я сплю!

– Успокойся, ну что ты... – взял ее за локоть Женя.

– Может это... и не так важно... – бормотал, идя за ними, бледный Андрюха. – Надо... поверь в себя... начни с нуля...

– Мы сильные, Белка, – обнял ее Женя, – мы сами сможем.

– Боже, какие вы мудаки! – вырвалась она и захромала быстрее. – Сами! Они – сами! Вы не понимаете! Не понимаете, что случилось сегодня! Вы даже не понимаете этого! И никогда не поймете!

Слезы брызнули из ее глаз. Рыдая, она шла по улице Воровского, громко скрипя ортопедическими ботинками. Редкие прохожие смотрели на нее.

– Белка, послушай... – поспешил за ней Женя, но Андрюха остановил его:

– Оставь ее. Пошли выпьем...

Они двинулись к Садовому Сзади раздался свист. Друзья обернулись. К ним подошел очень высокий парень в модной спортивной куртке с надписью «ATLANTA», с португальской сигариллосс в красивых и наглых губах. В руках он держал потертый спущенный мяч для регби на толстой резинке. Парень лениво, но умело бил по мячу ногами в китайских кедах, мяч метался на резинке во все стороны, пугая прохожих.

– Здорово, чуваки! – усмехнулся краем рта парень.

– Здорово, Васька, – уныло вздохнул Андрюха,

– Дай закурить, – прищурился Женя.

– Последняя, – Васька забросил мяч за спину. – Ну как?

– Иосиф сожрал, – выдохнул Андрюха.

– Во бля! – замер Васька. – Кто б подумал? А что ж Боб?

– Твой Боб просрался, – сплюнул Женя, устало потер лоб. – Блядь, голова болит.

– Погоди, погоди, погоди, – забормотал вдруг Андрюха. – Можно вот

еще... вот еще что...

– Чего? – сонно спросил Женя.

– Грабить и убивать.

Женя и Васька переглянулись. Андрюха напряженно молчал, глядя себе под ноги. В глазах его показались слезы, потекли по серым щекам, закапали на мостовую.

– Да ну, чуваки... – повел спортивными плечами Васька. – Я вам давно говорил: надо лабать джаз, А все остальное приложится.

– Засунь себе в жопу сакс, мудило! – выкрикнул Андрюха и, всхлипывая, пошел прочь.

Женька догнал его только возле Тишинского рынка. – Андрюх... – повис он на его плече. – Ну, ты и разогнался. Прямо как Скобликова... ну, постой же!

– Чего тебе? – повернул к нему зареванное лицо Андрюха.

Женька никогда не видел Андрюху плачущим и поспешил отвести свои быстрые глаза:

– Пошли... это... пошли по пиву вмажем! Я ставлю. Андрюха высморкался на тротуар, вытер лицо рукавом, угрюмо глянул на облупившиеся ворота рынка:

– А где здесь пиво?

– Там, за углом, возле «Утильсырья» баварцы торгуют, – оживился Женька, хватая его за руку. – Пошли!

Они вошли на рынок.

Несмотря на ранний час, здесь уже толпился народ, торгующий чем попало: поношенной одеждой, домашними животными, трофейным оружием, детьми, грязным кокаином, бананами и радиодетальями.

– Виноградную косточку в теплую сперму зароооою! – пел безногий лысый солдат, подыгрывая себе на мандолине.

Напротив вонючего павильона «Утильсырье» стояла объемистая цистерна с баварским пивом «Hacken-Pschorr». Толстый немец наполнял литровые кружки, два других жарили на электроплите свиные сардельки.

Женька протянул баварцу десятку, взял две мокрые, истекающие пеной кружки, протянул одну Андрюхе:

– Держи. Пошли на голубей глянем. Андрюха рассеянно принял кружку и уставился на нее, словно никогда прежде не пил пива.

– Ты чего? – непонимающе оттопырил губу Женька. – Не любишь баварское?

Андрюха вздрогнул и жадно припал к кружке. Ополовинив ее, он

шумно выдохнул и с облегчением произнес:

– Ништяк.

Женька подмигнул ему, усмехнулся:

– Ну вот. Все путем, старик. На ААА свет клином не сошелся. С другого бока поднапрям, Андрюха. Мы еще их заставим сосать крутым кипятком. А?

Андрюха повернул к нему опухшее лицо, задумался и криво улыбнулся:

– Заставим.

Женька бодро подхватил его под руку, повел в проход между павильонов:

– Сейчас на малаховских турманов глянем. Знаешь, я на них спокойно смотреть не могу – сразу... как-то... ну, не знаю... слов не хватает объяснить... ярко как-то на душе... волна прет... законно как-то...

Но не успели они выйти из заплеванного прохода, как дорогу им преградили три угловатые фигуры.

– Мальчики, а вам мамочка разрешила пивко сосать? – ощерилась фигура в центре, и по ледяным глазам, стальной фиксе и перебитому носу друзья к ужасу своему узнали Крапиву – пахана зловещей Лианозовской шпаны, наводящей ужас на московские танцплощадки и литературные кафе.

– Они, небось, и не спросили у мамы, – грустно заметил бритоголовый Генрих-Вертолет, поигрывая кастетом. – Ребята, так комсомольцы не поступают.

– Генрих! – укоризненно сплюнул широкоплечий Холя. – Они же еще пионеры. А пионерам – пиво положено по уставу. Чтобы учились сосать по биссектрисе.

Женька и Андрюха попятились.

– Дай закурить, продажная тварь! – сзади Женьку слегка ткнули финкой в задницу

Он обернулся. Позади стояли Севка-Мямля и Оскар-Богомаз.

– Да чего вы, ребят, в натуре... – забормотал было Женька, но татуированные руки Оскара уже полезли к нему в карманы, обшарили, вытянули двадцатку, последний сборник стихов ААА и полпачки «Казбека».

– Всего ничего... – Оскар передал деньги Крапиве, папиросы забрал себе, книжку швырнул на землю.

Севка-Мямля взял из рук Андрюхи кружку и стал не спеша лить пиво ему на аккуратно подстриженную голову:

– Пиво, пиво, пиво, пиво, пиво, пиво. Пиво текло. Кто первым написал про антимир?

– Ты, – ежась, ответил Андрюха.

– Молодец, – Севка поставил пустую кружку ему на голову – Ты не Гойя. Ты – другое.

– Давай голенища из собственной кожи! – Холя слегка ударил Женьку кастетом поддых. Женька согнулся, упал на колени,

– Лунная соната! Исполняется на балалайке» – проревел Генрих ему в ухо.

– Аида китайцев потрошить, – скомандовал Крапива, и лианозовцы растворились в толпе.

Хрущев медленно раздевал Сталина, лежащего на огромной разобранной кровати. В спальне графа было светло – три канделябра освещали стены, обитые сиреневым шифоном, с тремя большими портретами в резных позолоченных рамах. На центральном серо-розовоголубом, кисти Пикассо, была изображена Лариса Рейснер, сидящая в золотой ванне с молоком; на висящих симметрично по бокам – Сталин и Ленин, написанные Бродским в классическом стиле, в красно-коричнево-синих тонах. Из радиоприемника приглушенно доносилась трансляция оперы Амбруаза Тома «Миньон». В камине потрескивали березовые поленья.

– Этот запах твоего одеколona... – Сталин гладил смуглую скулу Хрущева. – Я еще не устал сходить от него с ума.

– Я рад, мальчик мой, что хоть чем-то способен удивить тебя, – Хрущев полностью расстегнул сорочку Сталина, раздвинул своими волосатыми цепкими руками нежнейший шелк и припал губами к безволосой груди вождя.

– Мое чувство к тебе, топ аті, не похоже ни на что, – закрыл глаза Сталин. – Это... как страх.

– Я понимаю, мальчик мой .. – прошептал Хрущев в маленький сталинский сосок и осторожно взял его в свои большие чувственные губы.

Сталин застонал.

Хрущев осторожно расстегнул ему брюки, сдвинул вниз полупрозрачные черные трусы, выпуская на свободу напрягшийся смуглый фаллос вождя. Послюнив пальцы, граф принялся ими нежно тереть сосок Сталина, а сам двинулся губами вниз по телу вождя – к наливающемуся кровью фаллосу.

– О... как часто я думаю о тебе... – бормотал Сталин. – Как много

места занял ты в моей беспредельной жизни...

– Masculinum... – губы графа коснулись бордовой головки.

Сталин вскрикнул и схватил руками голову Хрущева. Губы графа сначала нежно, затем все плотоядной стали играть с головкой вождя.

– Спираль... спираль... – стонал Сталин, впиваясь пальцами в длинные серебристые волосы графа.

Сильный язык Хрущева стал совершать по сталинской головке спиралевидные движения.

– Знаешь... милый... нет... сасе... я... но нет... кончик! кончик! кончик! – бился на пуховых подушках Сталин.

Язык графа осторожно коснулся кончика головки и стал раздвигать мочеточный канал.

– Но... нет... не давай! Не давай мне! – закатывал глаза Сталин.

Хрущев сильно сжал подобравшиеся яйца вождя

– Чтобы не хлынуло... ооо... прикажи! Прикажи мне по-старому! Но нежно! Только нежно!

– Дай мне попochку, сладкий мальчик мой, – мягко приказал Хрущев, цепко держа Сталина за яйца. Всхлипывая, Сталин перевернулся на живот:

– Мальчик боится... поцелуй спинку...

– Поцелуем мальчика в спинку... – Хрущев сдвинул сорочку со сталинских плеч и стал покрывать их медленными поцелуями.

Сталин стонал в подушку.

Хрущев поцеловал его взсос между лопаток, дотянулся губами до уха, прошептал:

– Чего боится мальчик?

– Толстого червяка... – всхлипывал Сталин.

Где живет толстый червяк?

– У дяди в штанах.

– Что хочет червяк?

– Ворваться.

– Куда?

– Мальчику в попку

Хрущев расстегнул свои брюки, достал длинный неровный член с бугристой головкой, на блестящей коже которой был вытатуирован пентакль. Граф плюнул себе в ладонь, смазал плевком анус Сталина и, навалившись сзади, мягкими толчками стал вводить свой член в вождя.

– Ты уже... дядя... нет... по-нежному! по-нежному! – забормотал Сталин.

– Сладкий мой оловянный солдатик... – шептал Хрущев ему в ухо,

– Зачем... мучения... ооо... зачем людям это... – кусал губы Сталин.
– Чтобы забывать... чтобы все забывать, мальчик мой... Член графа целиком вошел в анус Сталина. Сжимая левой рукой яйца вождя, граф взял правой рукой его за член и стал не быстро мастурбировать.

– Ты... это... ты... – замычал Сталин. – Что дядя делает с мальчиком?

– Дядя ебёт мальчика в попку, – жарко шептал Хрущев.

– Как? Как? Как?

– Сладко...

– По приказу? Ведь по приказу же... по четкому...

– По четкому приказу

– Дядя приказал? – всхлипывал Сталин.

– Приказал. Четко приказал...

– И еще прикажет?

– И еще прикажет... сотни миллионов раз прикажет дядя мальчику...

– Что? Что? Что?

– Прикажет... но не сразу...

– Как? Как? Как?

– Постепенно... постепенно... постепенно...

– Но... но... мальчик уже... мальчик уже...

– Что, мальчик?

– Мальчик готов... он уже... уже...

– Будет приказ... будет приказ...

– Мальчик уже... мальчик уже... подноси! Подноси, вредитель!

Обнимая сзади Сталина, Хрущев перевалился с ним на бок на край кровати.

– Аджуба! – срывающимся голосом позвал граф. Появился Аджуба с золотым потиром, украшенным шестью крупными сапфирами. Опустившись на колени возле кровати, он поставил потир под багровый член Сталина.

– Приказ мальчику: кончай! – прорычал Хрущев. Они кончили одновременно, с криками и стонами. Аджуба ловил потиром густые порции сталинской спермы.

– Не поехал! Не поехал! – закричал Сталин высоким голосом.

– Да! Да! Да! – рычал граф, дергаясь всем телом и вгоняя член в трепещущий зад Сталина.

Когда агония оргазма спала, любовники замерли в полуобмороке.

Аджуба продолжал держать потир, внимательно наблюдая за вянущим, роняющим последние мутные капли членом Сталина.

– Вечное возвращение... симбиоз... – пробормотал Сталин и

засмеялся.

– Я люблю тебя, – устало прохрипел Хрущев в напмаженные волосы вождя.

Сталин взял его руку, поднес к губам и поцеловал. Хрущев стал осторожно вынимать свой член из ануса вождя.

– Останься, прошу тебя, – Сталин целовал его костистые пальцы со слишком выпуклыми ногтями. – Твоя сперма горячая. Как лава. Ее невероятно приятно чувствовать внутри себя...

Хрущев замер.

Аджуба поймал краем потира последнюю, самую тягучую каплю, поставил потир на заваленную книгами тумбочку и вышел.

– Ты много читаешь? – взгляд Сталина упал на книги.

– А что еще делать затворнику?

– Я забыл, что такое книга.

– Вождю простительно.

– Есть интересные писатели?

– Есть. Но нет интересных книг.

– В каком смысле?

– Понимаешь... что-то происходит с русской литературой. А что – я пока не могу понять.

– Она гниет? – Наверно.

– Ну так, мы все гнием. Как только человек перестает расти, он начинает гнить.

– Книга – не человек.

– Ты хочешь сказать, что книги не гниют?

– Ты софист, Иосиф! – засмеялся Хрущев, и его уменьшившийся член вывалился из ануса Сталина.

– Что это... «Один день Ивана Денисовича»? – прочел Сталин название рукописи, лежащей на полу возле кровати.

– Денисовича, – поправил его Хрущев, в изнеможении переворачиваясь на спину – Это повесть одного странного типа. Принес мне ее. Пешком шел в Архангельское из крымских лагерей принудительной любви,

– Из LOVEЛАГА?

– Да. Сказал, что в дороге сносил четыре пары сапог. Я сразу усомнился.

– Он сидел там? – Сталин взял с золотого блюда гроздь винограда, оторвал виноградину, вложил в губы Хрущева.

– Да. Кажется, лет семь. Потом в ссылке был, в Коктебеле. Ну, и

написал повесть. О быте в LOVEЛАГЕ.

– Я слышал, сейчас многие бросились писать на эту тему. Злоба дня. Интересная повесть?

– Странная... Написано будто бы живо и достоверно, но... в ней что-то изначально фальшивое.

– Расскажи, – Сталин с удовольствием ел виноград.

– Да что, собственно, рассказывать, – зевнул Хрущев. – Иван Леопольдович Денисович, махровый одесский жид, был приговорен ОСО к десяти годам LOVEЛАГА за сексуальные перверсии третьей степени. Работал аккомпаниатором в одесской филармонии. Заманивал к себе домой школьников старших классов, поил ликером со снотворным. Когда засыпали – сношал во все отверстия, набивал вагину собственным дерьмом, зашивал золотой ниткой. Потом одевал в подвенечное платье, отвозил в Луна-парк, сажал с собой на карусель и катался до тех пор, пока школьница не просыпалась. Больше всего ему нравилось ее выражение лица в момент пробуждения. Ну, и в повести описан один день его лагерной жизни. Как он сношает и как его.

– И что в ней фальшивого, mon cher? – Сталин принялся кормить Хрущева.

– Во-первых – на сто страниц ни одного итальянского слова. О французском языке вообще речи не идет. Английские фразы встречаются, но крайне редко. Выходит, что все зеки говорят по-русски? Что за аrogантность?

– Это странно, – рассматривал его лицо Сталин.

– Во-вторых, там описаны какие-то невинные детские сношения. Нет ни ебли в печень, ни говноebания, ни подкожной ебли. А классическая лагерная ебля старика через катетер?

– Об этом знает даже моя Веста.

– В-третьих, кухня. Этот Денисович брюзжит, что его тошнит от супа из спаржи и кур по-венгерски, которыми их кормят чуть ли не каждый день. Их бригадир (у них там принудительное шитье бисером и вязание кружев) страдает изжогой и отдает порцию «прогорклых, пережаренных напрожёт до нестерпимой окоёмной горчины» трюфелей другому заключенному, а тот «радостно склоняется над ней». Вино у них, якобы, только крымское, французским не пахнет. Кокаин в кокскафе разбавлен сахаром.

– Бред сивой кобылы. В LOVEЛАГ идет первосортный колумбийский кокаин, качество контролирует МГБ, все бармены в кокскафе – офицеры госбезопасности, им в голову не придет разбавлять продукт...

– В общем, какие-то подозрительные лагеря... да и тип этот мне сразу не понравился. Хитрый. А русский писатель не должен быть хитрым. Грубым, наглым, злым – пожалуйста. Только не хитрым... У меня истопником служит Варлам. Он полжизни отбухал в крымском LOVEЛАГЕ. Колоритный персонаж. У него раздвоенный фаллос для ебли в ноздри. Руки согнуты по форме человеческих голов. Он поймел в ноздри десятки тысяч людей. Я ему дал прочесть. Так он мне сразу сказал: «Я в таких лагерях не сидел». Ну, а в-четвертых...

– А в-четвертых, я люблю тебя, – Сталин поцеловал его в жующие губы.

Хрущев ответил долгим поцелуем. Затем бодро встал, взял потир и осушил одним духом.

– Mon cher ami, сейчас я покажу тебе одну вещь, – проговорил Сталин, глядя на свой чемоданчик, стоящий у двери спальни. – Очень важную. Ее мы ждем с тобой уже 16 лет.

Хрущев замер с потиром в руке и медленно повернулся к Сталину.

Иосиф бежал по утренней Москве.

Мартовское солнце встало и не по-весеннему ярко освещало столицу советской империи. Серебристые дирижабли с портретами членов Политбюро висели в безоблачном небе. По оттаявшим улицам спешили машины и пешеходы. Капель струилась с переливающихся на солнце сосулек. Сизые, словно облитые воском голуби ворковали на теплой жести крыш, взъерошенные воробьи неряшливо чирикали в грязи дворов. Лязгали и звонили трамваи. Зазывно кричали уличные торговцы.

Обогнув громаду Дворца Советов с восьмидесятиметровым Лениным, Иосиф выбежал на Фрунзенскую набережную и, оперевшись о гранитный парапет, перевел дыхание.

Внизу не спешно текла Москва-река, неся редкие льдины и мусор. Солнце играло в серо-зеленой воде.

Иосиф сплюнул в воду.

Он до сих пор не верил в происшедшее с ним, убеждая себя, что все это было тягостным сном и что он во сне проглотил наследие великой ААА. Но тяжесть в животе и необычный кисло-гниловатый привкус во рту сурово возвращали его к реальности.

– Ночной кораблик... – пробормотал он, щурясь на воду, и снова сплюнул.

Близко от него проехал грузовик, обдал водой из лужи. Иосиф рассеянно посмотрел на мокрые брюки, громко шмыгнул носом и

бесцельно пошел по набережной.

Напряжение в животе росло, будоража воображение и память. Иосиф видел себя в Петербурге, на фотофабрике отца. Бодро блестящий лысиной отец показывает ему новый проявочный цех, тыча своей белой тростью с золотым наконечником в ванны с реактивами, вороша клубки пленок, постукивая по новым, пахнущим лаком столам, по желто-коричневой плитке пола, по только что вставленным оконным рамам.

– Все тебе останется, зуслик! Азохен вэй! Камни, дубины, обрывки новостей, перетертый с чесноком и солью Абрам, запах священных солдат, сушеная кровь, – все! все! – громко смеется отец, обнимая Иосифа и подводя его к идеально белой двери с пластмассовой эмблемой в виде свиного окорока.

– Что здесь, папа? – спрашивает Иосиф, трогая толстое, до слез родное ухо отца.

– Персонал по мясной проявке, – отец поворачивает серебряный ключ в замке двери. – Эти сволочи хотели расстрелять 618 миллионов человек, а фонды обеспечили только на 26%! Вэйзмир! Понимаешь, зуслик?

– Понимаю, – понимает Иосиф, вваливаясь в тесную, чудовищно смердящую комнату

Она заставлена узкими железными ящиками. В них сидят и заживо гниют рабочие отцовской фабрики.

– Покажи женщину, папа! – трепеща, шепчет Иосиф в родное, пахнущее одеколоном «Цитадель», ухо.

– На Мойке, всех на Мойке, всех, всех до одной на Мойке, на Мойке, зуслик, шоб я исдох, на Мойке, на Мойке все, все, все! – яростно шипит отец, открывая ящик N153.

В нем стоит шестнадцатилетняя еврейская девушка невероятной, ослепительной красоты. От ее божественного тела исходит чудовищная вонь. Отец касается концом трости ее пупка, и девушка, как заведенная кукла, открывает рот и механически повторяет одну фразу:

– Ферфолан дер ганце постройке... ферфолан дер ганце постройке...

– Это тебе не гоем шикса, – шепчет отец Иосифу и концом трости теребит соски на небольшой груди девушки. – Тягай ее у шлафенциммер, зуслик, с ней пойдет не потский разговор, шоб я стал шикер и ганеф!

Иосиф, цепenea от ужаса, отдается девушке на кровати родителей.

– Йося, ты вже торопишься, – улыбается полная белолицая мать, кладя ему на лоб смоченный водкой носовой платок – Так киндермахен делают только неумные люди.

– Мама, ну я не знаю что, ну оставьте его в покое! – истерично кричит

сестра, поднося к своим глазам два медных шара от кровати и отражаясь в них.

– Ферфолан дёр ганце постройке... – повторяет девушка, насилуя Иосифа.

Стальные руки ее, сжимаясь, ломают ему ребра.

– Ты давно у меня не снимался, зуслик, – грустно улыбается отец.

– Будить динозавра... – пробормотал Иосиф и пнул кусок льда.

Лед отлетел на проезжую часть набережной. Иосиф побежал.

– Будить динозавра... будить динозавра... – бормотал он, шмыгая носом.

Ему захотелось помочиться. Он остановился, расстегнул пальто и брюки и с наслаждением пустил теплую струю мочи на тротуар.

– И как же тебе не совестно? – спросила прошедшая мимо старушка.

– Все немного волхвы... – Иосиф до слез в глазах смотрел на свою исходящую паром мочу

Школьник с большим ранцем кинул ему в спину снежок.

Иосиф побежал дальше, не застегнувшись. Его тупоносые ботинки шлепали по лужам. Люди, дома и улицы мелькали в его выпученных глазах,

Он остановился только наверху Воробьевых гор. За его спиной возвышалась громада МГУ, а перед ним простиралась Москва.

– Пила свое вино... – задыхаясь, пробормотал он и прижал пылающую щеку к гранитному парапету смотровой площадки.

Гранит медленно дышал, как каменный слон. Иосифу захотелось стать гранитным деревом и скрежетать тяжелыми словами. Пронизанный солнцем воздух пах медными шарами от кровати. Земля была плоской и соленой от человеческой мочи.

– Готовя дно... – прошептал Иосиф в гранит и вдруг почувствовал, как черное яйцо лопнуло в его желудке.

Он поднял голову и посмотрел на Москву. Она сложилась, как карточный домик. Тысячи обжигающих рук впились в тело Иосифа и потянули его во все стороны. Резиновым одеялом он растягивался над Россией. В голове его пела божественная пустота.

– О це цоца первоцоца! – тает отец.

– Йося, ты вже выпил свое молоко? – распадается на молекулы мать.

Ненавистный звон маленького позолоченного будильника, медный бой напольных часов в гостиной, и сразу – далекий, тяжко-ниспадающий перезвон Спасской башни:

– Веста Иосифовна, восемь часов.

Веста открыла глаза. Стройная, тонко пахнущая Кёльнской водой, гувернантка в зеленом платье и белой перелине склонилась над ней, осторожно откинула одеяло.

– Уаааау! – потянулась Веста, переворачиваясь на спину. – Васька встал?

– Уже кофе пьет, – мягкие руки гувернантки помогли ей сесть, сняли с полусонного теплого тела тончайшей выделки ночную рубашку, возникли с розовым, предварительно подогретым махровым халатом.

Голая Веста встала, подставила руки под теплые рукава, зевнула и наступила босой ногой на толстую книгу, которую читала до двух ночи – De Sade «La Nouvelle Justine ou les Malheurs de la Vertu».

– Скучно, – пнула Веста книгу и протянула ногу опустившейся на колено гувернантке.

Узкие спортивные тапочки приятно стянули ступни. Не запахивая халата, Веста прошла в просторную ванную комнату, глянула в большое зеркало, провела пальцем по черным бровям, тронула язык и мазнула по зеркалу.

Гувернантка вошла, положила на унитаз подогретый круг.

Веста откинула полу халата, села на унитаз. Гувернантка встала рядом:

– Про что сегодня, Веста Иосифовна?

– Давай... – зевнула Веста, – про угольную кучу. Струя ее мочи зажурчала в стояке унитаза.

– Ну, дом у нас был четырехэтажный, а во дворе во внутреннем такая была большая угольная куча. Мне она казалась вообще горой какой-то. Выйду, бывало с нянькой, посмотрю на нее – страшно как-то...

– Почему? – Веста гладила и рассматривала свои смуглые колени

– Большая потому что, черная. И шлаком перегорелым пахнет. Кисловатый такой запах. Вот. Ну, и жил у нас на втором этаже паренек, года на четыре меня постарше. Витюша. Толстенный такой, аккуратный. Отец у него в акционерном обществе «Россия» служил. И однажды зимой, уже темнеть начало, мы с этим Витюшей из школы вместе возвращались.

– Сколько тебе лет было?

– Лет восемь. А ему – двенадцать. И он мне говорит – пошли во двор, я тебе Эверест покажу. Зашли. Он меня за кучу завел и показывает – вот Эверест. А куча и впрямь, как гора, снегом покрыта. А он тут меня в грудь – толк! Я на кучу упала, а он – на меня. Залез мне под шубку рукой, рейтузы оттянул, схватил за писк...

– А ты? – слабо закряхтела Веста, вцепившись пальцами в колени.

– А я лежу под ним, не знаю, что делать. А он письку мне тискает. Тискал, тискал, потом встал и говорит – никому не рассказывай, а то в письке вши заведутся.

– А ты? – выпустила газы Веста.

– А я заплакала да и домой пошла. А через год его папаша елку устроил, ну и...

– Молчи... – напряженно выдохнула Веста, и ее кал стал падать в воду.

Горничная смолкла, отмотала от рулона туалетной бумаги недлинную полосу, сложила пополам. Веста снова выпустила газы. Легкий запах кала пошел от нее. Она выдавила из себя последнюю порцию и со вздохом облегчения встала. Горничная сноровисто подтерла ей оттопыренный упругий зад, кинула бумагу в унитаз, закрыла крышку, потянула никелированную ручку Забурлила вода, Веста присела на биде. Горничная подмыла ее, затем помогла почистить зубы, расчесала и заплела косу. Душ Веста утром никогда не принимала. Одевшись в коричневое школьное платье, с комсомольским значком на черном переднике, она вошла в столовую. Василий сидел за овальным столом, в синей школьной форме с желтыми латунными пуговицами, пил кофе и читал брошюру Рено де Жувенеля «Тито – главарь предателей».

– Salut, Vassili, – Веста села напротив, взяла из вазы очищенный апельсин. – Toujours en forme, hein?

– Здорово, – не отрываясь от книги, пробормотал Василий.

– Чего читаем?

– Хуйню, – он допил кофе и сделал знак слуге. – Политпросвет сегодня.

Слуга наполнил его синюю чашку из синего кофейника, влил сливок и серебряными щипчиками положил кусок сахара.

– Ты мне на ночь тоже говно порядочное подсунул, – Веста впиалась зубами в прохладную мякоть, всосала губами сок.

– Чего? – хмуро глянул он на нее. – Не понравилось?

– Скука смертная. Я думала – про любовь. А там жгут и режут, жгут и режут.

– Читай тогда «Анжелику», – он привстал, в три глотка выпил кофе и, похлопывая себя брошюрой по ляжке, вышел из столовой.

– Подожди, вместе поедем, – предложила она.

– Я дежурный! – крикнул он, проходя гостиную.

– Ну и дурак, – бросив недоеденный апельсин, Веста стукнула золотой ложечкой по вареному яйцу в керамической подставке.

Позавтракав, она дошла до прихожей, жуя chewing gum, протянула

руки назад Горничная надела на нее коротенькую шубку из голубого песка, подала черный портфель. Сисул выпустил ее в первую прихожую, генерал Власик – на лестницу. Там ждали двое в штатском из внешней охраны. Не обратив на них внимания, Веста села на полированное перило и съехала вниз.

На воздухе было солнечно и хорошо.

Один охранник распахнул заднюю дверцу бронированного черного ЗИМа, другой сел за руль. Веста не спеша заняла место сзади, бросила рядом на сиденье портфель:

– Ole!

Машина тронулась, выехала через Спасские ворота, повернула налево. Сменный караул печатал шаг к мавзолею Ленина, Голуби поднялись с Красной площади.

– Погоди, погоди... – замерла с открытым ртом Веста. Сидящий возле шофера охранник обернулся к ней

– Погоди, – она выплюнула chewing gum. Машина притормозила,

– Ты кто? – напряженно спросила Веста охранника.

– Петренко, Веста Иосифовна, – ответил тот.

– А зовут как?

– Николай.

– А... где же Иван?

– Хоботов? Он на больничном, Веста Иосифовна. Ангина у него.

Она внимательно посмотрела на Николая, потом за окно:

– А это что такое?

– Это музей Революции.

– И... что?

– Не понял. Веста Иосифовна

Она подозрительно смотрела на музей:

– Ну, там... разное, да?

– Там... экспозиция, – непонимающе пожал плечами Николай.

Шофер украдкой поглядывал на Весту в зеркальце.

– Знаешь... ты... это... – пробормотала она, уставившись в одну точку.

Охранник ждал, обернувшись. Веста молчала.

– Выпусти, выпусти меня! – вдруг воскликнула она. Охранник выскочил из машины, открыл дверцу. Веста вышла, осмотрелась, взяла его за руку:

– Пошли.

Он молча последовал за ней. Она вошла в только что открывшийся музей Революции, стала подниматься по лестнице.

– Ваши билеты, молодые люди, – поднялась со стула худая женщина.

Николай показал ей удостоверение, она села на место. Держа Николая за руку, Веста бесцельно вела его за собой по лестнице, бормоча что-то. Так они поднялись на самый верхний этаж, лестница кончилась.

– А это что? – хмуро посмотрела Веста на распахнутые двери последнего зала.

– Это зал подарков товарищу Сталину, – ответил Николай.

– От кого? – угрюмо буркнула она.

– От... – замялся Николай, – всех, кто любит вождя. Выпустив руку охранника, Веста недоверчиво вошла в зал. Николай последовал за ней.

– Неужели вы здесь не были? – осмелев, спросил он.

– Я? – она шла, словно в забытии. – Нет... была...

В большом, хорошо освещенном зале стояли десятки самых различных изделий, когда-либо подаренных вождю правителями государств, монархами, миллиардерами, художниками, военачальниками, любовниками и любовницами, аристократами и пограничниками, дипломатами и актерами, колхозами и экипажами кораблей, рабочими коллективами и простыми гражданами

В центре зала на массивной плите из сине-черного Лабрадора возвышалась фигура Сталина, вырубленная уральскими камнетесами из глыбы розоватого, с золотистыми прожилками родонита. Вождь попирал ногой книгу Троцкого «Перманентная революция», а сам откидывал голову назад, собираясь победоносно расхохотаться над беспомощным мудрствованием козлотородого Иудушки. ЯСАУХ ПАШО! – было высечено на плите.

Рядом сверкал изумительный бриллиантовый шприц – подарок Фаберже. Чуть поодаль возвышалась многопудовая книга Сталина «Свобода внутренняя и внешняя», сделанная кубанскими животноводами из кож 69-ти племенных быков и написанная кровью комсомольцев. Под стеклом лежало кружевное мужское нижнее белье, вышитое графиней Шереметьевой. Панно из моржовой кости, подаренное вождю якутами, изображало горячее соитие вождя с балериной Павловой. Другое панно – янтарное – называлось «Ленин и Сталин варят маковую солому в Разливе» и было подарком от рижских ювелиров. НЕТ ПОЩАДЫ ВРЕДИТЕЛЯМ! – теснились крепкие буквы на рукояти белого топора, спрессованного колумбийскими коммунистами, из чистейшего кокаина. Великий Мао преподнес вождю вырезанную из рисового зерна диораму «Казнь Бухарина на Красной площади в Москве». Миллиардер Рокфеллер подарил отлитую из золота шинель, в которой Отец Всех Народов защищал Москву от

озверелых орд Гитлера. Алексей Стаханов – свой отбойный молоток. Долоресс Ибаррури – свою левую грудь. Вредитель Ягода – свое сердце.

– Погоди... – Веста подошла к родонитовому отцу и рассеянно положила руку на его холодный сапог. – А где... это...

– Что, Веста Иосифовна? – приблизился Николай.

– Ну... – она сделала неопределенный жест рукой, – этот... такой... большой.

– Большой? – переспросил Николай.

– Малиновый, малиновый, – сморщила лоб она, ища что-то глазами. – Ну-ка, ты... снимай, снимай...

– Что? – не понимал Николай.

– Снимай! Ну, снимай же! – она дернула его за брюки. Николай помедлил, но, встретившись с ее угрожающим взглядом, расстегнул свои серые, хорошо отутюженные брюки.

– И трусы тоже, дурак! – прикрикнула на него она. Николай повиновался. Она присела и внимательно посмотрела на его гениталии. По красивому юному лицу ее пробежала тень разочарования.

– Нет, – встала она, – это не малиновый. Итальянские замшевые туфли ее обиженно прошли по густо налакированному паркету зала и зацокали по мраморной лестнице.

– Sale pute! – всхлипнула она и вдруг разрыдалась на бегу совсем по-девичьи, громко и беспомощно. – Saleeee puteeee! Merde! Meeeerde!

Николай подхватил упавшие брюки и кинулся догонять ее.

Хрущев раскрыл чемоданчик, посмотрел на голубое сало:

– Почему же ты молчал весь вечер?

– Вернее – всю ночь, – улыбнулся Сталин, подходя к нему сзади и обнимая его. – Если бы я сразу показал тебе, ты уже не захотел бы меня. Ты захотел бы голубого сала.

Хрущев закрыл лицо руками, открыл и снова закрыл:

– В такие мгновенья я понимаю, что наш мир – это сон.

– Я это понимаю каждую минуту С раннего детства. Сталин поцеловал его горб, отошел и стал раскуривать сигару. На нем был черный китайский халат Хрущева.

Голый Хрущев сел на край кровати, сложил пальцы замком и озабоченно посмотрел на них:

– Мы потеряли время. Тебе надо было сразу ехать ко мне.

– С глыбой льда? Чтобы Берия обо всем догадался?

– Я уверен, он и так все знает.

– Mon cher, не стоит льстить Берии. Он не ясновидящий. Я все разыграл, как по нотам.

– Мы потеряли, потеряли время... verflucht noch mal! – Хрущев шлепнул себя по мускулистым коленям, вскочил и заходил по спальню.

Его длинные руки вцепились в волосатые бедра, горб угрожающе выступал из согнутой спины.

– Du calme, mon ami, – Сталин выпустил дым в раскрытый чемоданчик. – Время работает на нас.

– Они не дадут нам выехать! Обложат, как медведей в Архангельском... Берия уже снюхался с Жуковым. У них вся советская армия, плюс Лубянка! Этот petit con Жуков... Проблядь полковая! И эту гниду я спасал в 37-ом от Ежова! Они готовы на все, как ты не понимаешь?!

– Прошу тебя, возьми себя в руки... – Сталин любовался поголубевшим сигарным дымом, клубящимся в раскрытом чемоданчике.

– Почему ты не придумал ничего?! Почему не связался со мной из театра?! Надо было арестовать их всех в театре, всех, всех сразу! Мои ниндзя и черкесы сделали бы это за три минуты!

– В этом не было необходимости.

– У них сейчас, пока ты здесь, вся армия! Ты не понимаешь этого?! Вся армия, вся Россия, все МГБ в руках Берии и Жукова!

– А у нас в руках вся вселенная, – повернулся к нему Сталин. – Вся вселенная поместится в этом чемоданчике.

– Ты не успеешь им воспользоваться!

– Успокойся, они ничего не знали и не знают. Я ведаю, что говорю.

– Schweine... verdammte... Schweine!!! – закричал Хрущев сильным голосом.

Сталин подошел к нему, обнял:

– Mon ami, умоляю тебя. Все будет хорошо.

– Не верю... не могу поверить, что эта гнида Берия...

– Все будет хорошо, – Сталин посмотрел в налившиеся кровью глаза графа. – Это говорит тебе Сталин. Ты веришь Сталину?

Хрущев ответил угрюмым и недоверчивым взглядом.

– Ты веришь Сталину? – снова спросил вождь.

– Верю... – нехотя пробормотал Хрущев, отводя глаза. Сталин взял его за острый подбородок, повернул лицо к себе:

– Ты веришь мне?

Хрущев долго смотрел в немигающие глаза цвета крепко заваренного индийского чая, затем обмяк, взял руку Сталина и поцеловал:

– Верю, Иосиф.

– Вон. Тогда собирайся.

Сталин подошел к телефону, снял трубку:

– Кремль. Квартиру Сталина. К телефону подошел Сисул:

– Алэ?

– Сисул, где наши?

– Зыдыраствуете, хозяин. Дэти в школа, Надежда спит дома.

– Пошли за детьми срочно.

– Здэлать, хозяин.

– Надю разбуди, скажи ей: «Баран».

– Как – баран, хозяин? Какой баран?

– Просто – баран. Она знает какой. И пусть к двенадцати все будут готовы.

– Здэлать, хозяин.

Сталин положил трубку, подошел к своей, лежащей на кровати, одежде, скинул халат и стал быстро одеваться.

– Какой изумительный цвет... – Хрущев склонился над чемоданчиком. – Цвет четвертого начала термодинамики...

– Ты не романтик. Это цвет *другого* .

– Для меня *другое* – это новое.

– Новое – это новое. А *другое* , *mon cher*, это – *другое* . Сталин застегнул сорочку, сел, стал натягивать длинные черно-красные носки.

– 16 лет... – Хрущев подошел к погасшему камину, зябко обнял себя за плечи.

– Шла эта посылка?

– Да. Почта времени, наверно, самая долгая. И самая дорогая...

– Помнишь, как мы с тобой читали их кожаную книгу?

– У тебя на «ближней»? В бане? В ванной комнате?

– Ты предлагал накрыться одеялом и читать при свете фонарика. Великий конспиратор!

– Я тогда задушил охранника...

– Который вошел не вовремя? – Сталин встал, натягивая узкие брюки.

– Как сейчас помню его молодой кадык... – Хрущев устало провел рукой по лицу. – Знаешь... скажу тебе честно. Я никогда не верил, что это все – правда. Я думал, это какая-то громадная фальшивка... ловушка. Но логики ее не мог понять. И кому это выгодно – тоже не понимал. Немцам? Американцам? Японцам?

– А я верил с самого начала. Как только увидел этого рогатого мальчика, – Сталин надел жилет, подошел к туалетному столику с

овальным зеркалом, взял свое ожерелье с изумрудом и стал надевать себе на шею.

– Позволь, ангел мой... – Хрущев подошел к нему, застегнул ожерелье и аккуратно расправил вокруг воротника сорочки.

Лица двух друзей отразились в сорока двух гранях изумруда.

– Tu ne peut pas t'imaginer combien tu m'est cher, mon ami, – проговорил Сталин, глядя в зеркало.

– Un ermite comme moi aime a entendre de telles choses, – Хрущев медленно поцеловал белое шелковое плечо вождя.

За время пребывания у власти Сталин только дважды пользовался своим секретным аэродромом: 22 июня 1941 года, когда вылетал в Пекин для заключения военного альянса против Германии, и 6 января 1946 года, сразу после совместного советско-германского атомного удара по Англии. В то морозное январское утро Сталин пролетел над испепеленным Лондоном, чтобы лично убедиться в наступлении атомной эры, так как до последнего не верил в мощь нового оружия.

В подземном аэродроме «Раменки», расположенном неподалеку от Воробьевых гор, в любое время суток стояли наготове два самолета вождя – основной и запасной. Охрана, технические службы аэродрома и экипаж подчинялись лично Сталину.

В 13.20 на унылом пустыре в районе Мичуринского проспекта земля с полусгнившими бараками и хилыми деревцами разошлась, четырехмоторный ИЛ-18 вылетел из громадного бетонного зева и взял курс на запад, следуя секретному плану «Баран».

В самолете помимо экипажа, Сталина и Хрущева находились: Надежда Аллилуева, Веста, Василий и Яков Сталины, Сисул, Аджуба и четверо ниндзя из охраны Хрущева.

Главный салон, обтянутый кремовой лайкой и отделанный карельской березой, был просторным и уютным. Солнце ярко светило слева в иллюминаторы, дробилось в хрустальных графинах с напитками, сияло на шарах и позолоченных лунках бильярда, в украшениях женщин, радужно-торжественно сверкало в гранатово-бриллиантовом аграфе, украшающем темно-синий бархатный берет Хрущева, и в рубиновом набалдашнике платиновой трости Сталина.

Под монотонное гудение моторов Василий и Яков быстро задремали. Хрущев пил виски «Chivas Regal», поглядывая в иллюминатор. Сталин курил неизменную «Гавану». Надежда читала журнал «Новый мир». Веста вязала шерстяную «трубу» для левретки, спящей у нее на коленях.

– Пределы... пределы... – пробормотал граф, откидываясь на спинку кресла и трогая пальцем лед в стакане с виски. – Слишком большая страна у нас, Иосиф.

– Это достоинство, а не недостаток, – Сталин пускал дым в полукруглый потолок.

– Вот уж не знаю... – вздохнул граф. – «От мысли до мысли тыщу верст скакать». Вяземский был прав.

– В его времена не было авиации. И атомного оружия, – Сталин нажал кнопку в подлокотнике кресла.

Бесшумно вошел Сисул. Сталин показал ему тростью на графин с абрикосовым ликером, и узкая рюмка с густой яркой жидкостью оказалась в левой руке вождя.

– Переизбыток пространства порождает проблемы, – зевнул Хрущев.

– Проблемы порождаются не пространством, а людьми. Ими же и разрешаются, – отпил из рюмки Сталин.

– И это разрешение затягивается на десятилетия,

– При слабой власти, mon cher.

– Странно... – вздохнула Надежда, прерывая чтение.

– Что, радость моя? – спросил Сталин.

– Какие-то странные вещи печатают нынче наши литературные журналы.

– Ты находишь?

– Вот, например, новая пьеса Симонова. Очень странная. Я бы не пошла на такую.

– Ну... театр не должен стоять на месте. Это живой жанр, – заметил Сталин. – Я, например, не понимаю Ионеско. Но его любят миллионы. С этим надо считаться. Симонов тоже очень популярен.

– Наверно я сильно поглупела за последние годы. Для меня лучше Чехова в театре нет ничего.

– Ты у нас, мамочка, умнее всех, – не отрываясь от вязания, сказала Веста.

– Сомневаюсь... – с улыбкой вздохнула Надежда. – Жена вождя не понимает современной драматургии. Quelle horreur...

– А что за пьеса? – повернул к ней свое тяжелое носатое лицо Хрущев.

– Называется «Стакан русской крови». Хотите, я вам почитаю?

– Большая? – смотрел на ее красивые руки Хрущев.

– В четырех действиях.

– That's too much... – поморщился Хрущев.

– Граф, не бойтесь, все я не смогу прочесть, – усмехнулась Надежда.

– Радость моя, прочти нам первое действие, – задумчиво попросил Сталин.

– Только с выражением, мамочка. Как Тарасова.

– С выражением я не умею, Веста. Итак... Она полистала страницы «Нового мира» и начала читать своим приятным, живым голосом:

К. Симонов

Стакан русской крови

Пьеса в четырех действиях

Действующие лица:

Миша Бронштейн, молодой архитектор.
Рита Варейкис, молодая скрипачка, его подруга.
Иван Бородулин, рабочий-метростроевец, сосед Риты.
Никита Иванович, кокаинист.
Георгий Валентинович Мезенцев, полковник в отставке.
Князь Александр Михайлович Нащекин, изобретатель.
Сергей Шаповал, капитан МГБ.
Ефрем Рутман, банкир разорившегося банка.
Глеб Борисов, его любовник.

Действие первое

Большая московская квартира Риты Варейкис со старомодной довоенной обстановкой. Вечер. Рита играет на скрипке партиту Баха. Входит Миша Бронштейн. Его пальто испачкано землей и известкой; клетчатый шарф выбился из-за ворота.

РИТА (*прекращает играть, напряженно смотрит на Мишу*). Ты?

МИША (*снимает шляпу, бросает на диван*). Как видишь.

РИТА. Но... ты же в Витебске? Боже!

МИША. Не урони скрипку (*подходит, устало обнимает Риту, целует ее*).

РИТА. Неужели?

МИША. Да! Да! Да!

Соят, обнявшись.

РИТА. Я сегодня видела странный сон. Странный и страшный. Я целый день думаю о тебе... ничего не могу делать... играла, как дровосек... Нет! Не может быть!

МИША. Может, милая. *(Забирает у нее скрипку и смычок, кладет на рояль.)* Прижмись ко мне. И ты сразу поверишь.

РИТА *(прижимается к нему, обхватив руками за шею)*. Это... здесь?

МИША. Крепче. Крепче!

РИТА. Да... вот. Я умру сейчас...

МИША. Мы вместе умрем.

РИТА *(просовывает руку к нему под пальто, трогает)*. Да... да... о, эта теплота... эта... невероятная теплота...

МИША *(прижимает ее руку своей)*. Теперь ты веришь?

РИТА. Я умру сейчас, милый... я умру, Мишенька...

МИША. В поезде я считал секунды... сидел и смотрел на часы... *(Устало и нервно смеется.)* Пассажиры косились на меня! Думали, что я сумасшедший.

РИТА. Солнце мое... я обожаю тебя *(целует его)*.

МИША *(освобождается, подбегает к окну, задергивает штору)*. От всех! От всех закрыться! Боже... как я устал... *(Садится на пол.)* Я не спал сутки. Закрой! Запри все! Я... кажется дверь не запер...

РИТА *(выбегает, возвращается)*. Все заперто, милый. Нам никто не помешает.

МИША. Где Иван?

РИТА. Он в ночную сегодня.

МИША. Слава Богу.

РИТА. Нет... *(смеется)* ...нет, нет!

МИША. Что?

РИТА. Я не верю, что ты здесь. Это первое.

МИША *(трогает грязными руками ее лицо)*. А второе?

РИТА. А второе: я не верю, что ты принес.

МИША *(молча трогает ее лицо)*. Я и сам не верю. Каждый раз.

Пауза.

РИТА. Начинать?

МИША. погоди. Не хочется торопиться. Мне всегда кажется потом, что мы все сделали наспех, что мы спешили...

РИТА. Я... уже вся дрожу. Посмотри, у меня зрачки широкие?

МИША. Да.

РИТА. У тебя тоже. Во все глаза... У тебя страшные глаза каждый раз.

Начинать?

МИША. Минуту, еще минуту... минуту. Давай растянем, давай чуть-чуть помедлим... (*Мучительно трет свое лицо ладонями.*) Вся жизнь мы куда-то торопимся... и самое приятное делаем наспех. Словно в будущем будет еще лучше.

РИТА. Как сердце бьется... давай, я что-нибудь... ты хочешь чаю?

Миша смотрит на нее. Они смеются.

РИТА. Прости, милый.

МИША. Ты много занималась сегодня?

РИТА. Не очень. Руки с утра тяжелые. Играла из ряда вон. Партита еще ничего, а концерт – ужасно. Остается неделя, а я совершенно не готова.

МИША. Ты все сделаешь. Ты сильная. Скажи, а что Семен? Как его Брамс?

РИТА. Ну, Сеня – *perpetuum mobile*. У него не может быть провалов. Дома он работает, как часы. Встает в восемь. Два часа играет, потом прогулка, потом опять два часа, потом ланч. Потом – час. А потом он едет к Вере, и они занимаются любовью. И идут обедать в «Три короны». Спит ночью он всегда один. Наркотиков почти не употребляет. Курит умеренно. По субботам ездит верхом... Очень правильный образ жизни для профессионального музыканта. Хотя, последнее время мне не нравится его игра. Слишком рационально, слишком академично. Особенно Брамс. Как-то... нет нерва, нет... разлома какого-то. Романтики не были так академичны. То что хорошо для Гайдна – вовсе не годится Брамсу. А Брамс... (*Встает.*) Я не могу больше! Я не могу! Я не могу больше!

МИША. Хорошо... не волнуйся... хорошо. Начнем.

Раздеваются догола. Рита достает из буфета два стакана и черную скатерть; накрывает стол скатертью, ставит на нее стаканы и свечу в подсвечнике; Миша зажигает свечу, тушит свет; из тайного внутреннего кармана своего пальто вынимает резиновую грелку с трубкой; на конце трубки надета игла от шприца. Рита и Миша садятся за стол напротив друг друга.

МИША (*кладет грелку перед собой*). Вот... не остыла еще

РИТА (*протягивает руки, кладет на грелку*). Теплая... совсем еще... ты так и ехал с ней в обнимку? Из Витебска?

МИША. Да. Сидел, держал ее под пальто... а соседка, старушка, спросила: «У вас живот болит, молодой человек?»

РИТА (*нервно смеется*). Живот болит! Живот болит! Боже мой! Живот болит... Милый, а можно...

МИША (*перебивает*). Нет, не спеши. Сейчас. (*Считает.*) Раз, два,

три.

Открывает грелку, осторожно наклоняет над стаканом, из грелки в стакан льется кровь; Миша аккуратно разливает всю кровь в два стакана и кидает грелку на пол.

РИТА (с болью в голосе). Меньше стакана,

МИША. Чуть-чуть не хватило... но, ничего.

РИТА. Жаль... а почему меньше?

МИША. Потому что. (*Зло смотрит на нее .*) Мы же, кажется, договорились?

РИТА (*трясет головой, нервно вздрагивает и часто дышит*). Нет... я просто... хотя... (*Кричит .*) Почему?!

МИША. Я убью тебя!

РИТА (*всхлипывает*). Милый... нет! За что нам?! Нет! Нет! Нет!

МИША (*трясется от ярости*). Я разmozжу тебе голову, дрянь! Замолчи!

РИТА. Ты... ты всегда! Всегда! Я не могу!

МИША (*кричит*). Молчать!!

Рита смолкает и сидит, вздрагивая, вцепившись руками в стол. Миша ждет, затем ставит перед ней стакан с кровью. Рита обнимает его дрожащими ладонями и неотрывно смотрит. Миша придвигает свой стакан к себе поближе. Они долго сидят молча.

МИША. Надо... чтобы... (*пауза*)... все шло... плавно... плавно... (*Отпивает из стакана.*)

РИТА (*смотрит на него, поднимает свой стакан и залпом выпивает*). Ааа... слева... все слева... мама...

Миша маленькими глотками допивает кровь. Рита жадно смотрит на него. Он оставляет последний глоток ей, протягивает стакан. Она допивает, держит стакан над собой, запрокинув голову, ловит губами капли крови.

МИША. Дома... (*тяжело улыбается*) ...дома...

РИТА. Это... не тяжелая... там... совсем нет. Нет?

МИША. Нет. И не будет.

РИТА. Тебе... тебе совсем?

МИША. Совсем. Я люблю тебя.

РИТА (*рыгает, смеется*). Странно...

МИША. Что, милая?

РИТА. Почему – только русская кровь?

МИША. Никто не знает.

РИТА. Только русская! Не татарская, не калмыцкая...

МИША. Не грузинская... и даже не армянская... плавно... плавно...
(закрывает глаза)... все плавно... белые...

РИТА (берет его руки в свои). Расскажи, Расскажи. Расскажи.

МИША (не открывая глаз). Он недавно нанялся. Тромбовальщиком. Бывший зек. Сидел за воровство. Рассказывал немного про Туруханский край. Как там ноги потерял.

РИТА. Он безногий?

МИША. А... я не сказал сразу?

РИТА. Ты не сказал сразу

МИША. Да. Безногий. В Туруханске был их лагерь. Он работал на пилораме. И блатные проиграли его в карты.

РИТА. Как это?

МИША. Ну, если играть больше не на что, уголовники играют на людей... белые... белые... на живых теплокровных людей...

РИТА. А причем здесь ноги?

МИША. Они отрезали ему ноги на пилораме.

РИТА. Зачем?

МИША. Затем, что проиграли его в карты.

РИТА. А причем здесь ноги? Они же его проиграли. А не ноги.

МИША (некоторое время молчит, закрыв глаза). Ноги им были не нужны. Им нужно было просто их отрезать.

РИТА. А он? Он им был нужен?

МИША. Он... он... им не был нужен. Он был нужен мне.

РИТА (счастливо смеется). Я ничего не понимаю... ха-ха-ха! О, как я давно не была у мамы!

МИША (качает головой). Нет... все не так плавно... не все блестит...

РИТА. У нее опять звон в ушах. Говорят, это следствие звуковой травмы. Но она никуда не выходит. Откуда у нее звуковая травма?

МИША. Радио. Радио. Оно сейчас развивается... дикими, страшными темпами. Радио может все. Оно... даже может проникать в человеческие тела...

РИТА. И в кровь?

МИША. И в кровь.

РИТА. Как это возможно?

МИША. Волны... радиоволны... (открывает глаза)... Он тромбовал бетон под фундамент. Лучше любой машины. Залезал в свежую заливку, рабочие протягивали ему шест. Он хватался за шест руками, а нижним торсом своим начинал... так вот... быстро и тяжело вибрировать... трястись так... быстро и тяжело...

РИТА. Как эпилептик? Или... как испуганный, смертельно испуганный человек? У нас когда выгоняли Покревскую, она тряслась. Так тряслась, так тряслась... я никогда... никогда...

МИША, Он трясся, как... не знаю... возможно это никто не может объяснить...

РИТА. Он был веселый?

МИША. Нет.

РИТА. Почему?

МИША, Не знаю. Он много страдал.

РИТА. Понимаешь, это, на самом деле, не важно. Человек может много страдать или внутренне все время мучиться, а при этом, как... ну... как бывает, да?... при этом быть и оставаться... весельчаком. И порядочным человеком. Очень порядочным.

МИША. Не знаю. Не уверен. Порядочными людьми рождаются. А не становятся. Как дядя Мотя.

РИТА. Ну, дядя Мотя! Как можно сравнивать дядю Мотю и этого... как... вибро... трясульщик...

МИША. Тром-бо-валь-щик. Запомни. (*Серьезно смотрит ей в глаза.*) Это очень важная профессия. Особенно теперь... в наши дни... когда нам приходится строить... возводить разрушенное... то, что унесла война... и надо строить, строить, строить... очень много строить. По всей стране. А страна у нас большая.

РИТА (*зажмуривается*). Огромная! Мне иногда даже страшно! Представляешь, когда в Москве утро – во Владивостоке уже полночь. Люди ложатся спать, разбирают постели, укладывают детей.

МИША. И стариков. Старики ведь – как дети.

РИТА. Они беспомощны!

МИША. Очень. Иногда... (*вздыхает*) это противно.

РИТА. Нет!

МИША. Очень. Что-то... страшное такое...

РИТА. Смерть?

МИША. Нет, нет. Нет. Смерть... это смерть....

РИТА. А он... русский?

МИША. А как ты думаешь?

РИТА (*смотрит на Мишу, потом на стакан, смеется и качает головой*). Я дура... извини.

МИША. Ничего.

РИТА. Ну, а что потом было?

МИША. Когда?

РИТА. Ну... он тромбовал, тромбовал... этот... вибро...

МИША (*машет рукой*). Ах, да... я недорассказал... значит, он работал в бригаде Дурова, и...

РИТА. Это... родственник Дурова?

МИША. Какого?

РИТА. Ну, который со зверями... кувырки там разные... заяц барабанит... очень смешно... а я второй раз не пошла, свинкой болела.

МИША. Да нет... Дуров... это простой такой мужик... ну, работяга такой. Туповатый, но... дело знает. И вот, представь, работал этот у него... и я... знаешь... я всегда чувствую потенциальных доноров. Всегда. Это как... чувство цвета... или... нет, это, как абсолютный слух. Вот, смотри, (*чокается своим пустым стаканом со стаканом Риты*)... какая нота?

РИТА (*щурится*). Ну... фа, фа-диез... но у меня не абсолютный слух. Вот у Мамедовой Зойки – с рождения. И память – фе-но-ме-нальная! Фе-но-ме-нальная! За спиной что-нибудь сыграй – она сядет и сразу запишет. А скрипачка посредственная. Вот загадка жизни!

МИША. Я с ним сразу разговорился... и понял – солью с него. Много не будет, но пол-литра – солью! Сто процентов!

РИТА (*сползает со стула на пол, садится рядом с грелкой, берет ее в руки*). А... это... было пол-литра?

МИША. Почти... почти... (*нюхает стакан*) почти поллитра... сто процентов...

РИТА (*вертит в руках грелку, вытягивает пробку, сует в грелку палец, потом облизывает его; повторяет это движение*). А... почему... всего пол-литра?...

МИША. Рит, ну мы же говорили с тобой... и не раз...

РИТА. Почему? Тебе... жалко слить чуточку побольше?

МИША (*со вздохом трясет головой*). Опять – двадцать пять... Ты не понимаешь?

РИТА. Почему... ты не думаешь обо мне...

МИША. Я завел его в арматурную... когда перерыв был на обед... и напоил портвейном с барбиталом... он выпил почти бутылку...

РИТА. Ты никогда... не думал обо мне... (*раскачивается, прижав грелку к лицу*)... никогда...

МИША. Он заснул... быстро заснул... а я из паховой вены слил у него... но, сливать больше – опасно! Как ты не понимаешь элементарных вещей? Ты – человек с высшим образованием! Ты восемнадцать лет училась! Восемнадцать лет! И не можешь понять!

РИТА (*оторопело смотрит на него, потом встает, подходит с*

грелкой в руке, опускается на колени перед Мишей). Мишенька... я еще хочу

МИША. Рита... (Морщась, трясет головой .) Рита...

РИТА. Мишенька... умоляю тебя...

МИША. Рита.

РИТА. Мишенька... я не буду больше... но... я умоляю...

МИША. Рита! Прекрати! Прекрати!

РИТА. Я очень хочу... (плачет)... очень... очень...

МИША. Ты хочешь мучить меня?

РИТА. Умоляю! Умоляю! (Хватает его за ноги .)

МИША, Рита, я обижусь. Я серьезно... обижусь...

РИТА. Милый! Родной! Умоляю! Умоляю!

МИША. Я... уйду сейчас. Ты этого хочешь?

РИТА. Умоляю! Ну, если я умоляю?! Если я, я, я умоляю тебя?! Умоляю тебя?!

МИША (встает, шатаясь идет к вешалке). Рита... я не понимаю таких вещей... Тогда вообще... не надо ничего делать... и не надо вместе делать...

РИТА (ползет за ним). Ну... почему мои слова... почему я... и все, все мое... ничего для тебя... совсем ничего? Совсем – пустое место? Я – пустое место? Я – пустое место? (Рыдает .)

МИША (надевает пальто на свое голое тело). Ты знаешь... я человек принципов... я не умею лгать... и не умею... вести... так вот... я этого не умею... и не умел никогда...

РИТА (ловит его руками за полу пальто). Я... я для тебя – что? Ответь! Что я для тебя?! (Рыдает .) Что я такое для тебя?! Что я? И кто я? Я... мешок... мешковина? Я мешковина? Так? Как тогда? Как у Федоровых на елке?! Я кусок ваты?! Да?! Да?

МИША. И я... никогда не пойму таких... людей... для меня есть... люди... и есть нелюди... есть... культура поведения... а такого я не пойму... никогда...

Миша берется за ручку двери, поворачивает ключ, Рита хватается за ноги и истерично кричит, не пуская. Вдруг раздается хлопок двери в прихожей и насвистывание. Рита и Миша застывают.

РИТА (шепотом). Это... Иван.

МИША (шепотом). Почему? Почему?

ИВАН (за дверью, в прихожей). Ау! Ритка! Ты дома?

МИША (шепотом). Молчи!

РИТА (смотрит на Мишу и неожиданно отвечает). Да!

ИВАН. Законно! Жрать хочу – умираю! Слышь, у нас плавун прорвало! Полстанции – под водой! Гуляем до понедельника, родимая мама! Рит! У тебя хлеб остался?

РИТА. Да!

ИВАН. Живем! (*Шумно, со свистом раздевается .*)

МИША (*яростным шепотом*). Ты... хочешь погубить?! Погубить?!

Рита ползет к шкафу, открывает, достает утюг, протягивает Мише .

МИША (*шепотом*). Ты с ума сошла! Ты с ума сошла!

РИТА (*шепотом*). Он русский. Он русский. Он русский.

ИВАН. Слышь, Ритка, а можт у тебя и выпить найдется?

РИТА. Да!

ИВАН. Вот, что значит – интеллигенция! (*Подходит к двери Риты, стучит .*) К вам можно, мадам?

РИТА. Да!

Встает с пола, кидает утюг Мише; он ловит утюг. Рита отпирает дверь, распахивает ее. На пороге стоит Иван. Голая Рита смотрит на него и пятится вглубь комнаты. Стоящий за дверью Миша поднимает утюг над головой .

РИТА. Да! Да! Да!

Иван входит в комнату.

– Довольно, радость моя, – со вздохом разочарования произнес Сталин.

– Странная пьеса для Симонова, правда? – закрыла журнал Надежда, – Хотя, я не знаю... может в конце там совсем другое... но тема, тема. Странно, да?

– Ничего странного, – заговорил, глядя в иллюминатор, Хрущев. – Когда писатель шесть раз получает Сталинскую премию, он волей-неволей начинает перерождаться. А тема... ну, так это же – злоба дня. После «дела врачей» все советские литераторы как с цели посрывались: евреи и кровь, евреи и кровь. Безусловно, это две большие темы, но трактовать их так примитивно, так вульгарно...

– Дело вовсе не в шести Сталинских премиях, – потушил сигару Сталин. – У каждого писателя бывают взлеты и падения. Симонов слишком долго хорошо писал.

– Он такой некрасивый, – заговорила, вяжущая, Веста. – Маленький, пузатый, глаза косые, картавит. А пишет так хорошо о любви... «Я любил тебя всю, твои руки и губы отдельно». Натали Малиновская всего

Симонова наизусть помнит. А что потом там, в этой пьесе? Убили они этого русского Ивана?

– Я не дочитала до конца, – Надежда взяла стакан с яблочным соком, отпила. – Все-таки Фадеев прав: тема шприца была, есть и будет главной в советской литературе. Других равнозначных ей тем пока нет.

– К сожалению, – кивнул Сталин, встал и потянулся, – А не закусить ли нам? Лететь еще часа два.

– Я не против, – потрогал свой огромный нос Хрущев.

– Папочка, а куда мы летим? – спросила Веста.

– Что бы ты хотела съесть, ангел мой? – спросил Сталин, кладя ей руку на голову.

– Тянитолкая, папочка, – подняла Веста свое красивое юное лицо.

О вылете Сталина с секретного аэродрома в неизвестном направлении Берии доложили сразу Министра Госбезопасности удивил не сам факт вылета, а перечень лиц, следующих со Сталиным.

Всякий раз, когда Берия сталкивался с чем-то необъяснимым, не укладывающимся в логику его умозаключений, он впадал в странное оцепенение, словно ужаленный невидимой змеей.

Сидя в своем небольшом лубяном кабинете, со вкусом отделанным янтарем и розовым деревом, он не отрываясь смотрел на листок с оперативным сообщением, перечитывая сухие строчки снова и снова.

– Хрущев и Сталин, – думал он вслух. – Но причем здесь семья? Сталин и семья. Но причем здесь Хрущев?

Погасшая папироса лежала на краю янтарной пепельницы. Янтарные часы показывали 14.10. Солнце ярко светило в пуленепробиваемые стекла кабинета.

Берия положил листок на стол и снял трубку одного из восьми янтарных телефонов:

– Абакумова и Меркулова ко мне,

Вскоре в кабинет вошли два его самых близких и самых одаренных помощника: лысоватый, стройный, улыбчивый князь Абакумов в отличном темно-синем костюме с желто-голубым галстуком, в темно-синих перчатках, сжимающих легкую трость, с неизменными дымчатыми очками в черепаховой оправе, и коренастый смуглолицый атлет Меркулов в мундире генерала-полковника.

После сорокаминутного разговора Берии стало окончательно ясно, что причина столь необычного вылета Сталина заключена в чемоданчике с голубым веществом.

– Он что-то знает о нем. Больше, чем мы, – заключил Берия. – Значит, наша информация в этом деле не полная.

– Но все материалы хранятся у нас, patron, – Абакумов вставил в костяной мундштук папиросу, закурил, – В кожаной книге не было ничего сказано по поводу голубого вещества.

– Значит, ему подсказали ученые, – холодным, ничего не выражающим взглядом посмотрел на Берию Меркулов.

– С трех ночи до утра? Маловероятно, – Берия снял пенсне и стал протирать его замшевой тряпочкой. – После ужина он сразу поехал к Хрущеву. С учеными он не общался.

– Patron, есть одна возможность. В кожаной книге нет нумерации страниц. До революции она хранилась в III отделении. Возможно, что часть страниц...

– Я думал об этом, – Берия встал и заходил по кабинету. – Я уже думал об этом... Но все равно, если бы страницы попали к нему, он обратился бы к экспертам.

– Он никогда близко не общался с физиками, Только с химиками и с гуманитариями, – заметил Меркулов. – В среде химиков для МГБ нет темных мест. С физиками сложнее. Они не так актуальны для страны, поэтому мы в меньшей степени осведомлены.

– Физики, как и другие ученые, не живут изолированно. Они обмениваются идеями. Вспомните историю атомной бомбы: ее собрали и впервые применили немцы, а придумали итальянцы. Я не верю, что наши физики ничего не знают об этом голубом веществе.

– Patron, а может быть это вещество важно не физикам и не химикам, а биологам, например? Или электронщикам?

– Возможно. Но я знаю его логику. Он метафизик. Если он столкнется с чем-то непонятным, то в первую очередь обратится к представителям фундаментальных наук. Биология для него – не фундаментальная наука. Тем более – электроника.

– Он дважды ужинал с Лебедевым, – сказал Меркулов.

– С каким?

– С физиком-оптиком.

– С тайным экспертом он никогда не стал бы ужинать, – Берия подошел к столу, нажал кнопку янтарного вентилятора; желтые лопасти слились в мутноватый круг, разгоняя папиросный дым. – Он встретился бы с ним, получил заключение, а потом убил бы его.

– В ежовское время погибло много известных физиков, – Меркулов достал плоскую серебряную коробочку с кокаином, понюхал.

– Это могло случиться и до Ежова. И после, – Берия хрустнул своими длинными пальцами. – Мне нужно. Первое: точное место приземления самолета. Второе: быстрая информация от ученых-фундаментальщиков.

– Мы ведем самолет, товарищ Берия, – вытер нос платком Меркулов, – а вот насчет быстрой информации... Он переглянулся с Абакумовым.

– Займитесь Сахаровым, – Берия достал из ящика стола и распечатал новую пачку папирос «Тройка».

– Ратон, но вы же сказали – после праздников? – поправил очки Абакумов.

– После праздников будет поздно, князь, – Берия закурил и с наслаждением подставил свое лицо под струю воздуха.

Академика Сахарова арестовали в МГУ в 15.22, когда он, проведя, как всегда, бурный, «непричесанный», по словам профессора Мигдала, семинар для аспирантов кафедры теоретической физики по теме «гнилые кольца времени», стремительно вышел из душевой, еще дышащей жаром дискуссии аудитории и, удовлетворенно шевеля своими большими, толстыми, испачканными мелом пальцами, направился в туалет.

Через час его мускулистое тело мастера спорта по вольной борьбе висело на дыбе в бетонном подвале Лубянки,

Сахарова допрашивал знаменитый Хват – живая легенда МГБ, дважды Герой Советского Союза, следователь по делу зловещего вредителя Вавилова, посветившего свою жизнь выведению «быстрой спорыньи» и заразившего ею кубанскую пшеницу

Маленький, сухой и подвижный Хват сидел за своим, известным каждому сотруднику Госбезопасности, «подноготным» столом, курил трубку и ждал, пока подвешенный перестанет кричать. На застеленном коричневой клеенкой столе лежали многочисленные приспособления для пыток в области ногтей Симпатичная черноглазая стенографистка примостилась в углу за маленьким столиком.

Наконец голое, мокрое от пота тело академика перестало дергаться, и вместо крика из его перекошенного дрожащего рта обильно потекла слюна.

– Ну, вот и славно... – Хват выбил трубку, натянул черные кожаные перчатки, встал и подошел к подвешенному. – Знаешь, Сахаров, я люблю работать с учеными. Не потому, что вы слабее военных или аристократов. А потому, что глубоко уважаю ваш труд. Это у меня с детства. Я в Таганроге вырос. Семья у нас была – семеро по полкам. Отец – работяга запойный, мать прачка. Жили в огромном коммунале – сто квартир, один сортир. Чего там я только не насмотрелся. И мордобой, и пьянство, и ебля

беспробудная, не разберешься кто в кого сует. Но было одно светлое пятно. Жилец. Возле самого сортира. Маленькая комната. Шесть метров. Очкарик. Студент. Математик. Сам невзрачный. Прыщавый. Одет аккуратно, но в обноски. Голос слабый, гайморитовый. Зайдет, бывало, на кухню: «Товарищи, могу я попросить кружку кипятка?» И все наши громилы татуированные, все лахудры неподмытые, все старухи скрипучие – враз притихнут. Почему – не понятно. Я бывало, как проснусь, из сортира выйду, подойду к его двери, к замочной скважине нос приложу, потяну Запах. Необычный. Умным человеком пахло. Приятнее этого запаха для меня тогда ничего не было. С ним в ноздрях я и в органы пришел. Я и сейчас умных людей по запаху отличаю. Вот ты, например, – Хват понюхал блестящие от пота ягодицы академика, – тоже умный. Да и Вавилов был умный. И Виноградов, И Вовси. И Пропп. И тем обиднее мне, Сахаров. Тем больнее.

Он вернулся к столу, взял тонкую папку дела, открыл:

– Посмотри, до чего ты додумался. Время – качан капусты, а все события – просто тля, его разъедающая. Ебёна мать! Это как в том еврейском анекдоте: «И с этой хохмой этот поте едет в Бердичев?», – Хват переглянулся с улыбнувшейся стенографисткой. – Качан капусты! Сколько ты получал в университете?

– Шесть... ты... тысяч... – прохрипел Сахаров.

– Шесть тысяч, – кивнул Хват. – И пять в конверте, как академик. Одиннадцать штук. Не хуй собачий. И чем же отплатил академик Сахаров советскому народу за такую охуительную зарплату? Концепцией «время – качан капусты». иб-ти хуй! Значит, и революция, и гражданская война, и первые сталинские пятилетки, и Великая Отечественная, и подвиги советских солдат, и героическое возрождение разрушенного народного хозяйства, и сталинская медикаментозная реформа, и его бессмертная теория Внутренней и Внешней Свободы, – все это только полчища тли на гнилом капустном листе, мандавошки, блядь какие-то!

Он кинул папку на стол, склонился над «подноготными» инструментами, выбирая:

– Вавилов был страшной гнидой. Я поседел в тридцать лет, пока расколол его, Но он был явный вредитель. Вредитель по убеждению. Ты же – вредитель тайный. Не по убеждению, а по гнилой антисоветской природе твоей. Господь дал тебе умную голову, здоровое тело. Великий Сталин – цель в жизни. Советский народ обеспечил идеальные условия для работы. А ты, сучий потрох, за все это попросту насрал. И Господу, и Сталину, и народу.

– Но... я... де... лал бомбу... – прохрипел Сахаров.

– Бомба – бомбой. А время... это – время. Выбрав две похожие на наперстки насадки, Хват завел в них пружины, капнул азотной кислоты и надел набольшие пальцы ног академика. Насадки зажужжали. Тончайшие иглы вошли Сахарову под ногти, впрыснули кислоту. Он мускулисто качнулся, словно зависший на кольцах гимнаст, и закричал протяжным криком.

Через 28 минут, исходящий розовой пеной, Сахаров вспомнил, как летом 49-го в санатории «Красная Пицунда» подвыпивший Курчатов рассказал ему о странной гибели профессора Петрищева, «потрясающе талантливого, но еще до войны свихнувшегося на проблеме чего-то голубого». Петрищев, один из ведущих отечественных термодинамиков, сделавший быструю и блистательную карьеру, ставший в 25 лет профессором, написавший известный каждому студенту учебник по термодинамике, неожиданно уволился из МГУ, полностью порвал с научной средой, затворился с женой на даче в Песках и прожил там вплоть до 49-го. Жена, вышедшая утром в магазин, вернулась и обнаружила профессора лежащего на участке лицом в маленькой луже. Курчатов считал погибшего сумасшедшим, однако, заметил, что Петрищевы всегда жили широко – до затворничества и после, хотя богатыми наследниками не были.

– Ну вот, уже кое-что, – Хват удовлетворенно снял «наперстки» с посиневших ног академика.

Вдову профессора Петрищева Хват не стал подвешивать. Грудастую корпулентную даму раздели, приковали к мягкой кровати, сделали ей инъекцию люстстимулятора пополам с кокаином. Хват сменил кожаные перчатки на резиновые, растер между ними вазелин и, присев на кровать, стал массировать даме клитор, одновременно сжимая ее рыхлую венозную грудь.

– Мамочка... мама... – сладко плакала раскрасневшаяся вдова.

– Сделаем хорошо хорошей девочке... сделаем сладко... – зашептал Хват ей в розовое ухо. – Девочка у нас красивая, девочка нежная, девочка умная... девочка расскажет все нам... девочке будет так приятно, так хорошо...

Он почти довел ее до оргазма и сразу остановился. Петрищева хотела было помочь себе толстыми бедрами, но Хват схватил их, развел:

– Нельзя, нельзя... девочка еще не сказала. Так повторялось три раза. Петрищева билась на кровати, как тюлень, обливаясь слезами и слизью.

– Девочка расскажет... и я ей сразу сделаю... а потом к девочке жених

придет... высокий, стройный чекист... голубоглазый... за дверью ждет с букетом... расскажи про голубое, сладкая наша...

Пуская пузыри и захлебываясь слезами, Петрищева рассказала. Из ее сбивчивых речей, прерываемых криками и стонами, стало ясно, что в 35-ом профессора Петрищева вызвал в Кремль Сталин и показал ему девять страниц из некой книги, написанной по-русски, кровью на оленьей коже. На этих девяти страницах было описание вещества голубого цвета, которое должны прислать из будущего для того, чтобы мир изменился. Вазелиновые попытки Хвата, выяснить подробности этих свойств, успехом не увенчались: вдова, дама с незаконченным гуманитарным образованием, как не билась, ничего вразумительного из себя не выдавала.

– И ну поделай, и что это... и ну поделай, и что это... – подмахивала она руке Хвата, – и... что мир изменит... мир изменит... и ну поделай, и что это... и... не гниет... не тлеет... не нагревается... и ну поделай, и что это... и ну поделай... и ну поделай... ну поделаай!»

– Хуй тебе, – Хват встал с кровати, стянул с рук жирные перчатки, отдернул ширму, за которой прилежно трудилась стенографистка. – Оформишь – сразу ко мне в кабинет!

– И ну поделай! И ну поделай! – металась Петрищева.

Захватив дело и трубку, Хват вышел в коридор подземной тюрьмы, зашел к лифту, скрипя новыми сапогами. Курносый старшина с автоматом на груди открыл перед ним дверь лифта.

– Минуту! – подбежал к лифту майор Королев с двумя толстенными томами «дела банкиров» под мышкой. – Приветствую, товарищ Хват!

– Здорово, Петь, – Хват протянул ему руку. Лифт тронулся вверх.

– А в отделе говорят – Вы в отпуске! – белозубо улыбнулся майор.

Хват раскурил трубку, устало посмотрел майору в переносицу:

– Баб допрашивать – все равно, что из говна пули лепить. Понял?

– Понял, товарищ полковник! – еще белозубей заулыбался майор.

В 16.31 самолет Сталина пересек границу СССР в районе Праги.

Берия раздвинул темно-желтые шелковые шторы на янтарной карте мира, посмотрел:

– Теперь ясно к кому он летит.

Он вернулся к столу, взял листы хватовских допросов, посмотрел, разорвал и бросил в корзину.

– Может, допросить химиков, patron? – спросил Абакумов – Не может быть, чтобы о таком уникальном веществе ничего не...

– Прошлогодний снег, – оборвал его Берия.

– Я бы, товарищ Берия, попотрошил Власика, – заворочался

широкоплечий Меркулов. – У него рыло в пуху. Он тогда, после убийства Кирова...

– Прошлогодний снег, – проговорил Берия, хрустнул пальцами и выдвинул правый ящик стола. В столе лежал инкрустированный янтарем пистолет с глушителем.

– Кто стреляет по вальдшнепу, который уже пролетел? – спросил Берия и выстрелил в лоб Абакумову.

Князь рухнул на оранжево-палевый ковер. Собиравшийся понюхать кокаину, Меркулов замер с раскрытой коробочкой.

– Только очень глупый охотник, – Берия выстрелил ему в правый глаз.

Меркулов навалился грудью на стол. Серебряная коробочка упала на папку дела «Самолет», кокаин высыпался из нее.

Берия послунил палец, обмакнул в порошок и задумчиво провел им по своей верхней десне.

Два гибких русоволосых стюарда подавали десерт – фрукты в мандариновом желе, когда в салон вошел борткомандир и, приложив руку к сине-белой фуражке, доложил:

– Товарищ Сталин, наш самолет пересек границу СССР и вошел в воздушное пространство Третьего Рейха.

– Хорошо, – кивнул Сталин и посмотрел на часы. – Сколько еще?

– Минут сорок и мы на месте, товарищ Сталин. Зачерпнув золотой ложечкой желтое желе из хрустальной розетки, Хрущев покосился в иллюминатор:

– Облачно.

– В Праге дождь, товарищ Хрущев, – заметил борткомандир.

– В какой? В Западной или Восточной? – тяжело глянул на него граф.

– В... обеих, товарищ Хрущев, – серьезно ответил пилот.

– Не может быть. Это провокация, – покачал головой жующий граф.

Борткомандир непонимающе стоял посередине салона.

– Вы свободны, – улыбнулся Сталин. Пилот и стюарды вышли.

– Пап, а в Праге стену когда построили? – спросил Василий.

– Сразу после войны, дубина, – томно потянулся Яков.

– Через трое суток после завершения Потсдамской конференции были заложены первых два камня, – ответил Сталин.

– А почему – два?

– Потому что Пражская стена строилась взаимными усилиями двух держав-победителей: СССР и Германии. Один кирпич положил фон Риббентроп, другой – Молотов.

– А зачем стену делать обязательно через Прагу? – заговорила Веста, натягивая мохеровую «трубу» на левретку. – Сделали бы чуть подальше. Там же родственники, друзья. И вдруг – живут в разных городах. Если б Москву перегородить по Красной площади, это значит – я в Восточной Москве останусь, а Машка Жукова и Натали Малиновская – в Западной. Ужас. Зачем обязательно через Прагу?

– Так войска остановились, stupid girl, – зевнул Яков.

– Что у тебя по Истории СССР, Василий? – спросил Хрущев.

– Четыре, граф. Просто... у нас учитель странный какой-то. Интроверт.

– Не клевети на Сергея Арнольдовича, – с укором заметила Аллилуева. – Он замечательный педагог.

– Учителей-интровертов наш народ давно уже превратил в лагерную пыль, – произнес Сталин. – А историю своей родины надо знать.

Через сорок минут самолет пошел на посадку и после долгого планирования над баварскими Альпами приземлился на личном аэродроме Гитлера близ Берхтесгадена.

Этот просторный, почти всегда пустой аэродром был обустроен в Альпах после произведенного здесь подземного атомного взрыва, расчистившего древние горы.

Длинное, непривычно ровное поле аэродрома напоминало застывшее горное озеро и упиралось в гранитное лицо Гитлера, вырубленное из целой горы усилиями Арно Брекера и шести тысяч франко-английских заключенных.

Умно-сосредоточенное лицо с высоким лбом, горбатым прусским носом, маленьким упрямым подбородком и красивыми властными губами со спокойной величавостью исполина смотрело на жужжащее белое насекомое, подползающее к нему по посадочной полосе.

Турбины остановились, подъехал трап.

– Gruss Gott, Deutschland, – встал с кресла и захрустел пальцами Хрущев.

– Ой, как здесь капитально! – посмотрела в иллюминатор Веста. – Буду на горных лыжах кататься.

– На саночках с мамочкой... – пробормотал Василий, собирая леденцы, выпавшие из коробки ему на колени. – Яш, дай закурить.

– Хуй тебе, – прошептал одними губами Яков, надевая поданный стюардом пиджак.

– Распорядись насчет экипажа, – кивнул Хрущеву Сталин и первым направился к выходу

Свежий горный ветер приятно охладил его лицо. Сталин шагнул на резиновую площадку трапа и с удовольствием вдохнул полной грудью. Внизу вождя страны Советов ждали худой, подтянутый Мартин Борман, полноватый, коренастый фон Риббентроп и ничем не примечательный командующий лейбштандартом СС «Адольф Гитлер» Зепп Дитрих.

Надежда встала рядом с супругом, и они, неторопясь, спустились по трапу.

– Guten Tag, Herrschaften! – громко приветствовал встречающих Сталин и уверенно ступил на немецкую землю.

– Herr Gensek! Ich darf Sie im Namen der Regierung des Dritten Reiches willkommen heissen! – прохрипел лиловощекий фон Риббентроп, и начались рукопожатия.

Хрущев и дети Сталина присоединились к церемонии. Военный оркестр заиграл гимн Советского Союза, все на время замерли; затем Сталин с Риббентропом двинулись вдоль шеренги эсэсовского почетного караула.

В лайнере, тем временем, ниндзя, Аджуба и Сисул быстро и профессионально удавили экипаж самолета.

Подъехали четыре темно-синих «Хорьха». В первом разместились Сталин с супругой и фон Риббентроп, во втором Хрущев с Борманом, в третьем дети Сталина с Зеппом Дитрихом, в четвертом четверо ниндзя, колонна с золотым шприцем, Сисул и Аджуба, поранивший себе руку брошью задущенного стюарда. Два черных мерседеса охраны выехали из-под подбородка каменного Гитлера, и эскорт тронулся.

Дорога на Оберзальцберг плавно вилась серпантином вокруг одной горы, затем другой, забираясь выше и выше. Наверху было облачно, туманно и лежал чистый снег. Густой ельник обступал серпантин, местами наползали желтовато-серые скалы, разверзающиеся пропастями, с мелькающей далеко внизу светлой и темной зеленью лугов и предгорий.

Вскоре эскорт въехал на просторное плато, большую часть которого занимала сумрачная громада «Бергхофа» – замка рейхсканцлера Третьего Рейха Адольфа Гитлера.

Выстроенный по проекту Шпеера в стиле нео-готики, замок потрясал своим нечеловеческим размахом и удивительной архитектурой: словно кусок чудовищных сот соорудили здесь невиданные огромные пчелы, и, не наполнив их небесным медом, в испуге покинули навсегда, уступив во владение одному из самых великих и необычных людей Земли.

Машины въехали в раскрывшиеся позолоченные ворота замка, обогнули громадный фонтан, изображающий борьбу титанов с богами, и

остановились возле широкой мраморной лестницы парадного входа. Черные эсэсовцы отворили дубовые готические двери, и по серо-голубому мрамору сошел вниз Адольф Гитлер.

Высокий, худощавый, он был похож лицом на свое казенное изваяние в Берхтесгадене. Длинные прямые волосы пепельного цвета доходили рейхсканцлеру до узких плеч. На нем был темно-синий френч, переходящий в узкие галифе с высокими сапогами.

– Mein her zlicher Freund! – произнес Гитлер мягким низким голосом, и его большие нервно-бледные руки пианиста сомкнулись вокруг смуглой руки Сталина.

– Mein teurer Freund! – Сталин накрыл ладони Гитлера своей левой рукой.

Они молча смотрели в глаза друг другу. Гитлер был голубоглазым. Карие глаза Сталина здесь, в высокогорье Альп, слегка посветлели.

– Йа оччень рат! – произнес Гитлер и улыбнулся своей неуловимой магической улыбкой.

– Ich auch, mein Freund! – ответил Сталин, улыбаясь с мягкой искренностью.

Порыв горного ветра пошевелил пепельные волосы Гитлера, качнул стоячий ворот сталинского плаща. Пальцы их расстались. Гитлер поцеловал руку Надежде, поприветствовал остальных и плавным жестом дирижера пригласил гостей войти.

Все поднялись по лестнице, переступили кованый порог замка с выбитым на нем «BLUT UND BODEN» и оказались в огромном гостевом зале, напоминающем внутренность готического храма. Восьмигранные колонны из черно-красного обсидиана поддерживали острые арки терракотового потолка, эсэсовцы в белой униформе стояли по углам, а в центре на красном гранитном полу возвышалась вырубленная из горного хрусталя обнаженная Новая Германия с мечом в правой руке, руной «Пробуждение» в левой и с золотым венком на голове.

После непродолжительного обмена ритуальными фразами Гитлер пригласил прибывших пожаловать в гостевые апартаменты замка, чтобы они смогли «отдохнуть после неестественного преодоления земного пространства. В 23.00 он ждал их на ужин в Небесном зале.

Сталину и Надежде были отведены апартаменты из семнадцати великолепных комнат, отделанных в классическом венском югендшtile и убранных живыми цветами из всемирно известной оранжереи фюрера.

Дойдя до сиренево-золотой гостиной с гнутой мягкой мебелью, кланяющимся какаду и четырьмя полотнами Густава Климта, Надежда

захотела выпить зеленого чая. Сталин поцеловал ее и с чемоданчиком в руке двинулся дальше по прелестной анфиладе, пока не оказался в спальне изумрудного плюша. Верный Сисул затворил за ним зеленые двери и привычно лег перед ними на пол. Сталин поставил чемоданчик на камин, не раздеваясь, бросился на серебристо-зеленую кровать и заснул неглубоким сном вождя.

К одиннадцати вечера в Небесном зале «Бергхофа» все было готово к приему.

Едва семья Сталина приблизилась к перламутровой входной арке зала, как церемониймейстер в белом эсэсовском мундире с аксельбантами трижды стукнул стальным жезлом по мраморному полу и выкрикнул высоким чистым голосом:

– Seine Exzellenz – Josef Stalin und seine Familie!

Камерный оркестр заиграл увертюру из «Тристана и Изольды».

Сталин с Надеждой неспешно вошли в зал. Василий, Веста и Яков с чемоданчиком следовали за родителями.

Круглый Небесный зал простирался вокруг и над ними во всем своем великолепии. Бледно-голубой мрамор пола плавно перетекал в синюю яшму стен, стягивающуюся к огромному овальному небесному куполу темно-фиолетового Лабрадора. Небесная сфера светилась алмазными звездами, Млечный путь, переливаясь, пересекал ее. Стальная свастика, удерживаемая невидимыми магнитами, парила под Полярной звездой, медленно вращаясь. В громадном окне зала виднелись Альпы, освещенные луной. Настоящие звезды скупно поблескивали над ними.

В зале, с бокалами шампанского в руках, стояли Гитлер, его жена Ева Браун, фон Риббентроп, Борман, Геринг с супругой Эмми, личный врач Гитлера доктор Морелль, кинорежиссер Лени Рифеншталь и граф Хрущев.

Гитлер поставил недопитый бокал на поднос эсэсовскому слуге и, распростерши длинные руки с выбивающимися из узких рукавов синего фрака кружевными манжетами, пошел к Сталину, громко стуча по мрамору высокими каблуками туфель с золотыми шпорами. Тонкая, затянутая в леопардовое платье Ева последовала за ним.

Сталин и Надежда были в белом.

– Nadja! Josef! – Гитлер прикоснулся своими властными губами к белой перчатке Надежды, сжал руку Сталина. – Ich bin so glücklich, meine bezaubende Freunde! Macht es Ihnen nichts aus, dass Sie hier in den Bergen für einen Augenblick den Boden unter den Füssen verlieren?

Ответно сжимая руку Гитлера, Сталин тепло улыбнулся и выдержал

паузу, собираясь с удовольствием нырнуть в сумрачный омут немецкого языка, хорошо знакомого ему еще со времен брест-литовского детства. В семье вождя все, за исключением Василия, прекрасно говорили по-немецки.

– Напротив, Адольф. Здесь поневоле почувствуешь себя изгнанником Валгаллы. А это – весьма комфортное чувство, – сочно, с легким берлинским акцентом проговорил Сталин.

– Изгнанником? Не обитателем, а всего лишь изгнанником? – засмеялся Гитлер. – Ты оценила, Ева, эту большевистскую иронию?

– Вполне, милый. Здесь я ощущаю себя кем угодно, только не небожительницей... Nadine, дорогая, – Ева прикоснулась своей щекой к щеке Надежды, – ты обворожительна!

Обе пары были «на ты» со времени Потсдамской конференции, положившей начало великой советско-германской дружбы и новому переделу мира.

– Мы не виделись почти два года, друг мой, – Гитлер взял Сталина под локоть. – И это плохо.

– Очень плохо, – согласился Сталин. – Не только для нас, но и для наших народов.

– Бог мой! – воскликнул Гитлер, заметив Весту. – Это твоя дочь, несравненная Веста? Разрази меня гром! Я видел ее еще ребенком!

– Я тоже, – улыбался Сталин.

– Весточка и сейчас ребенок, – сказала Надежда. Веста сделала книксен.

– Русская красота! Настоящая русская красота! – Гитлер поцеловал руку Весты. – Невероятно! Будь у меня такая дочь, я забыл бы про политику. Василий! Яков! – он потрепал их по плечам. – Бог не дал мне детей, но наградил способностью любить детей моих друзей, как своих. Пока вы здесь, вы все мои дети, помните это!

– Мы тоже любим вас, господин рейхсканцлер, – ответил Яков.

– Шампанского! – выкрикнул Гитлер, и слуги засустились, поднося бокалы на синих подносах.

– За великого Сталина, моего лучшего друга и неизменного соратника в нашей героической борьбе по освобождению Человека! – провозгласил Гитлер.

Все выпили.

Сталин взял новый бокал:

– За Новую Германию, разбуженную гением Адольфа Гитлера!

Все снова выпили.

К Сталину подошли Геринг с супругой и Лени Рифеншталь.

– Рад приветствовать вас, господин генеральный секретарь, – склонил худощавую, редковолосую голову двухметровый, тонкий как жердь Геринг.

– Здравствуйте, Геринг, – пожал ему руку Сталин. – Когда наконец ваши доблестные «Люфтваффе» осыпят дядю Сэма атомным поп-корном?

– Не спрашивай Германа об этом, – притворно-страдальчески вздохнул Гитлер. – Сейчас его больше заботит гражданская овиация.

– Правда?

– Да, да. Он проектирует пассажирский лайнер для охотников. Какой уж тут атомный поп-корн!

Все рассмеялись, а Геринг дважды потряхнул своей вытянутой головой.

– Лени! – Сталин протянул руки к Рифеншталь.

– Мой дорогой, мой любимый Иосиф Сталин! – Лени поцеловала его в обе щеки. – Атлас, держащий русское небо! Повелитель моей любимой страны!

– Любимой – после Германии, надеюсь? – Сталин с удовольствием разглядывал ее маленькое, смуглое лицо с азиатскими раскосыми глазами.

– Не надейся, Иосиф, – вздохнул Гитлер. – Лени теперь больна русской темой.

– Это до тех пор, пока она не сделает фильм о России! – усмехнулся Сталин.

– Я готова хоть сейчас! – воскликнула Рифеншталь. – Но где идея? Где импульс? Я не могу снимать просто Россию! У меня так всегда, – она взяла Сталина под руку и быстро заговорила: – Я снимаю то, что меня потрясает. В «Триумфе воли» это был Гитлер, в «Олимпии» – спорт, в «Атомной эре» – ядерный гриб над Лондоном. Но в России меня потрясает все! А мне нужен конкретный импульс.

– Он стоит перед тобой! – Гитлер указал бокалом на Сталина.

– Сталин запрещает снимать себя, тебе это известно, Адольф, – нервно потряхнула прямыми черными волосами Лени.

– Это правда, – чокнулся с ней Сталин.

– Сделай фильм о внутренней свободе в России, – серьезно проговорил Гитлер. – Это и будет первый документальный фильм о Сталине.

– Хватит о вождях, давайте о народе, – Сталин взял с подноса бокал, протянул Лени. – В «Триумфе воли» вы потрясли трон великого Эйзенштейна. Ни в одном фильме народные массы не источают такую сильную любовь.

– В «Броненосце Потемкине» они источают потрясающую

ненависть! – сверкнула глазами Лени.

– А от любви до ненависти – народу один шаг, – с идиотской улыбкой заметил доктор Морелль – Поэтому оба фильма великие. Они как... два сапога какого-то страшного Гулливера. Два сапога! А уж он-то в них так и шагает, так и шагает! Айн-цвай! Айн-цвай!

– Я жду inspiration, Иосиф, – произнесла в бокал Лени, не обращая внимания на Морелля.

Оркестр играл Моцарта.

Вдруг бокал с шампанским выскользнул из рук фюрера и громко разбился об пол. Гитлер посмотрел в дальний конец зала, присел и хлопнул себя ладонями по коленям:

– Блонди! Мальчик мой!

Огромный лимонно-белый дог кинулся через весь зал к своему хозяину. Две другие собаки – французский бульдог Негус и мопс Штази флегматично дремали на бархатных подушках.

– Я тебя еще не *трогал* сегодня, – Гитлер опустил на колено и сделал знак оркестру.

Музыканты прекратили играть.

Подойдя к коленопреклоненному хозяину, дог лизнул его в бледную щеку. Гитлер плавно поднял свои бессильно висящие вдоль тела руки.

Дог вздрогнул и оцепенел.

В зале наступила абсолютная тишина. Ладони Гитлера зависли над головой дога и раскрылись длинными пальцами, как раскрываются диковинные тропические цветы.

До этого мгновения руки фюрера были руками обыкновенного человека, сейчас же они преобразились и стали теми самыми Великими Руками Гитлера, от которых трепетал весь мир.

Собака стояла словно чучело под сенью этих необыкновенных рук. Незримое напряжение пошло от них, все присутствующие замерли.

– Я тебя еще не трогал сегодня, – снова произнес Гитлер.

Вокруг его рук возникло слабое зеленоватое свечение и синие искры задрожали на кончиках пальцев. Пальцы сжались, разжались и окостенели в каноническом положении «рук Гитлера», словно сжимая два невидимых шара. Концы пальцев сильнее заискрили синим.

Сталин улыбнулся.

Это были руки Гитлера, руки его друга, разделившего с ним послевоенную старушку-Европу. Руки, на силе которых держался Третий Рейх.

Собака стояла, не шелохнувшись. Ее желто-белая голова, освещенная

сине-зелеными всполохами, казалась отлитой из неземного стекла. Черные влажные глаза остекленели.

– Мне надо учиться у тебя, мой друг, – произнес Гитлер бесцветным голосом, прикрыв веки, – многому, многому учиться.

Руки его переливались сине-зеленым огнем.

Искры впервые вспыхнули на этих юношеских, грязных, исцарапанных руках в 1914 году в окопах под Верденом после прямого попадания французского снаряда в блиндаж, где сидело поредевшее отделение ефрейтора Гитлера вместе со своим юным командиром. После страшного грохота и ослепительной вспышки Адольф очнулся в центре большой земляной воронки, по краям которой громоздились изуродованные бревна и тела солдат. Руками Адольф страшно сжимал свою голову. Тогда собственные руки показались ему корнями двух исполинских дубов, кронами уходящих в небесную твердь. Могучие корни их впились в полушарии мозга Адольфа с божественной беспощадностью, словно дефлорировав его сознание. Зажмурившись, он закричал от ужаса.

А когда открыл глаза, мир был уже другим. В нем не было страшно. Он стал родным, как тело Адольфа, и понятием, словно таблица умножения. Адольф отпустил голову и посмотрел на руки. В них была такая мощь, что он заплакал от восторга...

А через несколько стремительно промелькнувших лет Адольф Гитлер стоял на столе в переполненной мюнхенской пивной «Хофбройхауз», готовясь впервые в жизни применить свою чудесную силу.

Большой прокуренный зал был переполнен и нестерпимо вонял пивом, вкус которого Адольф не переносил с детства.

Перед Гитлером выступал коммунист Эрнст Тельман – бодрый, чернобородый, раскрасневшийся толстяк, более часа сотрясавший аляповатые люстры «Хофбройхауза» своим рокошущим басом. Он говорил блестяще, доведя публику до исступления, выкрикнул:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», сунул в рот два пухлых коротких пальца и грозно переливчато засвистел, вызвав шквал овации. Мюнхенцы подхватили его на руки и стали бережно передавать по залу, словно копченый окорок священной свиньи.

Друзья Гитлера – одноногий Рудольф Гесс и маленький черноволосый Альфред Розенберг подтолкнули Адольфа к столу, но он инстинктивно попятился.

– Адольф, ты должен! – закричал ему в ухо Розенберг.

– Сейчас или никогда! – хрипел Гесс. Они помогли Гитлеру вскарабкаться на стол. Он выпрямился и огляделся.

На нем был сине-зеленый мундир с белой свастикой на рукаве.

Кругом сидели и толпились эти жирные, потные баварцы в кожаных штанах, столь ненавистные ему, венскому аристократу. От них так несло мочой и пивом, что у Адольфа помутнело в глазах. Он понял, что его сейчас обильно вырвет на этот залитый пивом дубовый стол.

– Ну, а ты что нам скажешь, синий глист? – выкрикнул усатый бюргер в шляпе с кисточкой, и зал засмеялся. Подавив приступ тошноты, Гитлер сглотнул и произнес хриплым слабым голосом:

– Добрый вечер, соотечественники. Дружный хохот сотряс пивную.

– Вот образ настоящего наци! – пророкотал из своего «красного» угла Тельман, и люстры снова закачались от хохота.

– Наци – свиньи! Наци – свиньи! – стал скандировать краснощекий Тельман, стуча по столу ополовиненной кружкой.

Зал послушно подхватил:

– Наци – свиньи! Наци – свиньи!

Десяток крепких рук вцепились в ораторский стол и принялись встряхивать его в такт реву.

Гитлер зашатался.

Гесс и Розенберг кинулись было на помощь, но быстро получили кружками по головам и повалились на мокрый пол.

Пытаясь сохранить равновесие, Адольф растопырил пальцы рук, собираясь упасть на них. Пальцы согнулись и засветились зеленым.

Зал не сразу заметил это. Но от рук Гитлера пошла незримая волна энергии, пробивающая и отрезвляющая пьяных бюргеров.

Стол перестали трясти, и через пару минут в зале воцарилась мертвая тишина. Раскрыв рты, баварцы смотрели на этого худого парня со светящимися руками. Кто-то громко выпустил газы.

Почувствовав свою силу, Гитлер направил руки на толпу. По кончикам пальцев пробежали синие искры, раздался треск, и десять синих молний, словно когти, впились в потное тело народной массы.

– Кровь и почва, – произнес Гитлер.

– Кровь и почва! – прошептали сотни немецких губ.

Казалось, прошла вечность.

Гитлер опустил руки. Свечение и молнии погасли.

Толпа мгновение оторопело пялилась на него, затем в ней раздалась восторженные крики, и волна народного восторга смела Адольфа со стола. Руки немцев подхватили его и стали подбрасывать к прокопченному потолку пивной:

– Кровь и почва! Кровь и почва! Кровь и почва! Гесс и Розенберг

заворочались на полу, подняли свои разбитые головы и, плача, обнялись: победа!

И все те же руки немцев поволокли к выходу злобно плюющего толстяка Тельмана и уже не копченым окороком, а мешком с сушеным дерьмом.

– Ну-ка вон отсюда, красная свинья! – прорычал ему в ухо смуглый баварец и крепким пинком навсегда отправил вождя немецких коммунистов за порог «Хофбройхауза».

Так началось Великое Пробуждение Немецкого Народа...

– Учиться... учиться... нам всем надо у тебя учиться... – бормотал Гитлер, поглаживая Блонди искрами. – Учиться любви и верности.

Фюрер тяжело вздохнул и встряхнул руками.

Свечение пропало.

Собака вздрогнула, взвизгнула и отпрянула в сторону. Отряхнувшись, словно от невидимой воды, она потянулась, зевнула и стала обильно мочиться на мраморный пол.

– Блонди! Мальчик мой! – засмеялся и захлопал в ладоши Гитлер.

Все зааплодировали. Слуги поспешили к собаке со швабрами.

– Адольф, ты неподражаем! – искренне признался Сталин, обнимая Гитлера. – Даже когда ты *трогаешь* собак.

– Я многому учусь у животных, – серьезно заметил Гитлер, одним духом опустошая бокал с шампанским.

– Кстати, а где же наша Антанта? – спросил Сталин Надежду

– Вероятно, с Сисулom.

– Как, ваша собака не с вами? – удивилась Ева. – Друзья, вы невнимательны к братьям нашим меньшим.

– Позовите, немедленно позовите Антанту! – топнул каблуком и потряхнул длинными волосами Гитлер.

Появился Сисул и впустил в зал левретку. Антанта с разбега вспрыгнула на грудь своему хозяину, Сталин подхватил ее. Левретка возбужденно облизала его щеку и впиалась нежным, но сильным языком в ноздрю.

– Какая прелесть! – подошла Ева.

– Чудесная собака, – Гитлер погладил беспокойную голову левретки. – Она потомок собак фараонов, не правда ли?

– Грейхаундов? – неуверенно спросил Борман.

– Салюков, – подсказал Сталин, опуская Антанту на пол.

Левретка понеслась по залу. Дог не обратил на нее внимания, зато Негус и Штази слезли со своих подушек и с удовольствием обнюхались с

ней.

– Собаки... собачки... это, знаете, господа, как птички Божие! – вдруг громко заговорил доктор Морелль. – С одной стороны, они раздражают, и иногда хочется – за ногу да об стену Чтоб мозг так и брызнул. А с другой стороны, сожмешь сердце, погладишь собачку, приласкаешь и сразу в голове такая ясность. Ясность, господа! Как... как... ну... в Мюнхене, когда фён уже кончился и можно снова продуктивно думать.

– Что такое фён? – спросил Хрущев.

– Фён! Вы не знаете фёна? – оживился Морелль, вплотную подходя к графу.

Хрущев вовремя отвернулся, иначе его огромный нос въехал бы в пухлую щеку лейб-доктора.

– Фён! Это ветер с Альп, ветер с юга! – закричал Морелль в ухо графу. – Когда он дует, мозги превращаются в кнедли!

– А что такое кнедли? – спросила Веста.

– Ты вовремя задаешь этот вопрос, дитя мое! – поднял палец Гитлер. – Друзья, мы заговорились. А беседа, как свидетельствовали римляне, всего лишь приправа к еде. Не наоборот. Прошу вас!

Он сделал знак дирижеру. Оркестр смолк.

– Стол! – скомандовал Гитлер.

Синий прямоугольник пола медленно опустился вниз, открывая подсвеченное подвальное пространство. Внизу послышался шорох, торопливое движение невидимых слуг, и вскоре мраморная плита поднялась со стоящим на ней столом и встала на место.

Стол был великолепно сервирован и выдержан в сине-голубых тонах: на голубой скатерти стояли синие тарелки, синие бокалы, голубые блюда с закусками; пламя трех дюжин лазуревых свечей дробилось в фиолетово-голубых стеклах графинов.

Гитлер сделал свой дирижерский пригласительный жест, и все подошли к столу

Оркестр грянул Штрауса.

Хрущев достал платок и вытер заплеванное Мореллем ухо.

Когда все расселись по указанным синими табличками местам, Гитлер взял фиолетовый графин с Мозельским и стал наполнять бокалы сидящих рядом с ним Надежды, Евы и Сталина. Он всегда делал это сам и терпеть не мог, когда вино разливали слуги. Борман и Геринг наполнили бокалы остальных гостей.

– Друзья! – поднял синий бокал Гитлер. – Вы знаете, я не люблю и не умею говорить тосты. Но сегодня мне приятно сделать усилие над собой.

Не так давно мы с партайгеноссе Борманом были в Ирландии. Это замечательная страна, И очень неглупый народ. Гостеприимный, непосредственный Англичане безумцы. Они ненавидели национал-социализм ненавидели коммунизм. Что же они любили? Свою островную плутократию. Что они пестовали в себе? Типично английскую шизофрению. И что же они получили от внешнего мира? Атомную бомбу А мудрые ирландцы, над простотой и доверчивостью которых потешались чопорные англичане открыли нам границу Еще задолго до англо-немецкого кризиса На что похожа теперь Англия? На сожженное осиное гнездо. А Ирландия? На цветущий вишневый сад. Так вот В Дублине, во время нашего визита, был открыт памятник Вы думаете – мне? Ошибаетесь, друзья! Это был памятник Иосифу Сталину. На центральной площади Дублина. Бронзовый Сталин со своим знаменитым золотым шприцем.

Гитлер помолчал, сосредоточенно глядя на ровно горящие свечи.

– Я всегда был честолобив, но не тщеславен, – продолжил он. – В отличие от Ленина, Ганди и Рузвельта я равнодушен к моим изваяниям. Поэтому я искренне аплодировал бронзовому дублинскому Иосифу. И так же искренне спросил мэра Дублина: по каким соображениям вы, целиком зависящие от Великой Германии, ставите памятник Сталину? И вот что мне ответил этот мудрый человек: господин рейхсканцлер, Германию мы любим как мать. Матери нет нужды ставить памятник, так как она у нас всегда в сердце, она всегда с нами. Сталин же для нас – символ свободы человека. А свободе стоит поставить памятник, так как она не всегда с нами. Свобода приходит и уходит. Неправда ли, друзья, замечательно сказано?

Гости одобрительно закивали.

– Иосиф! – Гитлер выше поднял бокал. – Если я разбудил Германию, то вы с Лениным разбудили человечество. Свобода приходит и уходит. Но вожди остаются. За тебя, мой бесценный друг!

Все встали.

Сталин подошел к Гитлеру, прижался щекой к его щеке и опустошил свой бокал. Гитлер выпил и метнул бокал через плечо. Все последовали его примеру, и несравненная музыка бьющегося хрусталя вплелась в ажурную вязь штраусовского «Голубого Дуная».

Гитлер простер над столом руки, две короткие молнии вспыхнули и погасли.

– Жрите, друзья мои! – воскликнул он, садясь.

Гости сели.

На столе преобладали мясные закуски, так как фюрер терпеть не мог

овощей и фруктов. Ел он всегда много.

Подхватив вазу с салатом из дичи, Гитлер бухнул себе в тарелку добрую половину, полил салат соусом из дроздов, поперчил, выжал два лимона, взял ложку и стал быстро не поедать, а именно жрать эту аппетитную кучу.

Сталин положил себе *телячьей головы* – старого баварского блюда, напоминающего подогретый студень.

Надежда подцепила вилкой фаршированную картошку Веста плюхнула себе в тарелку пласт заливной форели. Сидящий рядом с ней Геринг с улыбкой зачерпнул свиных мозгов. Василий ковырял что-то венгерское, кроваво-красное. Яков потрошил огромного моллюска.

– Мой фюрер, это курица? – доктор Морелль показал насаженный на вилку кусок белого мяса.

Гитлер ел, не обращая на него внимания.

– Вот, вот, – Морелль положил кусок назад, в большое блюдо. – А я думал – кролик... Знаете, господа, со мной этим летом престранная вещь приключилась. Наш фюрер подсказал мне гениальную идею – провести летний отпуск в Венеции. Раньше я там ни разу не был. Не верите? – обиженно посмотрел он на Хрущева.

– Отчего же, – граф угрюмо жевал петушиные потроха.

– Ни разу, ни разу не был! А ведь все рядом, все под рукой – адриатика! И вот, поехал я в Венецию. Вернее – поплыл. Остановился в самой дорогой гостинице. Кажется, называлась «Венецианское стекло». Да. Просыпаюсь утром. Думаю, сейчас поплыву, как Улисс. Уж поплыву, так поплыву! Венеция ведь. Сан-Марко, дворец Дожей, кладбища подводные. Вот. Ну, умылся, вычистил зубы, покакал в туалете. Потом опять умылся... Я всегда после того как покакаю, сразу умываюсь. Вот. Ну и уже оделся. Но захотел есть, как всякий честный немец. Думаю – спуститься вниз, позавтракать? Гнусно! Рожи какие-то утром видеть – гнусно! Гнусно! – он зажмурился, потряс головой. – И решил заказать себе в номер. Но не завтрак этот свинский, кофе с булочкой да сыр вонючий, а нормальный обед. Позвонил, спросил меню. Выбрал кролика в белом вине. И приносят мне кролика в белом вине. Целого. И как я, господа, увидел этого кролика, я просто совсем забыл, где я и что я. Лежит на таком блюде совсем как гусь рождественский. Но это не гусь, а кролик! Вот в чем штука! Я прямо руками взял его и стал есть. Съел прямо с костями. То есть, я их не глотал, конечно. А жевал отдельно, тщательным образом жевал жевал и проглатывал, когда они уже размягчались. Таким образом, съел всего кролика. Вот. И заказал второго. И самое поразительное! Приносят мне

точно такого же кролика! И вкус точно такой же! Я снова руками за него взялся, а жир так и потек. Так и потек. И вот, господа, съел я обе задние ноги, берусь за переднюю. И вдруг вижу в этой ноге отверстие. А из этого отверстия...

– Иосиф, я давно тебя хотел спросить, – перебил Морелля жующий Гитлер, – почему в России никогда не было философов с мировым именем?

Сталин пожал плечами:

– Не знаю. Я никогда профессионально не занимался философией. Спроси моего друга графа Хрущева. Он профессиональный философ.

Гитлер посмотрел на графа.

– Вопрос серьезный, господин рейхсканцлер, – вытер плотоядные губы граф. – В России не может быть философии по определению.

– Почему?

– Нет разницы между феноменальным и ноуменальным. В такой ситуации философу делать нечего.

– Что же ему остается делать, если он родился философом? – поднял брови Гитлер.

– Мечтать! – ответил за Хрущева фон Риббентроп. – Русские философы не философствуют, а мечтают. Мой фюрер, я пытался читать Соловьева и Бердяева. Это литература, а не философия.

– Зато у русских замечательные писатели! – воскликнула Рифеншталь. – И музыка! Музыка! Я обожаю Скрябина!

– А я Рахманинова, – захрустела Ева сушеной уткой. – Его прелюдии бесподобны.

– И все-таки странно, что в такой великой стране нет философии, – Гитлер задумчиво оторвал голову у заливного поросенка, посмотрел на нее и откусил пятачок.

– Какой прок в философии! – дернула плечами Лени. – Я ни разу в жизни не открыла Канта! Но сняла три великих фильма!

– О, да. Это правда, – кивнула Надежда, расправляясь с налимьей молокой. – Лени, милая, я не могу забыть этой сцены из «Триумфа воли»... когда фюрер *трогает* штурмовиков на стадионе. Эти молнии из рук, как драконы! И тысячи, тысячи штурмовиков стоят неподвижно! Жаль, что тогда не было цветного кино.

– Я не люблю цвет в кинематографе, госпожа Аллилуева. Цвет убивает тайну

– Эйзенштейн говорит то же самое, – вставил Яков.

Эйзенштейн? – спросил Геринг. – Он жив?

– Конечно, – улыбнулась Надежда. – Наш великий Эйзенштейн жив,

здоров и полон новых замыслов. Он хочет снимать «Преступление и наказание».

– Странно... – Геринг переглянулся с Гитлером. – А я думал...

– Что он погиб во время прошлогоднего еврейского погрома? – Сталин запил кусок цапли Рейнским.

– Я... что-то слышал подобное, – кивнул Геринг.

– Это «утка», запущенная нашими врагами, – заметил Сталин.

– Пуритане всего оставшегося мира клеветают на вас, Иосиф, – заметил Гитлер. – Еврейский вопрос в России и твое нестандартное решение его не дает им покоя.

– Решение еврейского вопроса, Адольф, требует деликатности. Оно не должно сводиться к тупому уничтожению евреев, – проговорил Сталин.

– Скажи это мяснику Рузвельту, – усмехнулся Гитлер. Сталин внимательно посмотрел на него:

– Придет время, друг мой, и мы вместе с тобой скажем ему это. Но не словами. А водородными бомбами.

– Я не против, Иосиф. Но у нас всего восемь водородных бомб.

– И у нас четыре.

– Пока этого не достаточно, друг мой. Чтобы преподать урок здравого смысла такой самовлюбленной стране, как Америка, нужен массированный удар.

– Сколько же?

– Двадцать, Иосиф, – убежденно проговорил Гитлер и положил себе половину индейки, фаршированной говяжьей печенью и имбирными сухарями, вымоченными в мадере.

– Двадцать, Иосиф. Я часто вижу во сне эти двадцать шампиньонов, вырастающих над Америкой.

– Не знаю, Адольф, – Сталин откинулся на спинку стула. – Мне кажется, довольно и двенадцати. Я рассуждаю так: если мы наносим удар по главным городам США, то в принципе этих городов как раз и... – он вдруг вздрогнул и, сжав кулаки, громко с шипением выдохнул. – Извини. Мне надо.

– Ах, конечно, мой друг, – Гитлер сделал знак слуге.

Четверо ниндзя и Сисул внесли осколок колонны со шприцем.

За столом все стихли.

Сталин сделал себе укол под язык, помолчал минуту, провел рукой по розовеющему лицу:

– Прости, Адольф... О чем мы говорили?

– Сначала – о еврейском вопросе. А потом я...

– Не надо делать культ из еврейского вопроса! – резко заговорил Сталин. – Американцы уничтожили 6 миллионов евреев. К чему это привело? К мифу о 6 миллионах жертвенных овечек, унижающем каждого еврея. Евреи никогда не были невинными овечками. Они не цыгане. И не австралийские бушмены. Они активные преобразователи планеты. За это я так люблю их. Это чрезвычайно активная и талантливая нация. Вклад ее в русскую революцию огромен. Поэтому мы расстреливаем не более пятидесяти тысяч евреев ежегодно. Одновременно строим новые синагоги, еврейские школы, интернаты для сирот холокоста. У нас, в принципе, нет антисемитизма. Но мы гибки в еврейском вопросе. Например, недавно завершился процесс по делу так называемого «Антифашистского комитета», куда входили наши известные евреи – писатели, актеры, ученые. Чем же они занимались в этом комитете? Составлением «Черной книги» о жертвах холокоста. Составили, собрали материалы и передали во Францию, где книга была опубликована и стала бестселлером.

– Мы с женой читали с большим интересом! – воскликнул доктор Морелль, высасывая мозг из головы омара.

– Что советский народ сделал с этим «Антифашистским комитетом»? – спросил Сталин у сидящих и тут же сам ответил. – Естественно – повесил, как паршивых псов.

– «Антифашистский комитет»... это не «дело врачей»? – спросила Ева. Русские гости недоумевающе зашевелились:

– Что ты, Ева!

– Как можно сравнивать!

– «Дело врачей»... это ни с чем не спутаешь...

– «Дело врачей»!

– Да... «дело врачей»... – покачала головой Надежда. – Ева, дорогая. Ты представить не можешь сколько мы пережили в те роковые дни. «Дело врачей»... Я не спала тогда трое суток. Это... просто невероятно! Врач, который давно уже стал членом семьи, оказывается беспощадным, хладнокровным убийцей.

Веста вздохнула:

– Я до сих пор вздрагиваю, когда слышу эти фамилии: Виноградов, Вовси, Зеленин.

– Зеленин! – горько ухмыльнулся Яков. – Он лично подмешивал Щербакову стрихнин в кокаиновые капли. А Горькому в опийный коктейль – ртутные соли. А братья Коганы! Как они пытали Тимашук электрическим паяльником...

– Страшные люди, – тяжело вздохнула Надежда.

- Кого они успели убить? – спросила Ева.
- Горького, Щербакова и Жданова, – ответил Сталин. – И еще двух сотрудников аппарата ЦК, отказавшихся на них работать.
- Я помню этот процесс, – задумчиво проглотил горсть маслин Гитлер.
- Какое героическое, возвышенное и красивое лицо у этой медсестры Тимашук! – воскликнула Лени Рифеншталь. – Она не побоялась их угроз, вынесла все пытки... как я люблю таких русских женщин!
- Она украинка, – заметил Сталин и перевел взгляд на свой золотой шприц. – Да. У Виноградова уже был заготовлен дубликат. И шприца и колонны. Оставалось только наполнить мой шприц нужным содержимым.
- Их всех повесили, не так ли? – спросила Эмми Геринг.
- Да! На Красной площади! – закивала Лени. – Я видела хронику. Это потрясает, хотя я не любительница показательных казней. Дюжина дергается на виселицах, а тысячная толпа пляшет и поет. И радостно смеется. Русские умеют смеяться.
- А евреи – плакать, – неожиданно произнес Сталин.
- Врачи-убийцы работали на сионистский «Джойнт», – сумрачно произнес Хрущев. Помолчали.
- Мне кажется, у евреев есть одна существенная национальная слабость, – заговорил Гитлер, наливая себе вина. – Они патологически боятся смерти. Поэтому они так покорны холокосту.
- Ты считаешь это недостатком, дорогой? – спросила Ева.
- Безусловно. Это ограничивает.
- Да, да! – доктор Морелль выплюнул кусок обсосанной клешни омара. – Мой фюрер, знаете на что похожа эта еврейская национальная черта? У меня дома три ванны. И одна, еще дедушкина, имеет одно странное свойство! Когда я в ней сижу и прижимаюсь низом спины к ванне, она присасывается! Да! Присасывается, как огромная присоска! Когда сидишь, это, знаете ли, приятно. Но, когда хочешь встать, ванна не пускает тебя! Держит, держит! Как живое существо! И это... очень неприятное чувство. Очень!
- С холокостом тоже много проблем, – произнес Сталин, беря веточку укропа и вертя ею, словно крошечным пропеллером.
- А был ли холокост? – спросил Геринг.
- Ну, все-таки 6 миллионов, – заметил фон Риббентроп.
- Это цифра американцев, – сказал Гитлер. – А все их данные во всех областях, кроме производства кока-колы, надо делить на 3. Хотя, что такое 6 миллионов? В нашей войне мы потеряли 42.
- 45, господин рейхсканцлер, – вставил Хрущев.

– Я придерживаюсь немецкой статистики, – сухо заметил Гитлер.

Возникла натянутая пауза.

– Ну вот, всегда так, – вздохнула Ева. – Опять мужчины съехали на политику. Адольф! Ты забываешь, что у женщин не только другие половые органы, но и другой тип мышления. Хотя бы за ужином мы можем быть свободными от политики?

– Это иллюзия, Ева, – ответил за Гитлера Сталин. – От политики нельзя быть свободным даже на унитазе. Даже в сладкие секунды оргазма я не забываю, кто я.

– А я забываю! – взвизгнула Ева. – Забываю! Забываю!

Все замерли.

Сталин медленно вытер губы голубой салфеткой, бросил ее на тарелку с недоеденной бычьей селезенкой.

Гитлер пристально посмотрел на Еву Сталин угрюмо переглянулся с Хрущевым. Побледневшая Надежда поймала насмешливый взгляд Якова. Геринг осторожно покосился на фон Риббентропа. Борман, покусывая тонкие губы, смотрел на Гитлера. Доктор Морелль непонимающе уставился на Эмми Геринг, но она, презрительно отвернув породистую голову на тонкой шее, глубоко заглянула в азиатские глаза Лени Рифеншталь.

Пауза угрожающе затягивалась.

Серые глаза Евы наполнялись слезами.

Подрагивая иссушенными кокаином ноздрями, она подняла взор вверх и стала неотрывно смотреть на вращающуюся стальную свастику.

– А можно... я вам спою? – неожиданно спросила Веста,

– Конечно! – улыбнулся Гитлер, и все облегченно выдохнули.

– Только мне нужен рояль, – Веста встала.

Гитлер сделал знак оркестру, играющему Вивальди. Оркестр смолк.

– Рояль! – громко приказал фюрер, Кусок пола перед дирижером поехал вниз и вернулся с синим роялем.

– Прощу тебя, милое дитя, – Гитлер сделал плавный жест рукой в сторону рояля.

Веста подошла к роялю и опустилась на синего бархата стул без спинки. Она была в чайного цвета платье с шиншилловой, простеганной золотыми нитями накидкой на плечах. Черные густые волосы дочери советского вождя были распущены и перехвачены тонким бриллиантовым обручем, увенчанным спереди изумительным гранатом неправильной формы.

Веста подняла свои еще по-детски угловатые руки, опустила их на

клавиши и запела нежно-грубым, неповторимым голосом подростка:

Die Fahne hoch! Die Reihen dicht geschlossen!
S.A. marschiert mit ruhig festem Schritt.
Kameraden, die Rotfront und Reaktion erschossen,
Marschier'n im Geist in unsem Reihen mit.

Die Strasse frei den blauen Batallionen!
Die Strasse frei dem Sturmabteilungsmann!
Es schau'n aufs Hakenkreuz voll Hoffnung schon Millionen,
Der Tag fur Freiheit und fur Brot bricht an.

Zum letzten Mal wird nun Appel geblasen,
Zum Kampfe stehn wir alle schon bereit.
Bald flattern Hitlerfahnen uber allen Strassen,
Die Knechtschaft dauert nur noch kurze Zeit!

Die Fahne hoch! Die Reihen dicht geschlossen!
S.A. marschiert mit ruhig festem Schritt.
Kameraden, die Rotfront und Reaktion erschossen,
Marschier'n im Geist in unsem Reihen mit.

Взяв последний аккорд, Веста встала.
И сразу же резко встал Гитлер. Лицо его было бледнее обычного, глаза сверкали.

Собравшиеся аплодировать, гости – замерли.

Гитлер смотрел на Весту. Она сделала шаг, положила руку на угол рояля, непонимающе глянула на молчащих и на Гитлера.

– Иосиф, я хочу твою дочь, – произнес Гитлер. Все посмотрели на фюрера.

– Мой друг, почему ты говоришь об этом мне? – сдержанно улыбнулся Сталин.

Гитлер порывисто подошел к Весте, взял ее лицо в руки и мучительно поцеловал в губы. Слабый стон вырвался из ее груди. Пошатнувшись, она потеряла равновесие, но Гитлер подхватил ее за не очень тонкую полудетскую талию. Лица их разошлись. Из прокушенной губы Весты текла кровь. Гитлер выхватил из рукава кружевной платок, приложил к ее

губам, но тут же резко отшвырнул прочь, схватил Весту за руку и потащил к дверям.

Спотыкаясь, она спешила за ним, как девочка за разгневанным отцом.

– Адольф! – встала Надежда.

Гремя каблуками и шпорами, Гитлер выволок Весту из зала.

– Адольф! – Надежда, опрокинув стул, кинулась за ними.

– Надя, не делай глупости, – сказал Сталин по-русски.

Надежда выбежала из зала.

Гитлер подвел Весту к двери, охраняемой эсэсовцами. Дверь распахнулась и он дернул Весту за собой – в открывшуюся анфиладу комнат.

Надежда догнала их:

– Адольф, надеюсь, тебе понятно материнское чувство?

– Конечно, дорогая, – не оборачиваясь, пробормотал он.

– Мама... – прошептала окровавленными губами Веста.

Дойдя до просторной гостиной с мягкой позолоченной мебелью и бронзовыми фигурами рабочих, Гитлер повернул Весту к себе и с силой взял за плечи.

Надежда остановилась у двери. Веста опустила голову.

– Посмотри мне в глаза, дитя мое, – сурово потребовал он.

Веста подняла свое прелестное лицо. Он дернул шиншилловую накидку за плечи, золотая цепочка, скрепляющая ворот, разорвалась, легкая как пух накидка упала к ногам Весты.

Она осталась стоять в узком платье без рукавов.

Гитлер задумчиво потрогал основание её шеи, нащупал ключицы, завел указательные пальцы под бретельки платья и рванул в стороны. Шелк треснул, разрываясь вдоль угловатой фигуры Весты.

Надежда прижалась щекой к дверному косяку и полуприкрыла глаза. Ее простоволосая дочь стояла перед Гитлером. Розовый лифчик облегал ее маленькую грудь, к длинным розовым трусикам были пристегнуты белые капроновые чулки.

Гитлер прижал Весту к себе, заглянул ей за спину и осторожно расстегнул лифчик. Она нервно повела широкими плечами, не то помогая, не то препятствуя ему.

– Какие они... – рухнув на колени, Гитлер потянулся губами к ее соскам.

Руками он дернул ее за предплечья, наклоня к себе. Волосы Весты накрыли его. Он стал подробно сосать ее грудь. Веста смотрела в сторону на бронзового рабочего, гнущего винтовку о мускулистое колено. Гитлер

разорвал на ней трусики, толкнул. Она упала на диван с сиренево-белозолотистой обивкой. Адольф подполз к ней на коленях, развел ей ноги и беспощадно растянул пальцами половые губы, покрытые не очень густыми волосиками. Орлиный нос его жадно втянул запах ее гениталий, коснулся неразвитого клитора и тут же уступил место языку. Гитлер прошелся им по раскрытой раковине Весты снизу вверх, потом сверху вниз, впился в узкое влагалище. Но вдруг язык фюрера разочарованно отпрянул за его неровные зубы.

– Тебя уже проткнули! – воскликнул он, вводя палец во влагалище. – Свинство! Я сжег бы этого мерзавца на площади! Ах ты, похотливый ангел!

Рывком он перевернул ее, словно куклу, поставил на колени перед диваном, расстегнул свои брюки. Его длинный, слегка кривоватый член вырвался на свободу Гитлер впился пальцами в маленькие ягодицы Весты, разломил их, словно жареного цыпленка, и стал насаживать на член.

Веста вскрикнула.

Головка члена скрылась в ее анусе. Гитлер схватил Весту за плечи и рывком вогнал в нее свой член по самый корень. Душераздирающий крик вырвался из ее уст, отзываясь многократным эхом в анфиладе.

– Деточка моя... – Надежда закрыла глаза, сильнее прижавшись щекой к дверному косяку.

– Кричи, кричи, ангел мой, – Гитлер обнял трепещущее тело девочки.

Ее крики перешли в рыдание, но она зажала себе рот и лишь тяжело нутряно взвизгивала после каждого толчка члена

– Вот так бодается тевтонский единорог, – шептал Адольф в ее темя.

Его сгорбленная фигура тяжело нависала над беззащитным телом Весты. Напряженная, дергающаяся от боли, дочь советского вождя перестала взвизгивать и покорно отдавалась ритмичным толчкам.

– Доверься мне, – Гитлер шлепнул ее по втянутому животу, выпрямился, откинув голову, и простер руки над спиной Весты.

Зеленое свечение пронизало его пальцы. Он взял ее руками за бедра. Она дернулась, как от разряда тока, и засмеялась.

– В жизни нет ничего страшного, – произнес он и задвигался сильнее.

Веста всхлипывала и смеялась.

– Но нет... – вдруг пробормотал он и со звуком отлипающей присоски вышел из нее.

Руки его погасли.

– Не сразу... не просто... – он схватил ее за волосы и ввел член ей в рот.

– Адольф, осторожней, умоляю! – воскликнула Надежда.

Он сделал два мучительных движения ногами, выхватил член изо рта девочки и сжал его вновь засветившимися руками:

– Здесь и теперь!

Струя спермы брызнула Весте в левый глаз.

– Здесь и теперь!! – закричал Гитлер срывающимся голосом, пошатнулся, и как сомнамбула побрел прочь с торчащим членом,

– Весточка... – вздохнула Надежда. Золотые шпоры Гитлера гремели по анфиладе.

– Мама, выйди, – произнесла, стоящая на коленях, Веста, прижимая ладонь к глазу.

Весточка... девочка моя...

– Выйди!! – закричала Веста.

Надежда пошла вслед за Гитлером.

Выйдя в холл из анфилады, она остановилась. Два эсэсовца неподвижно стояли у дверей, не замечая ее. Она рассеянно посмотрела на них, повернулась и снова вошла в анфиладу. Пройдя две комнаты, она села в кресло и сняла трубку розового телефона:

– Москву, пожалуйста. Немедленно соединили с Москвой.

– В-12-49, – сказала в трубку Надежда, и вскоре раздались четыре далеких длинных гудка. На пятом трубку сняли.

– Слушаю вас, – произнес сонный женский голос.

– Бориса Леонидовича.

– Борис Леонидович уже спит.

– Разбудите.

– Простите, а кто говорит?

– Его любовница, – ответила Надежда, в изнеможении откидываясь назад.

Трубку бросили на твердое.

– Почему эта... почему она опять осмеливается звонить сюда?! – услышала Надежда. – Борис! Ты хочешь моей смерти?! Ты решительно хочешь моей смерти и смерти детей?!

– Зина, не говори банальности, – послышался приближающийся высокий голос.

– Он хочет нашей смерти! Он положительно хочет угробить всех вокруг себя! – удалился kloкочущий женский голос.

– Я у телефона, – ответил Борис Леонидович своим удивительным высоким вибрирующим голосом.

– Борис, почему ты не звонишь мне? – спросила Надежда, с трудом сдерживая волнение.

– Надюша? Прости, я притворю дверь... – он отошел, вернулся. –
Слушаю тебя.

– Почему ты не звонишь мне? – повторила она.

– Надя, это метафизический вопрос. А мы с тобой договорились, что
не будем больше ворошить метафизику. Особенно ночью.

– Ты... не хочешь меня больше?

– Милая, не унижай меня. Мне довольно моего ежедневного
семейного унижения.

– Борис... Борис... – голос ее задрожал. – За что ты меня мучаешь?

– Надя, я перестаю понимать тебя.

– За что ты мучаешь меня?!

– Но, переставая понимать тебя, я теряю доверие к себе самому. Мне
давно уже пора платить самому себе по старым и новым векселям. Беда в
том, что этот кредит бессрочный. А льготные кредиты доверия
расхолаживают.

– Ты полюбил кого-то?

– Я люблю всех, ты знаешь.

– А может... это опять... со Шкловским?

– Надя, ты пугаешь меня возможностью окончательного разочарования
в тебе.

– С этим... – она всхлипнула, – старым шутком... с этим...

– Надя, ты говоришь чудовищные вещи. Ты переходишь черту
допустимого.

– Как это... глупо... как пошло...

– Пошлость – прерогатива богемы, – зевнул он.

– Этот шут... клоун... идиот...

– Надя, к чему этот плеоназм? Всё тривиальное не стоит заковывать в
броню наших... Зина! Не смей! Послышались звуки борьбы за трубку.

– Я напишу на вас в ЦК! И лично, лично товарищу Сталину! –
закричал срывающийся бабий голос.

– Лучше сразу Гитлеру, дура, – Надежда кинула трубку на розовые
рычажки.

Мимо прошла босоногая Веста в шиншилловой накидке,

– Прими ванну, – произнесла Надежда, глядя на свои бежевые туфли.

Когда Гитлер, Веста и Надежда покинули Небесный зал, Сталин встал,
подошел к Якову, протянул руку. Яков подал ему чемоданчик.

– Господа, мы с графом на минуту оставим вас, – Сталин направился к
выходу.

Хрущев последовал за ним. За дверями Сталина встретили адъютант Гитлера, Сисул, Аджуба и четверка хрущевских ниндзя.

– Проводите нас в комнату спецсвязи, – сказал ему Сталин.

– Jawohl! – щелкнул каблуками адъютант, развернулся, словно заводная балерина, и повел высоких гостей к лифту

Охрана двинулась следом.

Все вошли в большой лифт, сплошь отделанный зеркалами. Адъютант нажал кнопку, лифт поехал вниз.

– Напомни мне про мазь, – сказал Сталин Хрущеву.

– Обязательно, – кивнул граф.

Лифт остановился, все вышли и двинулись по мраморному коридору. Возле комнаты спецсвязи стояли двое эсэсовцев с автоматами. Офицер прохаживался рядом.

– Баран, – произнес Сталин.

В руках ниндзя сверкнули стальные метательные шары, и эсэсовцы попадали с пробитыми головами. Сисул схватил адъютанта за лицо, полоснул кривым ножом по горлу. Ниндзя прыгнули к упавшим эсэсовцам, проломили им грудные клетки.

Хрущев позвонил в дверь условным сигналом, отпрянул в сторону. Ниндзя изготовились.

– Баран! – произнесли за дверью.

– Баран! – громко ответил Сталин.

Хрущев дал знак ниндзя, они расступились. Сталин и Хрущев вошли первыми. Охрана втянула в комнату трупы убитых, Сисул подтер капли крови на полу, и дверь закрылась,

В комнате стоял Зепп Дитрих с двумя офицерами из диверсионной школы «Цеппелин». Сталин молча протянул руку, Дитрих пожал ее, повернулся и пошел в аппаратную. Все двинулись за ним. В аппаратной лежали шесть убитых связистов, а в торцевой стене зиял пролом. Дитрих первым пролез, остальные пролезли следом. Пролом выходил в огромное полутемное помещение, заваленное ящиками с консервированными и сухими продуктами.

– Баран! – громко сказал Дитрих.

– Приятно познакомиться, – раздался насмешливый бас из-за ящиков.

Выпущенная из бесшумного пистолета пуля попала Дитриху в лоб, он повалился как мешок с картошкой.

Вошедшие посмотрели на труп.

– Рад приветствовать вас, господа, – произнес все тот же бас. – Проходите, будьте как дома.

Сталин переступил через убитого, обогнул ящики. За ними на коробках с макаронами сидел невероятно толстый человек в черном мундире рейхсфюрера СС. Голова его напоминала знаменитый гибрид тыквы и груши, подаренный академиком Лысенко на пятидесятилетие Мао Цзе Дуну. Правой рукой он поглаживал тройной подбородок, левой опирался о свое тумбоподобное колено. Крохотные глазки язвительно смотрели на Сталина. Рядом стояли трое с оружием.

– Зачем ты убил этого старого вояку, Генрих? – спросил Сталин.

– Я ему поверил, Иосиф! – усмехнулся Гиммлер.

– В чём?

– В том, что он баран! А нам с тобой не нужны бараны. Рад видеть тебя.

Гиммлер протянул толстенную руку. Сталин пожал два его пальца.

– Граф! – пророкотал Гиммлер, заметив Хрущева. – Хорошо, что все удалось.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – с иронией пожал его палец Хрущев. – А до конца еще далеко.

– Это и есть? – Гиммлер посмотрел на чемоданчик в руке у Сталина.

– Это и есть, – Сталин поискал глазами на что бы поставить саквояж.

– Мартин, – шевельнул пальцем Гиммлер. Охранник подвинул ящик с мясными консервами. Сталин положил на него чемоданчик, открыл. Голубой свет заструился из него.

– С ума сойти! – заворочался Гиммлер, как громадная жаба, и охранники помогли ему встать.

Тяжело переставляя ножищи, он подошел к чемоданчику, вложил в мясистую глазницу монокль, прищурился:

– И такую красоту наш электрический скат собирался пустить на промышленные цели?

– Генрих, нельзя терять ни секунды, – нервно проговорил Сталин.

– Конечно, – засопел Гиммлер. – Мартин! Приступай! Охранник со шрамом на подбородке достал молоток и стамеску и стал разбивать сахар, покрывающий голубое сало. Другой человек из охраны Гиммлера вынул из портфеля мясорубку, привинтил ее к краю ящика. Третий охранник с тонкими усами подставил под мясорубку эмалированную миску.

– С Богом, – перекрестился Сталин,

Мартин передал второму охраннику кусок голубого сала, тот запихнул его в заборник мясорубки, стал быстро крутить ручку. Голубой фарш полез из решетки, стал валиться в миску. Мартин передал еще кусок, потом еще. Охранники сосредоточенно работали.

– А растопить нельзя? – устало потер виски Сталин.
– Взрыв тысячи водородных бомб не нагреет его даже на миллионную долю градуса, – сумрачно проговорил Хрущев.
– Ты устал, Иосиф, – улыбался Гиммлер. – Тебя утомил наш венский конденсатор?
– Нас утомило ожидание, – Сталин опустил на ящик с консервированными сардинами. – Эти сутки... дороже полжизни.
Гиммлер понимающе кивнул:
– Я тоже совсем не спал.
Мартин достал три стакана и три марли. Две дал охранникам, одну оставил себе, положил в нее немного голубого фарша и осторожно выжал над стаканом. В стакан закапала голубая светящаяся жидкость. Охранники вслед за ним зачерпнули и выжали фарш в свои стаканы.
– Стерильность важна? – зевнул Сталин. Гиммлер с кошачьей улыбкой отрицательно покачал головой.

Пройдя анфиладу, с торчащим из брюк членом, Гитлер надавил на деревянный цветок в узоре резного буфета. Буфет поехал в сторону, открывая проем. Гитлер юркнул в него, спустился вниз по лестнице и оказался в сером просторном бункере. За большим массивным столом сидели и дремали двенадцать человек в камуфляжной форме. Завидя Гитлера, один из них вскочил:

Господа офицеры!
Сидящие вскочили. Гитлер махнул рукой:
– Вольно, садитесь. Отто, доложи обстановку.
Полноватый одноглазый Скорцени заговорил четким голосом:
– Мой фюрер, свинья уже здесь. Как вы и предполагали, они использовали подземную дорогу.
Гитлер с усмешкой заправил член:
– Ваш фюрер еще способен ловить кошек в темной комнате. Даже если их там нет. Все готово?
– Так точно! – щелкнул каблуками Скорцени.
– Тогда – с Богом, Отто. Господа! Офицеры вскочили и вытянулись,
– Ваша задача – уберечь вещество и моего лучшего друга. Жизнь остальных в этой истории меня не интересует. Вперед!
Подхватив автоматы, штурмовая группа скрылась за стальной дверью.
Гитлер сел за стол, снял трубку телефона:
– Что происходит в зале?
– Все спокойно, мой фюрер, – доложил голос, – Сталин и Хрущев

вышли. – Что делает Борман?

– Ест, мой фюрер.

– Начинайте операцию «Червяк».

Слушаюсь.

Гитлер положил трубку, заметил на тыльной стороне своей руки каплю спермы, поднес руку к лицу и задумчиво слизнул мутноватую каплю.

На столе лежал свежий номер «Volkischer Beobachter». Гитлер рассеянно посмотрел на газету. Последние годы он не читал ее, считая вульгарной.

Номер открывался большой статьей Бертольда Брехта «Остерегайтесь плевать против ветра!»

Гитлер двумя пальцами подтянул к себе газету, начал читать:

Наша гнилая псевдоинтеллигенция, вскормленная заокеанскими плутократами и местными Агасферами Упадка и Разложения, снова поднимает голову. Вообразив себя Зигфридом Разрушения, уже искупавшимся в крови «поверженного» дракона Великой Народной Культуры, она в очередной раз готова плюнуть в лицо народа ядовитым плевром культурного сифилитика...

Брезгливо поморщась, Гитлер отодвинул газету.

Оркестр в зале играл «Грезы любви», когда офицер СС чярко приблизился к Борману, наклонился:

– Господин Борман, вас вызывает доктор Геббельс.

– Он же в отпуске на Цейлоне? – Борман недовольно кинул на тарелку недоеденное крыло фазана.

– Рейхсминистр прервал отпуск и только что прибыл в Берлин, – доложил эсэсовец.

Борман вытер жирные губы, встал:

– Прошу прощения, господа. Неотложные дела.

– Мартин! Неужели и вы нас покинете? – воскликнула Ева.

– Дорогая Ева, срочный звонок из Берлина. Но это не надолго, – с легким полупоклоном Борман заторопился к выходу

– Невыносимо жить с вождями, – вздохнула Ева, лениво жуя миногу.

– Когда они такие деловые? – улыбнулся фон Риббентроп.

– И такие темпераментные, – с улыбкой посмотрела Эмми Геринг на Еву.

– Всё, рейхсфюрер, – охранник отжал последнюю порцию голубого фарша.

– Отлично, – Гиммлер посмотрел на три стакана с голубой жидкостью, достал из кармана металлическую коробку, протянул охраннику – И побыстрей.

Охранник открыл коробку. В ней лежали три больших шприца. Каждый из охранников взял по одному, опустил иглу в свой стакан и стал набирать жидкость.

– Приступим, господа, – Гиммлер протянул Сталину и Хрущеву резиновые жгуты.

– А... какова доза? – Сталин расстегнул опаловую запонку, стал закатывать рукав.

– Чем больше, тем лучше, Иосиф, – Гиммлер с трудом сдвинул рукав со своей ручищи.

– Вы уверены? – Хрущев перетянул свое предплечье жгутом.

– Граф, если я что-то говорю, значит я в этом уверен.

– А эти... молодцы, они... попадут в вену? – спросил Сталин, недоверчиво глядя на трех охранников со шприцами.

– Иосиф, они попадут во что угодно, – Гиммлер первым положил свою перетянутую руку на ящик, сжал огромный кулак. – Господи, неужели я перестану быть толстым?

– А я горбатым, – нервно усмехнулся Хрущев.

– Это... совсем не важно... – Сталин подготовил свою руку – Вообще... я представлял, что все произойдет в более приличной обстановке... Генрих! Мы даже не попрощаемся с миром?!

– Нет времени, Иосиф. Электрический демофоб хитер и коварен.

– Свинство! Свинство! – выкрикнул Сталин.

– Мой друг, от рая нас отделяют секунды.

– Тогда я – первый! – Сталин положил свою руку рядом с рукой рейхсфюрера.

– Иосиф... – Хрущев нервно засмеялся. – Я не верю... это... какой-то бред...

– Заткнись, дурак! – прикрикнул на него побледневший Сталин. – Колите быстрее!

Охранник Мартин взял его запястье.

Внезапно решетки на трех вентиляционных каналах отвалились, из темноты высунулись автоматные дула и изрыгнули шквальный огонь.

– Шприцы! – пронзительно закричал Гиммлер, тяжело валясь на пол.

Охрана заметалась вокруг вождей. Но пули быстро и точно устранили

ненужный человеческий материал. Вскоре вокруг забившихся между ящиками вождей лежали окровавленные трупы.

Огонь прекратился.

Из вентиляционных каналов стали выпрыгивать подопечные Скорцени.

Сталин поднял голову. Два шприца лежали на ящике, один, разбитый, валялся на полу. Неподалеку умирал простреленный в лицо Сисул.

Сталин подполз к нему.

– Хозяин... – прошептал Сисул, переводя глаза на Сталина.

Сталин положил ему руку на смертельно вспотевший лоб.

– Хозяин... – выдохнул Сисул и задрожал в агонии. Сталин тронул пальцем его трепещущие губы.

– Господин Сталин, вы свободны! – раздался голос Скорцени.

– От чего, болван? – Сталин поискал глазами Хрущева. Граф с перетянутой жгутом рукой выглянул из-за простреленного ящика с рисом.

Ручейки рисовых зерен мягко струились из дыр. Хрущев равнодушно глянул на трупы своих ниндзя и Аджубы. Гиммлер заворочался на полу, приподнялся:

– Кретины, вы разбили шприц!

– Это не проблема, – Скорцени дважды выстрелил ему в голову.

Зарывав, Гиммлер метнулся к нему. Юркий Скорцени отпрыгнул, полутонная туша вломила в стену из ящиков. Автоматчики нажали на гашетки, шпигуя свинцом эту гору мяса. Но рейхсфюрер не хотел умирать, – яростно круша ящики с лапшой, он выбирался из них, чтобы кинуться на убийц. Скорцени подбежал, вложил ему дуло в ухо и выстрелил. Гиммлер перестал барахтаться, повернулся и недоверчиво посмотрел на Скорцени. Тот выстрелил еще, еще и еще раз.

– Зассанец, – пролепетал рейхсфюрер кровавыми губами и рухнул на Скорцени.

На этот раз Отто не увернулся – туша накрыла его, раздался хруст костей и хриплый задавленный крик.

– Собирайте, собирайте немедленно! – закричал Сталин, суется возле разбитого шприца.

– Иосиф, нам хватит, – поднялся с пола Хрущев. Скорцени продолжал вопить. Один из офицеров выстрелил ему в невысокий лоб, навел автомат на Сталина:

– Вы должны подняться наверх, господин Сталин.

– Я это сделаю и без вашего автомата, – Сталин держал в руках по шприцу и, не отрываясь, смотрел на них. – Mon cher, ты уверен, что нам

хватит?

– Нет никакой разницы между дозами. Один кубик или миллион – все равно. Гиммлер перестраховщик. Как всякий немец.

Сталин наступил ногой на разбитый шприц:

– Почему мы не додумались с тобой, что голубое сало – это *препарат*? Почему об этом знали немцы?

– Иосиф, не мучай меня... – размотал жгут на руке Хрущев.

– Ради чего мы везли это сюда? Новое оружие! Новое оружие! Чтобы поделиться с электрическим? Он сейчас скажет спасибо русским дуракам!

– Не мучай меня!! – закричал граф, наливаясь кровью.

Наверху в Небесном зале продолжался ужин. За огромным окном уже светало.

Оркестр играл, слуги подали десерт. Собак убрали. Геринг и фон Риббентроп пытались развлекать гостей. Доктор Морелль мешал им, нагоняя легкую оторопь своими неуместными монологами. Надежда тоже сидела за столом. Весты не было.

Вдруг вошел Гитлер, хлопнул в ладоши;

– Finita! Оркестр смолк.

– Всё! – Гитлер подошел к столу, обвел глазами сидящих и расхохотался. – Вот и всё! Баран! Баран! Баран!

Геринг и фон Риббентроп стали медленно приподниматься со стульев.

– Баран! Баран! Баран! – кричал Гитлер.

– Где? – искренне спросил Морелль.

– Мой фюрер... – затрепетал фон Риббентроп.

– Всё! – Гитлер опустил на колени, глянул в сверкающий потолок, осенил себя крестом. – Великий Боже, это свершилось!

В зал в сопровождении бойцов погибшего Скорцени вошли Сталин и Хрущев. Старший офицер подошел к коленопреклоненному Гитлеру, протянул два шприца с голубой жидкостью.

– Свершилось, – прошептал Гитлер, беря шприцы в руки и прижимая их к лицу

Вошла Веста в новом наряде – вечернем платье молочного бархата, с коротким жакетом из белой кожи на плечах. Волосы ее были заплетены в косу

Увидя отца под дулами автоматов, она остановилась.

– Свершилось... – шептал Гитлер среди всеобщей тишины.

– Папа... что это? – Веста подошла к отцу

– Все в порядке, – мрачно произнес Сталин, не глядя на нее.

Раздался сдавленный стон и охрана втокнула в зал Бормана. Он был в натальной рубашке, в наручниках, с заклеенным ртом. Завидя коленопреклоненного фюрера, он бухнулся на колени и, мыча, пополз к нему. Но Гитлер легко встал и, неотрывно глядя на шприцы, медленно двинулся по залу:

- Голубая кровь... а не новое оружие.
- Адольф, ты совершаешь ошибку, – сказал Сталин.
- Свинья, – прошипел Геринг, с ненавистью глядя на ползущего и мычащего Бормана.
- Колбасники! – презрительно скривил губы Хрущев.
- Только кровь... только новая кровь спасет мир... – шептал Гитлер.

Неожиданно Надежда выхватила из своей сумочки гранату-лимонку, неловко выдернула чеку и кинула в Гитлера. Веста завизжала. Охранники нажали на гашетки автоматов, пули впились в тело Надежды.

Лимонка стукнула Гитлера в спину, отскочила и завертелась на полу. Он недовольно обернулся на треск автоматов, увидел оседающую Надежду.

- Граната!! – крикнул Геринг.

Гитлер повел головой, ища взглядом на полу. Как только его голубые глаза остановились на черном ребристом корпусе лимонки, раздался взрыв. Чугунные осколки прошли тело Адольфа, взрывной волной его отбросило на пол. Один из шприцев разнесло осколком, другой остался в руке фюрера.

Сталин оттолкнул охранника и кинулся к Гитлеру. Дула эсэсовских автоматов повернулись в его сторону. С разбега Сталин бросился на полированный мрамор пола, заскользил по нему к бьющемуся в агонии фюреру. Затрещали автоматы. Но пули прошли над телом Сталина, кроша синюю яшму стен. Врезавшись в Гитлера, Сталин выхватил из его руки шприц.

- Не смей! – цеплялся за шприц Гитлер. Сталин воткнул шприц себе в глаз.

- Только не в мозг! – захрипел окровавленный фюрер, борясь со Сталиным.

Сталин схватил его за руки, размахнулся головой и, упершись рукояткой поршня в лоб Гитлера, надавил. Игла прошла сквозь глазное яблоко, проколола кость глазной впадины. Голубое сало хлынуло в мозг Сталина.

- Ты же не знаешь... – пускал кровавые пузыри Гитлер. – Мясник кремлевский... ты ничего не знаешь... Мозг Сталина стал расти. Череп вождя треснул.

– Это... я! – успел проговорить Сталин.

Мозг разорвал его череп, раздулся бело-розовым шаром, коснулся стены и стола. Стол поехал на мечущихся гостей, давя их, стена треснула. Мозг поднялся до потолка Небесного зала. Потолок затрещал. Охрана и остатки гостей бросились бежать из зала. Стена рухнула. Вслед за ней обрушился потолок. Дрожь прошла по дворцу Мозг рос, круша здание. Готические арки крошились, мрамор и кирпичи сыпались вниз, поднимая тучу пыли. Медная чешуя крыши взбугрилась, лопнула. Мозг поднимался над домом восходящее солнце блестело на тугих извилинах. Грохот сотряс дворец, и он рухнул в клубах пыли. Мозг подмял пыльные руины, расширяясь, коснулся векового хвойного леса. Затрещали, падая, деревья, за клубился потревоженный снег. Мозг раздавил дом Бормана, столкнул в пропасть виллу Геринга, растер о скалу отель «Zum Turken». Вскоре все плато Оберзальцберга было занято мозгом Сталина. Розово-лиловые края его свесились вниз. Гул прошел по Альпам. Снежные лавины сорвались с гор. Обезумевшие овцы и люди полетели в пропасти. Птицы метались. Горные озера выплеснулись из берегов. Мозг рос. Гора, держащая его, треснула и обрушилась. Мозг рухнул вниз. Землетрясение пронеслось по Альпам от Линца до Бодензее. Облако пыли поднималось над дрожащими вершинами. Мозг рос. Извилины шевелились, поднимаясь к лазурному горному небу густая тень скользила по земле, накрывая города и деревни. Вскоре она коснулась Мюнхена, а через полчаса сонный город уже хрустел под мозжечком Сталина. Лобные доли поехали на юг, сдвигая Альпы, сбрасывая их в Адриатику. Сероватый мозжечок упорно полз на север, накрывая дремлющую Германию. Правое полушарие двигалось на запад, утюжа французские поля, левое сотрясало восточную Европу. Блестящий лиловый купол поднимался над миром. К полудню он коснулся облаков. К трем часам правое полушарие столкнуло в Атлантику обезумевший Лиссабон и рухнуло следом, подняв километровую волну. Левое полушарие, раздавив Москву и Санкт-Петербург, уперлось в Уральские горы и поволокло их по тундре Западной Сибири, счищая землю с вечной мерзлоты. Мозжечок, расправившись со Скандинавией, ухнул в Ледовитый океан, тревожа тысячелетние льды. К вечеру Последнего Дня Земли мозг Сталина накрыл полмира. Другая половина скрылась под водой. Еще через сутки Земля, перегруженная мозгом Сталина, сошла со своей орбиты и притянула к себе Луну. Но через 3598 суток мозг уже в 112 раз превышал диаметр Солнца и, раздробив его на 876 076 жидких частей, всосал в себя. Планеты бывшей Солнечной системы стали спутниками мозга. А потом упали на него. Мозг Иосифа Сталина постепенно заполнял Вселенную,

поглощая звезды и планеты. Через 126407500 лет мозг превратился в черную дыру и стал сжиматься. Еще через 34564007330 лет он сжался до естественного размера мозга Иосифа Сталина. Но масса мозга вождя в 345000 раз превышала массу Солнца. Тогда Сталин вспомнил про грушу. И открыл глаза.

Его комната без мебели, с единственным эстиконовым столом, была слабо освещена подвижным потолком довоенного образца. Живородящие обои вяло шевелились на стенах.

Сталин посмотрел на свои рябые старческие руки, протянул усохшую правую и взял из желтой вазы очищенную грушу.

Сок блестел на ее гранях.

Он поднес ее к усам, открыл рот и откусил. Груша была сочной и сладкой.

Сталин медленно прожевал, откусил еще. Неторопясь, он съел грушу вместе с косточками и шершавой сладкой сердцевинкой, кинул веточку в вазу. Вытер усы ладонью, подвинул к себе нефритовую пепельницу с трубкой, серебряной спицей расковырял пепел в трубке и не спешно выбил ее о край пепельницы. Новая коробка папирос «Герцеговина Флор» лежала справа на столе. Сталин взял ее, желтым ногтем прорезал наклейку, раскрыл коробку, вытянул папиросу, отломил мундштук и запихнул гильзу с табаком в черное жерло трубки. Вытянул еще три папиросы и поступил с ними точно так же. Когда трубка оказалась полной, Сталин поковырял в ней спицей, вытащил обрывки папиросной бумаги, примял табак прокуренным пальцем правой руки и взял трубку в зубы.

Длинные спички «Дальстрой» лежали рядом.

Сталин раскурил трубку и, попыхивая ею, перевел взгляд на книгу, лежащую слева. На сером коленкором переплете было оттиснуто:

Н. И. Петренко

Механическая обработка голубого сала

Сталин раскрыл книгу, пролистнул титул с пометкой «для внутреннего пользования», нашел оглавление, повел по нему рябым пальцем, уперся в главу IV, подчеркнул ее ногтем:

– Так. Страница... шестдэсят пять.

Полистал, нашел шестдэсят пятую страницу, с хрустом разломил книгу, провел посередине рукой и стал читать:

Глава IV

Основные виды соединения шматков

1. Сплачивание

Сплачивание – соединение шматков голубого сала в пласты. При сплачивании из узких и широких шматков получаются пласты нужных размеров.

Сплачивание может производиться различными способами. Наиболее часто встречается сплачивание из узких шматков на гладкую фугу, на сальную рейку, в четверть, в паз и гребень прямоугольный или треугольный и в «ласточкин хвост» (рис. 43).

Шов, образуемый при соединении шматков, называется фугой.

Ширина щита определяется шириной шматков и их количеством.

Большое значение при сплачивании имеет правильный подбор шматков по направлению сальных волокон. Шматки, склеиваемые на гладкую фугу (рис. 43а), должны иметь гладкие и ровные кромки по всей длине. Для получения качественного шматка, нужно кромки его фуговать электрофуганком строго под прямым углом к оси шматка. Если при соединении кромок смежных шматков не обнаруживается просветов, то прифуговка выполнена качественно.

Сплачивать на гладкую фугу можно также вставными сальными шипами, изготавливаемыми из голубого сала по методу И. Самохина (рис. 48-51). При этом диаметр шипа должен составлять не более половины толщины шматка, а длина равняться 8-10 диаметрам его. Шипы следует располагать с шагом 10-15 мм.

При соединении на сальную рейку (рис. 43б) по кромкам шматков выбираются пазы, в которые вставляют рейки, соединяющие между собой шматки. Ширина паза и толщина рейки должны составлять 1/3 толщины шматка.

При сплачивании в четверть в соединяемых шматках выбираются по

всей длине кромки четверти (рис. 43в). Глубина и ширина четверти обычно составляют половину толщины шматка.

Сплачивание в паз и гребень производят путем отборки по всей длине кромки с одной стороны шматка паза, а с другой – гребня. Соединение в паз и гребень может осуществляться в прямоугольный гребень (рис. 43г) и реже в треугольный (рис. 43д), так как он имеет меньшую прочность и способствует разрыву сальных пластов.

Сплачивание в «ласточкин хвост» применяется при изготовлении...

– Ну что там, рипс лаовой? – раздался громкий молодой голос. – Долго мне ждать еще?!

– Все... – дернулся Сталин, торопливо вытаскивая трубку изо рта, приподнялся со стула. – Все гатово, гаспадин ST. Я все нашел...

– Чего же ты завис, шагуа? Скользи быстро!

– Слюшаюс, – Сталин сунул недокуренную трубку в пепельницу, взял книгу, заложив пальцем страницу, скрипя сапогами засеменил к водяной двери.

Перед дверью остановился, произнес:

– Зэркало.

Появилось зеркало.

Сталин недоверчиво посмотрел на себя – желтолицего старика с редкими рыжеватыми усами, обвислым носом, низким рябым лбом, бесцветными глазами и седыми, зачесанными назад волосами. Поправил клапан на белом кителе, кашлянул и шагнул в дверь.

Булькнув, она впустила его в большую, ярко-оранжевую комнату. Голый, невероятно худой молодой человек полулежал на огромном подиуме, утопая в шевелящихся ворсинках живородящей шерсти. Неестественно белая кожа его была покрыта подвижной татуировкой: 69 иссиня-черных дельфинов непрерывно появлялись и исчезали на его груди и руках. Мармолоновая пластина сложной формы обтягивала голый череп молодого человека и плавно уходила под кожу. Белые глаза его смотрели на парящую красную пирамидку – стабилизатор М-баланса. Юноша жевал вяленую саранчу и потягивал пиво из узкого стакана.

На полу, на стальной доске лежал пласт голубого сала, сращенный из узких шматков.

– Разрешите, гаспадин ST? – произнес Сталин своим бесцветным голосом.

– Ты совсем V-2 потерял, старый сятоу? – проговорил юноша высоким голосом, обнажая сиреневые зубы.

– Я все нашел, гаспадин ST, – Сталин раскрыл книгу. – Вот, здесь в главэ номэр чэтыре напысано: сплывание в прямоугольный грэбень гараздо надежней, чем сплывание в трэугольный.

– А это что? – показал юноша глазами на голубое сало.

– А это и есть сплываемые имэнно в прямоугольный грэбень, гаспадин ST.

– И он, по-твоему, – надежен?

– Савершенно надежен, гаспадин ST.

– Ты уверен, рипс нимада?

– Я абсолютно уверен, гаспадин ST. Юноша кинул в Сталина саранчой:

– А если по швам расползется, как у Сидни Новикофф?

– У нее сплывание было на гладкую фугу, гаспадин ST. Паэтому и распадалось.

– А если сделать «ласточкин хвост»? – юноша почесал свой расшитый бисером член. Сталин прижал книгу к груди:

– Гаспадин ST. Паймыте, пожалуста. Соединение шматков типа «ласточкин хвост» применяется только... Раздался сигнал получения голубиной почты.

– От кого это, рипс сяобен? – поставил стакан юноша.

– Я сэйчас прынесу, – Сталин вышел, положил книгу на свой стол и по винтовой лестнице с трудом поднялся на крышу.

Там было мокро и промозгло – мартовский ветер гнал по небу клочья облаков, внизу погружалась в сумерки Москва.

Клон-голубь размером с гуся сидел в стальной клетке и ритмично дергал серой, переразвитой грудью, Узловатые лапы со свирепыми когтями намертво вцепились в клетку Сталин вытянул из гнезда электрод, подошел к клетке. Кося большими черно-желтыми глазами, голубь раскрыл мощный клюв и зашипел. Сталин тронул почтаря электродом. Голубь дернулся и забился в слабой агонии. Сталин открыл клетку, вытянул из гнезда электронож и умело разрезал голубя пополам. Изношенные крылья птицы мелко трепетали. Сталин вынул из желудка почтаря серебристую капсулу, смахнул тряпкой кровь, сунул в карман кителя. Затем нажал педаль, и обе половины клон-голубя провалились в мусоропровод.

Сталин спустился вниз, протянул капсулу юноше:

– Прашу вас, гаспадин ST

Тот взял капсулу, раскрыл. В ней оказалась полоса свернутой рисовой бумаги, исписанная мелким почерком. Юноша прочел вслух:

2 января.

Привет, mon petit.

Тяжелый мальчик мой, нежная сволочь, божественный и мерзкий топ-директ. Вспоминать тебя – адское дело рипс лаовай, это *тяжело* в прямом смысле слова.

И опасно: для снов, для L-гармонии, для протоплазмы, для моего V-2.

Еще в Сиднее, когда садился в траффик, начал вспоминать. Твои ребра, светящиеся сквозь кожу, твоё родимое пятно «монах», твоё безвкусное tatoo-pro, твои серые волосы, твои *тайные* цзинцзи, твой грязный шепот: поцелуй меня в ЗВЕЗДЫ.

Юноша зевнул, кинул письмо на пол:

– Все-таки пенътань этот Глогер, а? Сталин осторожно пожал сутулыми плечами:

– Нэ очень умный человек.

Юноша отхлебнул пива:

– Tatoo-pro я уже полгода не ношу, серых волос у меня в помине не было, рипс шен шен. А в ЗВЕЗДЫ целовать липкий Bogis никогда не умел. Он умел одно – сопливить отношения. А ты знаешь, сяочжу, как я не выношу этого.

Он встал:

– Значит, ты уверен, что прямоугольный гребень не подведет?

– Абсолютно, гаспадин ST.

Юноша потянулся своим тонким телом, хрустнул костяшками пальцев и визгливо выкрикнул:

– Зер-ка-лааа!

Вокруг него поплыли три зеркала.

– Набрось, – приказал он Сталину.

Сталин осторожно поднял со стальной доски пласт голубого сала и накинул на костлявые плечи юноши. Составленная из 416 шматков, накидка светилась голубым, доходя юноше до пояса. Сталин застегнул замок молибденового ошейника. Юноша поправил его, уперся руками в бедра, неотрывно глядя в плывущие зеркала:

– Если я на Пасхальном балу раскрашу носорога – пойдешь к моему деду в навигаторы.

– Все будет харашё, – натянуто улыбнулся Сталин. Юноша покружился, накидка тяжело прошелестела.

– Ну? Похож я на Фэй Та? – спросил он свое отражение.

– Как двэ капли, – ответил Сталин, и с хорошо скрытой ненавистью посмотрел на него.

notes

Китайские слова и выражения, употребляемые в тексте

Ба – борона
Байчи – идиот
Баофа – порыв
Бэйбиди – гнусный
Бэйцаньди – вызывающее грусть
Бэнхуй – катастрофа
Буфуцзэ сяньсян – безответственный
Ванвэй – престол
Во ай ни – я люблю тебя
Вэнь-цзяньцзя – папка для бумаг
Гаовань – яйца (мужск.)
Гаофэнь – слишком
Гунмынь – задний проход
Даньхуан – желток (кличка русского прокитайской ориентации)
Дахуй – съезд
Куайхожэнь – весельчак
Кэчиди – жалкий
Кэбиди – презренный
Лао бай син – деревенщина
Лаовай – чужак
Лин жэнь мань-ди – удовлетворительно
Лянмяньпай – двурушник
Мошуцзя – волшебник
Мэй Го – прекрасная страна
Нимада – мать твою
Нинь хао (ни ха) – здравствуй
Няо – моча
Пеньтань – тупой
Пиньфади – убогий
Пинъаньди – спокойно
Сяобень – ссать
Сяотоу – воришка
Сяочэ – вагонетка
Сяоши – пустяк

Сяочжу – поросенок
Табень – срать
Тудин – лысина
Фынцыхуа – карикатура
Ханкун мудень – авианосец
Хуайдань – мерзавец
Хушо бадао – чушь
Хэй Лун цзян – река Черного дракона
Цайюань – огород
Цзинцзи – игра
Цзодэ хэнь ягуаньди – сделано со вкусом
Цзуанькунцы – бурав
Цзы-динсянхуа – сирень
Цзюй во каньлай – как мне кажется
Цзюцзин нинь шэмма шихоу нэн чжуаньбэйхао ни? – И когда вы будете готовы?
Цюй нянь синцижи сяюй ши – в прошлогодний воскресный дождь
Чантайди – нормально
Чженцзеди гунян – невинная девушка
Чжи-чан – прямая кишка
Чжуаньмыньцзя – специалист
Чжунши – верность
Чоуди – вонючий
Чуньжэнь – глупец
Шагуа – дурак
Шаонянь – парень
Шен шен – животворная сила
Шаншуйхуа – пейзаж
Шици – период времени, срок
Шуйляо – пойло для скота
Юйван синвэй – идиотский поступок
Юэши – затмение Луны
Яндяньфын – эпилепсия

Другие слова и выражения

«Чжуд Ши» – древний трактат по тибетской медицине

Скран, римс, гланг-тхабс, рмен-бу – тибетские названия болезней

Рипс – международное ругательство, появившееся в устной речи евроазиатов после Оклахомской ядерной катастрофы 2028 года. Происходит от фамилии сержанта морской пехоты США Джонатана Рипса, самовольно оставшегося в зоне радиоактивного поражения и в течение 25 дней ведущего подробный радиорепортаж о состоянии своего облученного, умирающего тела

SOLIDный – склонный к изменению

BOBO – сексуальные особенности

L-гармония – степень равновесия полей Шнайдера у организмов и веществ

LM – показатель психопротеизма Джадда

М-баланс – психологическая устойчивость

BORO-IN-OUT – половой акт без релаксатора в STAROSEXe

Rapid – человек, склонный к мультисексу

GERO-KUNST – направление в современном искусстве, использующее вибропрепараты реактивного действия

PSY-GRO – паранойя

V-2 – показатель женственности Вейде

END-ШУНЬЯ – психосоматический вакуум

BORBOLIDE – биомеханическая стабильность

ADAR – приверженец биоэнергетической независимости Кольцова

KLOP – потребитель остаточных биоэнергий

АЭРОСЕКС, STAROSEX, ESSENSEX, 3 плюс Каролина – разновидности мультисекса

W-амбиции – способность преодоления END-ШУНЬИ

Radis-романтик – последователь философии Жидкого Тела боливийского философа и псимувера Антуана Радиса, популярной в начале 40-ых

Двинуть в LOB, спросить в LOB – совершить акт dis-вопроса, способный нарушить М-баланс

DOG-ада́ться – увидеть плюс-позитные поля фиолетового спектра

Stolz-6 – наследственная LM-устойчивость

SMЕяться – позволять интерферировать своим бордовым и желтым

плюс-полям

Т-вибрации – поступательные вибрации красных плюс-полей Тома-шевича

Сопливать отношения – вступать в сердечный контакт

Тюрить мокрые отношения – вступать в генитальный контакт

Творить сухие отношения – вступать в анальный контакт

Раскрасить носорога – совершить промах, оплошать

Прессовать вымя – поддерживать L-дисгармоничный разговор

Тип-тирип-по трейсу – удачное стечение обстоятельств

Маннованно – сужение сосудов головного мозга

Obo-robo – постоянная угроза нарушения М-баланса

Gusanos – краевые наложения плюс-полей

Фарш – вынужденное L-усилие